

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ТРАКТАТ ПРАВОВЫХ ИНИЦИАТИВ

Журнал основан в 2025 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (1) 2026

Journal of Legal Initiatives
Tractatus iniciativarum legis

**The journal is founded in 2025
Published 4 times a year**

Волгоград – 2026

ISSN 3033-7879

Трактат правовых
инициатив /
Journal of Legal
Initiatives /
Tractatus initiativarum
legis. –
Волгоград :
ВА МВД России, 2026. –
№ 1 (1). – 92 с.

**Учредитель
и издатель –
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2025 г. Выходит 4 раза
в год тиражом
250 экземпляров

Сайт журнала:
<https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>

Редакторы:
А. М. Мачнева,
М. С. Чубарова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Редько Александр Александрович, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Введенская Виктория Владимировна, заместитель начальника Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Виктор Викторович, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ПЕРЕВОДЧИК

Елисеева Мария Владимировна, старший переводчик-методист группы международного сотрудничества Волгоградской академии МВД России.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чумаченко Арина Юрьевна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционной коллегии

1. **Велиева Джамия Сейфаддиновна**, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

2. **Вопленко Николай Николаевич**, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

3. **Гончаров Александр Иванович**, профессор кафедры гражданского права и процесса Волгоградского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор.

4. **Грачев Николай Иванович**, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

5. **Давыдова Марина Леонидовна**, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

6. **Еремеев Дмитрий Витальевич**, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор.

7. **Иншакова Агнесса Олеговна**, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права Кубанского государственного университета, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

8. **Локтевич Ольга Игоревна**, доцент кафедры организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

Подписано в печать:
25.03.2026

Дата выхода в свет:
31.03.2026

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 11,5.
Усл. печ. л. 10,7.
Тираж 250.
Заказ № 12

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Коммунистическая,
д. 36

© Волгоградская
академия
МВД России, 2026

9. *Мазаев Владимир Дмитриевич*, профессор департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

10. *Малый Александр Федорович*, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

11. *Миронова Светлана Михайловна*, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

12. *Поляков Вячеслав Александрович*, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, специалист по учетно-хранительской документации Волгоградского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

13. *Рельев Артем Григорьевич*, заместитель директора Юридического института Российской академии университета транспорта по науке, заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса, доктор юридических наук, доцент.

14. *Рудковский Виктор Анатольевич*, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

15. *Рябов Сергей Иванович*, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России, доктор исторических наук, профессор.

16. *Сахарбай Арман*, заместитель начальника Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор.

17. *Трофимов Василий Владиславович*, директор научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, доктор юридических наук, профессор.

18. *Шестак Валентин Сергеевич*, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ISSN 3033-7879

Трактат правовых
инициатив /
Journal of Legal
Initiatives /
Tractatus initiativarum
legis. –
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2026. –
No 1 (1). – 92 p.

**Founder
and publisher –
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2025. Published 4 times
a year with the circulation
of 250 copies

Website of the journal:
<https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>

Editors:
*A. M. Machneva,
M. S. Chubarova*

DTP
N. A. Donenko

CHIEF EDITOR

Redko Aleksandr Aleksandrovich, First Deputy Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Vvedenskaya Viktoriya Vladimirovna, Deputy Chief of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Educational and Scientific Work, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

SCIENCE EDITOR

Popov Viktor Viktorovich, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

TRANSLATOR

Eliseeva Mariia Vladimirovna, Senior Translator-methodologist of the International Cooperation Office of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

EXECUTIVE SECRETARY

Chumachenko Arina Yuryevna, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The Editorial Board

1. *Velieva Dzhamilya Seyfaddinovna*, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law of the Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

2. *Voplenko Nikolay Nikolaevich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

3. *Goncharov Aleksandr Ivanovich*, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Volgograd State University, Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Doctor of Sciences (Economics), Professor.

4. *Grachev Nikolay Ivanovich*, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

5. *Davydova Marina Leonidovna*, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

6. *Eremeev Dmitriy Vitalyevich*, Deputy Head of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

7. *Inshakova Agnessa Olegovna*, Professor at the Department of Business and Private International Law of the Kuban State University, Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

8. *Loktevich Olga Igorevna*, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation Organization of the Educational Institution 'Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus', Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd
region, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130

Signed to print:
25.03.2026

Date of publication:
31.03.2026

Format 60x84/8.
Font Arial.

Physical print sheets 11,5.
Conventional
print sheets 10,7.
250 copies.
Order No 12

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd
region, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2026

9. *Mazaev Vladimir Dmitrievich*, Professor at the School of Public Law of the Faculty of Law of the National Research University 'Higher School of Economics', Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

10. *Malyy Aleksandr Fedorovich*, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

11. *Mironova Svetlana Mikhaylovna*, Professor at the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

12. *Polyakov Vyacheslav Alexandrovich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Accounting and Storage Documentation Specialist of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor.

13. *Repyev Artem Grigoryevich*, Deputy Director of the Law Institute of the Russian University of Transport for Science, Head of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

14. *Rudkovskiy Viktor Anatolyevich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Professor at the Department of Philosophy and Theory of Law of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

15. *Ryabov Sergey Ivanovich*, Professor at the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (History), Professor.

16. *Sakharbay Arman*, Deputy Head of the Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor.

17. *Trofimov Vasilij Vladislavovich*, Director of the Scientific Research Institute of State and Legal Studies, Professor at the Department of Theory and History of State and Law at Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

18. *Shestak Valentin Sergeevich*, Associate Professor at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО [Павленков Р. В.]

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Павленков Р. В., Редько А. А., Губанова В. В.
Совершенствование юрисдикционного
правоприменения в условиях
цифровой действительности

Попов В. В.
Субъективность пробельности права:
проблемы теории

Жуланов А. В., Самарский А. Н.
Чрезвычайное законодательство
в поздней Российской империи: институт
перманентного исключения как фактор
системного кризиса и революционного
коллапса

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Яловенко Т. В.
История развития и современное состояние идей
государственного суверенитета

Медведчук А. А.
Ограничение прав и свобод граждан
в условиях введенного на территории
Донецкой Народной Республики
военного положения

Муртазаев Х. М.
Коррупция в сфере реализации
национальных проектов:
проблемы правового регулирования
и правоприменения

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВО

Хлыстова Н. Б.
Системно-структурный анализ
как методологическая основа исследования правовой
политики по предупреждению правонарушений среди
молодежи

МЕСТО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕОРИИ ПРАВА

Попов Г. С.
Объективно-исторические предпосылки формирования
цифровой системы права
в Российской Федерации
(теоретический анализ)

Блинкова В. А.
Формирование механизма цифрового
суверенитета России как стратегического ресурса
укрепления национальной
безопасности (теоретико-правовой анализ)

Трибуна молодого ученого

Госейнов М. М.
Народ как политико-правовая категория

CONTENTS

8 INTRODUCTION [Pavlenkov R. V.]

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

10 *Pavlenkov R. V., Redko A. A., Gubanova V. V.*
Improving Jurisdictional Law
Enforcement in the Context of Digital Reality

19 *Popov V. V.*
The Subjectivity of Legal Gap:
Problems of Theory

28 *Zhulanov A. V., Samarskiy A. N.*
Emergency Legislation in the Late Russian
Empire: Institution of Permanent Exclusion
as a Factor of Systemic Crisis
and Revolutionary Collapse

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

35 *Yalovenko T. V.*
History of Development and Current Condition of the Ideas of
State Sovereignty

41 *Medvedchuk A. A.*
Limitation of Citizens' Rights and Freedoms
under Martial Law Introduced on the Territory
of the Donetsk People's Republic

47 *Murtazaev Kh. M.*
Corruption in the Implementation
of National Projects: Problems of Legal Regulation and Law
Enforcement

LEGAL POLICY AND LAW

55 *Khlystova N. B.*
System and Structural Analysis
as a Methodological Basis for Researching
Legal Policy to Prevent Offenses
Among Young People

PLACE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE THEORY OF LAW

62 *Popov G. S.*
Objective Historical Preconditions
for the Formation of a Digital Legal System
in the Russian Federation
(Theoretical Analysis)

69 *Blinkova V. A.*
Formation of Digital Sovereignty Mechanism
in Russia as a Strategic Resource
for Strengthening National Security
(Theoretical and Legal Analysis)

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

76 *Goseynov M. M.*
People as a Political and Legal Category

**РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ
НАУЧНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ
МЕРОПРИЯТИЙ**

Репьев А. Г.

Отзыв официального оппонента доктора юридических наук, доцента Репьева Артема Григорьевича на диссертацию Нистратова Сергея Геннадиевича «Теоретико-правовой анализ контроля и надзора в механизме обеспечения законности: инструментальный подход» (Волгоград, 2025. 256 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Бойко Д. В.

Отзыв на диссертацию Сергея Геннадиевича Нистратова «Теоретико-правовой анализ контроля и надзора в механизме обеспечения законности: инструментальный подход» (Волгоград, 2025. 256 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

**PEER REVIEWS, REVIEWS, OVERVIEWS
OF SCIENTIFIC AND REPRESENTATIVE EVENTS**

82

Repyev A. G

Review of the Official Opponent, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor Repyev Artem Grigoryevich on the Dissertation of Nistratov Sergey Gennadievich 'Theoretical and Legal Analysis of Control and Supervision in the Mechanism of Ensuring Legality: an Instrumental Approach' (Volgograd, 2025. 256 p.) submitted for the Scientific Degree of Candidate of Sciences (Jurisprudence) on Specialty 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

87

Boyko D. V.

Review on the Dissertation of Nistratov Sergey Gennadievich 'Theoretical and Legal Analysis of Control and Supervision in the Mechanism of Ensuring Legality: an Instrumental Approach' (Volgograd, 2025. 256 p.) submitted for the Scientific Degree of Candidate of Sciences (Jurisprudence) on Specialty 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!



Вы держите в руках первый номер научно-практического журнала «Трактат правовых инициатив», и для меня как для руководителя, прошедшего путь от курсанта до начальника образовательных организаций МВД России, ежедневно наблюдающего процесс становления молодых специалистов, большая честь открыть его страницы.

Мы живем в эпоху стремительных перемен, когда право как регулятор общественных отношений должно не только успевать за динамикой жизни, но и заглядывать вперед, задавая векторы цивилизационного развития России. Именно здесь, на стыке академических традиций и дерзновенности юного поиска нового, рождается подлинная правовая наука.

В 2025 году на базе Волгоградской академии МВД России начал функционировать диссертационный совет по направлениям научных специальностей 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки и 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, что явилось значительным шагом на пути укрепления и наращивания отечественного научного потенциала. Выпуск периодического печатного издания, в котором будут освещаться труды как научных светил, так и перспективных молодых ученых, – следующий необходимый этап для достижения амбициозной цели по повышению остроты педагогических работников ведомственных образовательных организаций МВД России.

Концепция нашего журнала сформирована таким образом: он должен стать отражением многогранности правопонимания, правотворчества и правоприменения современности, дополнением к силе, созидающей матрицу единых духовных и правовых скреп российской истории XXI века.

Рубрики, именуемые «Теоретико-исторические правовые науки» и «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», призваны стать хранителями преемственности, позволить дать взвешенную оценку любому правовому явлению сквозь призму накопленного опыта. Раздел «Место искусственного интеллекта в теории права» является площадкой для дискурса о вызовах цифровой эпохи, где при сохранении гуманистической сущности права задается темп его адаптации к новой реальности.

Особую ценность для меня представляет рубрика «Трибуна молодого ученого». Именно здесь не обремененные оковами профессиональной деформации молодые умы научного сообщества смогут предложить смелые правовые концепции. Я убежден, что будущее юридической науки и правовой политики России вызревает сейчас в учебных аудиториях и читальных залах. Инициативы, направленные на совершенствование системы права, сформированные на фундаменте искреннего желания изменить мир к лучшему, – это не просто работы адъюнктов, курсантов и слушателей, а краеугольный камень правовой политики завтрашнего дня.

Повторю слова Владимира Владимировича Путина, произнесенные еще в 2009 году во вступительной речи перед заседанием организационного комитета по проведению в России Года молодежи, поскольку более точно изложить мысль о важности формирования образованной и патриотически воспитанной молодежи, искренне болеющей душой за будущее Отечества, практически невозможно: «Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет, в 40 лет станут главными действующими лицами в нашей стране по реализации планов и проектов развития России, укрепления гражданского общества».

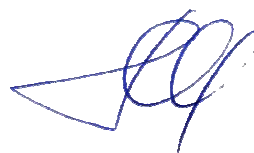
Рубрика «Правовая политика и право» аккумулирует исследования, нацеленные на поиск оптимальных механизмов государственного управления и защиты прав граждан. Раздел «Рецензии, отзывы, обзоры научных мероприятий» призван создать эффект живого присутствия, вовлечь каждого читателя в непрекращающийся диалог, в ту самую атмосферу научного поиска, которая царит на конференциях и симпозиумах.

Дорогие читатели! Пусть «Трактат правовых инициатив» станет для вас не очередным журналом на библиотечной полке, а настоящим другом и советчиком, отражением ваших идей и стартовой площадкой для больших свершений. Верьте в силу права, и пусть ваши инициативы всегда будут направлены на благо России и ее граждан.

Искренне желаю вам вдохновения и неиссякаемой энергии для исследований. В добрый путь, друзья, и только вперед, к новым победам и свершениям.



Начальник
Волгоградской академии МВД России
кандидат экономических наук, доцент
генерал-майор полиции



Р. В. Павленков

УДК 340:004

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Роман Васильевич Павленков*

Александр Александрович Редько**

Виктория Владимировна Губанова***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, rpavlenkov@mvd.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aredko3@mvd.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, Viktoriagub@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется потенциал внедрения цифровых технологий в процессы юрисдикционного правоприменения. Выявляется комплекс предпосылок для реформирования механизма правового регулирования в указанном направлении. По результатам сравнительного анализа современных подходов к правоприменению в процессуальных отраслях права обосновывается целесообразность применения административно-деликтной модели автоматизированного производства при привлечении к уголовной ответственности по преступлениям, совершенным в условиях очевидности и предполагающим наказание в виде штрафа; предложен алгоритм процессуальной оптимизации расследования указанной категории дел. Аргументируется необходимость автоматизации рутинной следственной деятельности по сбору, систематизации, анализу и оценке данных через внедрение модуля, формирующего цифровой профиль личности на основе совокупности данных из различных источников. Для повышения эффективности борьбы с правонарушениями информационно-коммуникативного характера, а также развития технической основы функционирования отдельных механизмов правовой цензуры в цифровой среде предлагается использовать интеллектуальные системы мониторинга и выявления противоправного контента.

Ключевые слова: юрисдикционное правоприменение, автоматизация правоприменения, искусственный интеллект в праве, модернизация следственной деятельности, инновации в праве

Для цитирования: Павленков Р. В., Редько А. А., Губанова В. В. Совершенствование юрисдикционного правоприменения в условиях цифровой действительности // Трактаат правовых инициатив. 2026. № 1. С. 10–18.

**IMPROVING JURISDICTIONAL LAW ENFORCEMENT
IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY**

Roman Vasilievich Pavlenkov*

Alexander Alexandrovich Redko**

Victoria Vladimirovna Gubanova***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, rpavlenkov@mvd.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aredko3@mvd.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, Viktoriagub@mail.ru

Abstract. The article analyzes the potential of integrating digital technologies into the processes of jurisdictional law enforcement. A set of preconditions for reforming the legal regulation mechanism in this direction is identified. Based on the results of a comparative analysis of modern approaches to law enforcement in the procedural law branches, the advisability of applying an automated administrative tort model while prosecuting for crimes committed in the context of an objective evidence and implying the imposition of a fine is substantiated; the algorithm of procedural optimization of investigation of the specified case category is proposed. The authors substantiate the necessity to automate routine investigative activities for the collection, systematization, analysis and evaluation of data through the introduction of a module that forms a digital personality profile based on a set of data from various sources. To improve the effectiveness of fight against information and

communication-related offenses, as well as to develop the technical basis for the functioning of individual legal censorship mechanisms in the digital environment, it is proposed to use intelligent monitoring and identify illegal content systems.

Keywords: jurisdictional law enforcement, automation of law enforcement, artificial intelligence in law, modernization of investigative activities, innovations in law

For citation: Pavlenkov R. V., Redko A. A., Gubanova V. V. Improving Jurisdictional Law Enforcement in the Context of Digital Reality. Journal of Legal Initiatives, 10–18, 2026. (In Russ.).

Введение. Современная цифровая эпоха формирует новые параметры социальной реальности, требующие пересмотра устоявшихся юридических конструкций и подходов. Прежняя парадигма правового регулирования общественных отношений на протяжении десятилетий задавала вектор функционирования правовых институтов в различных отраслях права, однако в актуальных условиях она расшатывается под давлением новых социально-правовых реалий и в отдельных ситуациях стремительно утрачивает способность адекватно реагировать на вызовы времени. На наш взгляд, она остро нуждается в корректировке с учетом цифровизации общественной среды и распространения средств объективной фиксации окружающей действительности.

Особо показательным примером в контексте вышеуказанной проблемы является сложная, многогранная, многоаспектная деятельность правоприменителя. Данный субъект исторически призван решать задачи, требующие высокого уровня профессиональной подготовки, эрудиции, критического мышления. В основе его деятельности – анализ и синтез доказательственной информации, формирование версий, логическая реконструкция событий, установление сложных причинно-следственных связей между действиями субъекта, наступившими последствиями и иными элементами состава преступления. Правоприменитель – это аналитик и стратег, оперирующий арсеналом дедуктивных и индуктивных методов в целях отыскания истины как в стандартных, так и в самых неочевидных юридических ситуациях.

Зачастую современный правоприменитель осуществляет свою профессиональную деятельность, весомая часть которой сводится к выполнению механической, рутинной работы, в условиях перманентной сверхнагрузки. Вместе с тем современная техническая среда формирует принципиально новый тип доказательства – зафиксированное автоматически, в реальном времени. Например, по преступлениям, совершенным в условиях очевидности, такая важная фигура в правоприменении, как следователь, фактически выполняет функцию обычного «юридического клерка», документируя довольно понятные обстоятельства, и, таким образом, в ущерб расследованию действительно сложных преступлений, требующих высочайшей интеллектуальной вовлеченности и психического сосредоточения, тратит значительное количество времени на оформление процессуальных документов по делам, в которых фактическая картина уже ясна и подтверждена объективными данными.

Камеры наружного и внутреннего видеонаблюдения, автомобильные видеорегистраторы, мобильные телефоны и системы умного города позволяют установить не только событие преступления, но и лицо, его совершившее, время, место, средства, нередко мотив и другие элементы состава преступления. Тем не менее, несмотря на такую радикальную трансформацию информационного фона, правоприменительная система продолжает функционировать в парадигме, сложившейся задолго до появления цифровой фиксации. При наличии полной фактической картины, соблюдении ряда условий, не вызывающих сомнений, уголовно-процессуальный механизм продолжает работать по традиционному пути: возбуждение уголовного дела; проведение допросов, очных ставок, осмотров, освидетельствований; назначение экспертиз, сопровождающихся составлением большого массива процессуальных документов; подготовка обвинительного заключения и т. д. Формальный подход к процессу правоприменения, невзирая на очевидность зафиксированных событий, дублирует уже установленные техническими средствами факты и влечет чрезмерные издержки – временные, организационные и финансовые. Оплата труда следователя / дознавателя, прокурора, судьи, сотрудников аппарата суда, бумага, картриджи, амортизация техники – все это ведет к значительному расходованию ресурсов, объективно несоразмерному сложности конкретного дела. Затраты, необходимые для судопроизводства по одному уголовному делу, по примерным расчетам достигают от ≈ 100 000 до ≈ 160 000 руб. (табл. 1)

Примерный расчет затрат, необходимых для судопроизводства по одному уголовному делу

Категория расходов	Детализация	Сумма
Оплата труда следователя	≈ 76 000 руб./мес → ≈ 2 923 руб./день × 15 дней	≈ 43 845 руб.
Оплата труда прокурора	≈ 90 000 руб./мес → ≈ 4 090 руб./день × 5 дней	≈ 20 450 руб.
Оплата труда районного судьи	≈ 150 000 руб./мес → ≈ 6 818 руб./день × 10 дней (общий порядок) / 2 дня (особый порядок)	≈ 68 180 руб. (общий порядок) / ≈ 13 626 руб. (особый порядок)
Бумага и печать	≈ 600 листов бумаги с учетом правок руководителя следственного органа, сопроводительных документов, постановлений / представлений прокурора, постановлений / определений суда (≈ 600 руб.) + краска / износ принтера (≈ 1 000 руб.)	≈ 1 600 руб.
Прочие расходы	Коммунальные услуги (освещение, вода, теплоснабжение), канцелярия, транспортные расходы, почта и т. д. (≈ 1 000 руб./день) из расчета на рабочие дни каждого органа власти (15 рабочих дней следователя, 5 рабочих дней прокурора, 2 / 10 рабочих дней судьи)	≈ 30 000 руб. (общий порядок) / ≈ 20 000 руб. (особый порядок)
Итого: ≈ 164 075 руб. (общий порядок) / ≈ 99 523 руб. (особый порядок)		

Если подобная процедура оправдана в отношении преступлений средней тяжести и выше, то в случаях с очевидными, зафиксированными посредством технических средств преступлениями небольшой тяжести (и в отдельных случаях – средней тяжести) она превращается в механизм неэффективного расходования государственного бюджета. Пересмотр подхода к расследованию подобных дел позволит существенно снизить эти расходы, а высвобожденные ресурсы – перераспределить в пользу приоритетных направлений работы следственных органов.

Кроме того, ситуация подкрепляется действующими негласными нормативами, в соответствии с которыми следователь обязан обеспечивать стабильную статистику направляемых в суд дел (как правило, не менее двух-трех в месяц, так называемая перспектива). В результате деятельность следователя деформируется под давлением количественных показателей: приоритет отдается делам, не требующим глубокой следственной работы, но позволяющим в короткие сроки обеспечить «отчетность». Тем самым высококвалифицированный субъект уголовного преследования оказывается погружен в сферу технически-канцелярского воспроизводства уже установленных обстоятельств. Указанный дисбаланс становится особенно ощутимым в условиях кадрового дефицита в следственных подразделениях и высокого уровня служебной нагрузки.

Очевидно, что в таких условиях отсутствие адаптации уголовно-процессуального законодательства к цифровой среде вступает в противоречие с технологическим развитием общества и создает избыточную нагрузку на следственные органы, снижая эффективность уголовно-правовой политики государства. Соглашаясь с артикулированной в современной научной доктрине мыслью о том, что «в настоящее время начался новый этап развития российского законодательства... усиливается актуальность укрепления научных основ в сфере права и законодательства» [1, с. 13–14], добавим, что упомянутое «укрепление»

подразумевает научно-теоретическое осмысление новых, отвечающих вызовам времени факторов совершенствования механизма правового регулирования, инициирование их имплементации в правовую систему.

Методы. В соответствии с целью и задачами исследования для анализа проблемы и выработки предложений по цифровой трансформации уголовного судопроизводства были использованы: методы системного анализа и синтеза, позволившие рассмотреть уголовно-процессуальную систему в контексте цифровизации, выявить внутренние противоречия и взаимосвязи между ее элементами, а также спроектировать целостную модель оптимизации; формально-логический метод, при помощи которого получены четкие определения правовых понятий, сформулированы критерии автоматизации и построения алгоритмизированных процедур; сравнительно-правовой метод, позволивший осуществить сопоставление подходов к автоматизированному производству в административном и уголовном праве, анализ зарубежного опыта и выявление потенциала имплементации успешных моделей в уголовный процесс; эмпирический анализ, включающий обработку данных о финансовых и временных затратах на традиционное уголовное судопроизводство, представленных в табличной форме, что позволило количественно обосновать необходимость реформ.

Результаты. В современных условиях отмечается необходимость совершенствования, а в ряде случаев и трансформации традиционных подходов к юрисдикционному правоприменению. Особенно остро данный запрос проявился в уголовно-процессуальной отрасли права. Сложившаяся в ней ситуация требует принципиальной концептуальной переоценки: прежде всего – пересмотра необходимости применения полного объема уголовно-процессуальных процедур в отношении деяний, которые в силу объективных обстоятельств могут быть квалифицированы и санкционированы в упрощенном, автоматизированном порядке. В современных условиях назрела потребность в перераспределении функциональной нагрузки, в том числе за счет внедрения элементов автоматизации и упрощенного порядка фиксации и рассмотрения некоторых категорий преступлений по аналогии с административно-деликтной моделью, уже успешно реализованной в практике привлечения к административной ответственности. С помощью систем фото- и видеозаписи в отношении лиц, допустивших правонарушения (проезд на запрещающий сигнал светофора (регулировщика), превышение установленной скорости движения и т. д.), автоматически выносятся постановления об административном правонарушении, назначается санкция в виде административного штрафа. Система позволяет оперативно реагировать на правонарушения, экономя ресурсы как правоохранительных органов, так и граждан.

В указанной плоскости парадокс современной правоприменительной практики заключается в том, что в отдельных случаях административные деликты могут быть значительно более неоднозначными с правовой точки зрения, чем некоторые преступления. Так, в случае, если водитель, нарушая установленный скоростной режим, фактически не создавал угрозы причинения вреда общественным отношениям и действовал при обстоятельствах, исключающих производство по делу об административном правонарушении (например, в состоянии крайней необходимости доставлял больного человека в медицинское учреждение по пустой дороге), автоматическая фиксация превышения скорости порождает неоднозначную ситуацию. Водитель транспортного средства становится перед выбором: либо оспаривать решение в порядке обжалования, либо в силу незначительности размера штрафа, воспользовавшись «скидкой» за его оперативное погашение, согласиться с административным решением, осознавая при этом его несправедливость. Не вызовет удивления тот факт, что во многих случаях граждане выберут второй путь, предпочитая избежать временных издержек на оспаривание административного решения. В то же время при наличии преступления, совершенного в условиях полной очевидности и зафиксированного на видеозаписи, на которой отчетливо видно лицо, поведение и обстановку в момент совершения преступления, уголовно-процессуальная система требует проведения полного цикла уголовного судопроизводства.

Подобный дисбаланс правоприменения особенно парадоксален с учетом того, что поиск сущностной природы взаимодействия административного и уголовного права приводит к выводу об их общей публично-правовой природе, охранительном характере правовых норм и близости базовых принципов юридической ответственности. Обе отрасли права исторически восходят к такой юридической практике, в рамках которой изначально не проводилось четкого различия между преступлениями и административными правонарушениями. В ряде зарубежных государств подобное разграничение отсутствует и сегодня: все формы противоправного поведения, влекущие юридические санкции, охватываются рамками уголовного права, тогда как административное – в прямом своем смысле (*administrate* – «управлять, контролировать») – направлено на вопросы внутреннего управления – регулирования порядка выборов, лицензирования и т. д. В российской правовой системе на современном этапе граница между админист-

ративными правонарушениями и преступлениями формально проведена, однако нередко она остается гибкой. Данный факт подтверждается и в научной литературе, где справедливо подчеркивается, что разграничение между административными правонарушениями и преступлениями имеет во многом условный характер [2].

Вместе с тем внедрение элементов административно-деликтной практики в сферу уголовного судопроизводства не может осуществляться спонтанно. Такой шаг требует тщательной нормативно-правовой регламентации условий, при которых упрощенный порядок фиксации и санкционирования может быть признан допустимым в рамках уголовного процесса. Прежде всего, это предполагает определение критериев объективности фиксации события преступления, достаточных для отказа от традиционного комплекса следственных действий.

Среди таких критериев целесообразно установить минимальные технические параметры записывающего устройства, в частности разрешение видеозаписи не ниже 1920 × 1080 пк, наличие четкой фиксации лица правонарушителя в анфас и профиль, а также непрерывность видеоряда на протяжении установленного минимального временного интервала (например, не менее 30 секунд, в том числе с фиксацией обстановки до и после совершения деяния). Обязательным элементом в рамках такого процесса должно стать проведение специальной криминалистической экспертизы, направленной на исключение признаков подделки или генерации изображения с использованием технологий создания дипфейков. При соблюдении указанных условий допустимо формирование обвинительного заключения и последующее направление дела в суд без проведения допросов, очных ставок, осмотров и иных традиционных следственных действий в рамках предварительного расследования. Применение данного механизма следует ограничить строго определенной категорией преступлений небольшой тяжести и в отдельных случаях средней тяжести, предполагающих наказание в виде уголовного штрафа. В частности, в перечень таких преступлений из числа подследственных следователям органов внутренних дел Российской Федерации необходимо включить следующие составы:

1. Часть 1 ст. 124 УК РФ. Неоказание помощи больному.
2. Часть 1 ст. 124.1 УК РФ. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи.
3. Часть 2 ст. 158 УК РФ. Кража, совершенная: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.
4. Часть 1 ст. 179 УК РФ. Принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения.
5. Часть 1 ст. 215.2 УК РФ. Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения.
6. Статья 259 УК РФ. Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.
7. Часть 2 ст. 260 УК РФ. Незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены: а) группой лиц; б) утратил силу; в) лицом с использованием своего служебного положения; г) в крупном размере.
8. Часть 1 ст. 267 УК РФ. Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения.
9. Статья 267.1 УК РФ. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Для реализации предлагаемой модели юрисдикционного правоприменения представляется целесообразным институциональное оформление специального подразделения в системе органов предварительного расследования, наделенного функцией обработки зафиксированных техническими средствами преступлений, подпадающих под установленные технико-правовые критерии. По аналогии с уже функционирующими в административной юрисдикции Центрами автоматизированной фиксации административных правонарушений (ЦАФАП) может быть создана структура, например, Центры автоматизированной фиксации преступлений (ЦАФП), в задачи которой войдет весь цикл упрощенного производства до направления обвинительного заключения в суд: проверка соответствия видеоматериалов установленным критериям допустимости автоматизированного порядка оформления преступления, обеспечение проведения криминалистической экспертизы на установление подлинности видеозаписи, подготовка обвинительных заключений. Уже здесь необходимо подчеркнуть, что, по нашему мнению, все эти процедуры будут автоматизированы и должны выполняться с помощью инструментов искусственного интеллекта в следующих алгоритмах: поступление сообщения о преступлении – получение видеоизображения – автоматическая проверка видеоизображения на качество, подлинность и отсутствие дополнительной генерации – идентификация преступника по биометрическим данным – генерация дежурным следователем-оператором обвинительного заключения – сбор имеющихся данных из открытых источников (госу-

дарственный аналог платформы «Глаз Бога»), характеризующих преступника (социальные сети, маркет-плейсы, мессенджеры, сайты ретейла, резюме и т. д.), – направление в электронном формате материалов в судебный участок дежурному судье – вынесение приговора – направление материалов на портал государственных услуг для уведомления осужденного и взыскания уголовного штрафа. При этом у судьи остается возможность принятия решения о перенаправлении материалов уголовного дела в обычный формат судопроизводства.

Совершенствование юрисдикционного правоприменения через внедрение автоматизированных алгоритмов сбора, обработки и распределения юридически значимой информации становится особенно актуальным в условиях стремительной цифровизации городской среды, которая уже сегодня представляет собой такое пространство, где значительная часть публичной активности фиксируется с помощью камер видеонаблюдения, беспилотных летательных аппаратов, автомобильных регистраторов, мобильных устройств и других средств объективного контроля. Технологии «Умный город» и «Безопасный город» обеспечивают возможность в режиме реального времени получать и анализировать массивы визуальных данных о совершаемых административных правонарушениях и преступлениях. В условиях цифровой трансформации правоприменительной практики последовательным шагом станет внедрение технологий автоматической идентификации лиц, зафиксированных при совершении противоправного деяния. Наравне с государственной инициативой, направленной на функционирование Единой биометрической системы (далее – ЕБС), которую рационально использовать в правоохранительной деятельности, другим потенциально результативным вектором развития в этом контексте представляется сотрудничество с кредитно-финансовым сектором, который в последние годы существенно нарастил объемы биометрических баз данных. Процедура идентификации клиента стала неотъемлемой частью банковской деятельности: при открытии счетов, получении кредитов, оформлении карт и подключении к дистанционному обслуживанию собираются и обрабатываются биометрические изображения граждан. Уже сегодня миллионы пользователей вовлечены в такую систему, а с учетом тенденции к дальнейшему распространению цифровых сервисов можно говорить о том, что повсеместная интеграция граждан в биометрическую инфраструктуру – лишь вопрос времени. В этой связи целесообразной представляется разработка программного обеспечения, позволяющего в рамках процессуального взаимодействия правоохранительных органов с банковским сектором и государственной системой ЕБС осуществлять автоматическое сопоставление изображений лиц с мест совершения преступлений с имеющимися в биометрических хранилищах банков данных.

Обсуждение. Предлагаемые нововведения определяют перспективы более глубокой цифровой трансформации юрисдикционной деятельности органов публичной власти, осуществляющих правоохранительную функцию, включая организацию и технологическое обеспечение следственной работы. Вместе с тем автоматизация уголовного правоприменения не должна ограничиваться лишь отдельными категориями правонарушений. В условиях стремительного развития технологий обработки данных и машинного анализа информации становится очевидной необходимость более широкого внедрения инструментов искусственного интеллекта в юридические процедуры противодействия правонарушениям любой степени тяжести. Современные алгоритмы машинного обучения, обладающие способностью к распознаванию сложных паттернов, позволяют реализовать комплексный подход к сбору, систематизации, анализу и оценке информации, имеющей значение для квалификации противоправного деяния. Особенно перспективным представляется создание автоматизированного модуля, способного сформировать цифровой профиль фигуранта на основе информации из ряда источников. В такой профиль, в частности, должны быть включены: данные адресно-паспортного учета, кредитная история и сведения о наличии или отсутствии транспортных средств и недвижимого имущества, позволяющие получить представление об уровне материального благосостояния человека; информация о судимостях и административных правонарушениях. Важным компонентом цифрового досье должны стать сведения, отражающие личностные и деловые качества, а также социальный, профессиональный и поведенческий облик личности: данные из резюме и анкет на платформах трудоустройства (Headhunter, «Работа.ру», SuperJob, «Авито Работа» и др.), активность на платформах ретейла («Авито», «Юла», Ebay и др.), контент из социальных сетей и мессенджеров, следы участия в форумах, а также цифровые признаки профессионального статуса (портфолио, публикации, участие в профессиональных сообществах). Кроме того, следует учитывать сведения об образовании, повышении квалификации, наличии государственных и ведомственных наград, особенностях правового и социального статуса (например, о наличии званий почетного гражданина, ветерана труда, об участии в волонтерских программах и т. д.). Реализация подобной интегративной модели обработки данных позволит существенно снизить трудоемкость рутинных этапов деятельности

по принятию правоприменительных решений, устранив необходимость в многочисленных ручных запросах, длительном ожидании ответов от различных инстанций, их обработке и систематизации.

В контексте трансформации юрисдикционного правоприменения под влиянием процессов цифровизации отдельного внимания заслуживают составы правонарушений, предусмотренные ст. 20.3.3 КоАП РФ, 280.3 и 280.4 УК РФ, устанавливающими юридическую ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации, и публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства. Ввиду информационно-коммуникативной природы указанных составов правонарушений юрисдикционное производство по делам данной категории преимущественно заключается в сборе и анализе текстового, аудио- и видеоконтента, размещенного в открытом доступе, прежде всего в социальных сетях и на платформах видеохостингов. Поиск и анализ такого рода информации являются задачами, которые в современных условиях с высокой степенью эффективности могут быть делегированы алгоритмам искусственного интеллекта. Речь идет о внедрении интеллектуальных систем, способных осуществлять автоматизированный мониторинг цифрового пространства и эффективно выявлять контент, содержащий признаки дискредитации, по ключевым словам (например, «москаль», «москаляка», «русня», «кацап» и т. д.), речевым оборотам и языковым паттернам, направленным на формирование негативного образа Вооруженных Сил Российской Федерации. Наряду с анализом текстовой информации алгоритмы способны проводить идентификацию аудио- и видеоконтента, включая распознавание речи, мимики, визуальных символов и звуковых сигналов, совмещая данные из разных форматов, для комплексной оценки информационного посыла. Интеграция технологий искусственного интеллекта в расследование и административное производство по указанным правонарушениям позволит существенно повысить эффективность реагирования на современные информационные угрозы, а также частично освободить субъектов правоохранительной деятельности от трудоемких операций по мониторингу, идентификации и фиксации противоправного контента.

Эффективное противодействие правонарушениям, имеющим информационно-коммуникативную природу, на современном этапе требует концептуальных решений, в частности, опоры на межотраслевой институт правовой цензуры как средства защиты информационного пространства государства от идеологических атак. Реализация предложенной модели автоматизированного анализа контента на основе заданных параметров создает техническую основу для устойчивого функционирования отдельных механизмов правовой цензуры в цифровой среде. В конечном счете развитие описанной модели направлено на формирование устойчивого и качественного правового и информационного пространства государства.

Заключение. Таким образом, современные технологические реалии, характеризующиеся повсеместной цифровизацией и распространением объективного видеоконтроля, требуют пересмотра устоявшихся подходов к организации юрисдикционного правоприменения. В частности, в условиях хронической загруженности следственных органов и дефицита ресурсов целесообразным представляется внедрение в уголовно-процессуальную сферу элементов, апробированных в административно-деликтной практике, прежде всего в отношении деяний, санкции за которые предусматривают штрафы. Преступления, совершенные в условиях полной объективной фиксации, могут и должны рассматриваться в упрощенном порядке, предполагающем автоматизированное формирование обвинительного заключения при соблюдении строгих технических и правовых критериев.

Реализация предлагаемой модели позволит перераспределить следственные ресурсы, высвободив время и интеллектуальный потенциал сотрудников для работы с преступлениями, объективно требующими полноценного уголовного судопроизводства. Речь идет о категориях уголовных дел, в которых установление истины невозможно без аналитической деятельности, направленной на реконструкцию событий, установление причинно-следственных связей, выдвижение и проверку следственных версий, – того интеллектуального и профессионального потенциала, ради которого и был создан институт предварительного следствия.

На современном этапе развития цифровых технологий и трансформации социальной среды особую актуальность в проблеме повышения эффективности организации правового регулирования приобретает формирование интегрированной системы автоматизированного сбора, систематизации, анализа и оценки информации, необходимой для качественного и оперативного расследования преступлений и производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, использование технологий искусственного интеллекта для выявления, анализа и оценки противоправного контента позволит не только повысить эффективность реагирования на информационные угрозы, но и станет важным элементом реализации концепции правовой цензуры как межотраслевого механизма защиты информационного пространства государства.

Высокотехнологичные преступления развиваются по экспоненте, однако до настоящего времени субъекты их расследования «остаются на подступах к ойкумене». Вызывает беспокойство опасение следственных органов вторгаться в преступную сферу, когда, например, похищена цифровая картина «Майнкрафт», взломан и используется в преступных целях аккаунт в социальных сетях с многомиллионными подписчиками, осуществляется преступный сговор в RPG (от англ. role-playing game – «ролевая игра») под вымышленными аватарами, осуществляется сбыт наркотических средств и их прекурсоров за виртуальную временную валюту с последующей монетизацией в биткоины и многое другое. Полагаем, что высвободившееся время следователя можно и нужно использовать именно в указанном направлении с одновременной корректировкой учебных планов ведомственных образовательных организаций.

В долгосрочной перспективе подобная реформа создает предпосылки для формирования гибкой и адаптированной к цифровой среде модели юрисдикционного правоприменения, способной эффективно отвечать на вызовы современности.

Список источников

1. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 656 с.

2. Шавырина А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 256–260.

References

1. Nauchnye koncepcii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva: monografija / V. R. Avhadeev, E. G. Azarova, L. V. Andrichenko [i dr.]; pod red. T. Ja. Habrievoj, Ju. A. Tihomirova; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 8-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma, 2024. 656 s.

2. Shavyrina A. S. Voprosy sootnoshenija prestuplenij i smezhnyh administrativnyh pravonarushenij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 1. S. 256–260.

Павленков Роман Васильевич,

начальник Волгоградской академии МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
rpavlenkov@mvd.ru

Редько Александр Александрович,

первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
aredko3@mvd.ru

Губанова Виктория Владимировна,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
Viktoriagub@mail.ru

Pavlenkov Roman Vasilievich,

Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor;
rpavlenkov@mvd.ru

Redko Aleksandr Aleksandrovich,

First Deputy Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
aredko3@mvd.ru

Gubanova Victoria Vladimirovna,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
Viktoriagub@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after peer reviewing 09.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 340.1

**СУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРОБЕЛЬНОСТИ ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ**

Виктор Викторович Попов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

lkj5@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются теоретические изъяны обоснования беспробельности права, а также неточности существующих трактовок пробельности права. Аргументируется, что идеи беспробельности права основаны на введении теоретической модели не только сильных, но и слабых разрешений, допустимости дескриптивной интерпретации принципа «разрешено все, что не запрещено», что ведет к противоречивости характеристики типа правового регулирования и расширению пределов правового регулирования. Показывается, что существующие трактовки пробельности права не вполне точны (а) в силу использования гипостазирования, что порождает неустранимую многозначность важных теоретико-правовых вопросов; (б) в силу некорректности заимствования строгой научной терминологии онтологической необходимости из естественных наук с таким расширением толкования данной необходимости, которое порождает предпосылки манипулятивного использования юридической науки. Для решения указанных теоретических проблем предлагается трактовка пробелов в праве через субъективное основание – использование для характеристики отсутствующих правовых норм аксиологических оценок с обязательным обоснованием выбора субъекта и, соответственно, предмета и критериев данных оценок.

Ключевые слова: пробел в праве, мнимый пробел, пробельность права, объективность пробельности права, субъективность пробельности права

Для цитирования: Попов В. В. Субъективность пробельности права: проблемы теории // Труды правовых инициатив. 2026. № 1. С. 19–27.

THE SUBJECTIVITY OF LEGAL GAP: PROBLEMS OF THEORY

Popov Viktor Viktorovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,

lkj5@mail.ru

Abstract. The paper examines the theoretical flaws in the justification of the law's lack of gaps, as well as the inaccuracies in existing interpretations of the law's gaps. It is argued that the ideas of the law's lack of gaps are based on the introduction of a theoretical model that includes both strong and weak permissions, as well as the permissibility of a descriptive interpretation of the principle of 'anything that is not prohibited is permitted' which leads to contradictions in the characteristics of the type of legal regulation and an expansion of the legal regulation limits. It is shown that the existing interpretations of the gap in law are not entirely accurate (a) due to the use of hypostatisation which creates an irreducible ambiguity in the important theoretical and legal issues; (b) due to the inaccuracies of borrowing strict scientific terminology of ontological necessity from the natural sciences, with such an expansion of the interpretation of this necessity that creates the preconditions for the manipulative use of legal science. To solve these theoretical problems, it is proposed to interpret gaps in law through a subjective basis – the use of axiological assessments to characterize missing legal norms, with a mandatory justification of the subject choice and the subject matter and criteria of these assessments accordingly.

Keywords: gap in law, imaginary gap, legal gap, objectivity of legal gap, subjectivity of legal gap

For citation: Popov V. V. The Subjectivity of Legal Gap: Problems of Theory. Journal of Legal Initiatives, 19–27, 2026. (In Russ.).

Введение. Актуальность проблематики пробелов в праве предопределяется важностью совершенствования механизма действия права, особенностями места и роли правовой инициативы в этом механизме [1], значимостью правовой инициативы в такой форме социально-правовой коммуникации, как правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества [2].

Вместе с тем следует признать и дискуссионность проблематики пробельности права, обусловленную целым рядом факторов. Думается, что эффективность научного обеспечения любой юридической деятельности, в том числе деятельности по выявлению, преодолению и устранению пробелов в праве, теснейшим образом связана с эффективностью преодоления определенных изъянов, присущих общетеоретической юридической науке. Основой такого преодоления являются совершенствование понятийного аппарата теории государства и права, наделение его точностью и строгостью, что особенно актуально и неизменно своевременно в связи с правильностью представлений о методологическом характере понятийного аппарата общетеоретической юридической науки [3, с. 135–136; 4, с. 37].

В силу этого объектом настоящего исследования являются пробелы в праве как общеправовой феномен, а предметом – основания их выявления (идентификации).

В данной связи целью работы выступают пересмотр существующих представлений об основаниях определения пробельности права и выработка новой общетеоретической аргументации для построения теоретической модели с субъективной основой идентификации пробелов в праве.

Методы исследования: комплексный подход в сочетании с использованием совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания с акцентом на системный, аксиологический, логический методы.

Результаты. Анализ довольно широкого спектра точек зрения к пробельности права позволяет сделать вывод о том, что первой линией разграничения концептуальных подходов является принципиальное признание наличия пробелов или же отрицание возможности пробельности права как таковой. Это самое гносеологически значимое разграничение объективности и субъективности в основаниях утверждения о наличии пробелов в праве. В частности, отрицание таких пробелов есть категоричное утверждение, что в объективной (правовой) реальности пробелов не существует, но есть не более чем «пробел в правосознании».

Если говорить об отрицании пробелов в праве, то можно, конечно, упомянуть мусульманскую правовую доктрину [5, с. 75], признающую в качестве основного источника права Коран, в котором есть строки «Мы не упустили в книге ничего» (Сура 6, аят 38). Следовательно, шариат, включающий в себя также разъяснения Корана, даваемые через Сунну, иджму и другие источники мусульманского права, рассматривается как предусматривающий регламентацию всех вопросов (в том числе юридического характера). Но анализ подобных положений основан на принятии или непринятии соответствующей религиозной догматики, что не составляет предмет данной работы.

Ярким примером отрицания пробельности права могут послужить также довольно любопытные идеи одного из крупнейших теоретиков права XX века Г. Кельзена [6, с. 305–310]. В основе концепции Г. Кельзена лежит логико-семантический анализ правовых норм в их взаимной выразимости в совокупности с особым вариантом толкования принципа деонтической полноты.

Кельзен исходил из общеизвестной идеи о том, что всякая правовая норма разрешает или запрещает некоторое поведение. Да, зачастую речь идет об обязывающих, а запрещающих нормах, но обязанность взаимно определима с запретом так, что запрет делать нечто полностью соответствует обязанности не делать это. Поэтому вполне допустимо вести речь не о правовых запретах и обязанностях, но лишь о запретах (или лишь об обязанностях). Именно поэтому допустимо ограничиться лишь двумя операторами – «запрещено» и «разрешено». Соответственно, принцип деонтической полноты допустимо интерпретировать как отнесение всего возможного¹ поведения к запрещенному или к разрешенному. Из этого, по мысли Г. Кельзена, следует, что любое поведение будет являться либо юридически разрешенным (дозволенным), либо запрещенным, а утверждение о наличии пробела в праве есть некая фикция [6, с. 307].

Для того чтобы дать корректную характеристику указанному рассуждению, необходимо обратить внимание на особенности понимания Г. Кельзеном дозволения (разрешения). Как можно увидеть, ученый толкует дозволение двояко: в некоторых случаях как сильное, а в некоторых как слабое разрешение. При этом нельзя не признать факт, что, хотя в литературе логико-философского характера вопрос

¹ Следует, однако, очень четко понимать, что вопреки распространенному в юридической науке мнению возможность и разрешение вовсе не являются синонимами. Они друг к другу не сводимы и друг из друга не выводимы ни при алетической, ни при онтологической, ни при диалектической, ни при «деонтической» («юридической») интерпретации возможности. Поэтому в данном случае речь идет о возможности как таковой.

о сильных и слабых дозволениях (разрешениях) освещен достаточно хорошо, юридическая наука указанное различие воспринимает пока еще в едва ли достаточной мере.

К дозволению сильного типа принято причислять относительно хорошо известное в юридической науке разрешение, формализованное в соответствующих управомочивающих юридических нормах *expressis verbis*, т. е. эксплицитно, явно. Такое дозволение иногда именуют буквальным [7, с. 195].

Слабым же принято именовать такое разрешение, которое прямо не формулируется. Вывод о его наличии делается исходя из того, что релевантный ситуации запрет не сформулирован в запрещающей норме [8]. Как видно, в данном случае имеет место то, что скорее принято именовать юридически безразличным / неурегулированным. Однако в подобном контексте используется несколько иная интерпретация такого положения вещей – «молчаливо разрешено» [9, с. 68].

Полагаем важным подчеркнуть, что «слабое разрешение», по сути, есть *описание* того, что запрет отсутствует. К такому выводу мы приходим, когда используется дихотомическая характеристика *всего* массива (множества) поведения как состоящего из двух групп (подмножеств) – запрещенного¹ и незапрещенного. Соответственно, все то поведение, которое не входит в группу (подмножество) запрещенного, относится к подмножеству незапрещенного. Но в этом подмножестве различают еще два подмножества. Это подмножество эксплицитно разрешенного поведения (посредством так называемого сильного разрешения) и подмножество поведения, которое вообще никак не предписано, но именуется слабо разрешенным.

Да, это в целом логичный ход рассуждения, и в определенном смысле речь, действительно, идет о разрешенном поведении. Но отнесение к слабо дозволенному поведению любого незапрещенного вряд ли целесообразно в юридической науке. Дело в том, что полученный вывод не согласуется с представлениями о границах предмета правового регулирования. Можно даже сказать, что вопрос о таких границах становится лишним, т. е. указанный предмет приобретает свойства безграничности. Поэтому совершенно закономерно, например, А. Герлох и В. Кнапп обращали внимание на то, что признание в праве принципа «разрешено все, что не запрещено или не урегулировано правом» с неизбежностью приводит нас к выводу о том, что в праве нормативной безразличности не существует [7, с. 202–203].

Однако такой тезис не только фактически снимает вопрос о том, что представляет собой правовое поведение и чем оно отличается от юридически безразличного (ибо при таком подходе *любое* поведение будет правовым), но и придает весьма специфическое звучание столь политизированной проблематике, как, например, границы гражданского общества и государственного вмешательства в социальное управление и т. д.

В связи с этим весьма уместно вспомнить, например, Дж. Раза, который пытался уйти от проблематичности указанного тезиса, а потому отмечал, что «нормативная система не регулирует поведение, которое она разрешает только в слабом смысле» [10, с. 117]. Однако здесь важно внести существенную поправку. Дело в том, что, хотя в юридической науке фактически уравниваются регулирование и предписание, все же следует понимать, что регулировать вполне возможно и не предписывая². В силу этого было бы точнее утверждать, что в ситуации со слабым разрешением право не предписывает соответствующее поведение.

В противном случае уравнивание широкой трактовки незапрещенности (через слабое разрешение) с непредусмотренностью (юридической безразличностью, непредписанностью) приведет нас к описательной (дескриптивной) трактовке выражения «разрешено все, что не запрещено». Но такая трактовка обнажает еще одну трудность.

Речь идет о том, что мы фактически лишаем общедозволительный тип правового регулирования (как минимум в его «слаборазрешающей» части) предписывающих свойств. Это представляется противоречивым, если исходить из того, что в данном случае изначально говорится именно о типе *предписывающего* правового регулирования.

Если же рассматривать иное направление юридической мысли, согласно которому наличие пробелов в праве признается, то основная трудность видится уже в самой трактовке пробельности права, в самой идентификации той ситуации, которую принято характеризовать как пробел в праве. Если говорить точнее, то из потенциального многообразия многоаспектных характеристик такой ситуации фактически чаще всего выбирается характеристика правовой нормы и / или определенных отношений. Иными словами, уста-

¹ Как уже отмечалось, обязательное поведение вполне допустимо характеризовать через запрет. Например, обязанность служить в армии есть запрет не служить.

² Именно поэтому есть смысл выделять предписывающее и непредписывающее правовое регулирование (чаще именуемое правовым воздействием).

новление пробела в праве чаще всего происходит через указание на свойства правовой нормы, признаваемой отсутствующей, либо на свойства неких общественных (правовых) отношений.

В случае с признаками отсутствующих правовых норм говорят, например, о правовых нормах, которые должны присутствовать [11, с. 9]. В случае с отсутствующими общественными / правовыми отношениями эти отношения описывают как, например, требующие [11, с. 35; 12, с. 463] / требующие по своей природе [13, с. 44] правового регулирования, нуждающиеся в правовом регулировании [14, с. 56]. Либо речь идет о вопросе, который «должен решаться» [12, с. 463], требует правового регулирования [15].

Если характеристику нормы или соответствующих отношений, даваемую в терминах требований и долженствования, анализировать достаточно строго, уходя от прагматического в семантический аспект, то видна неточность в виде гипостазирования (опредмечивания абстрактных сущностей¹) – нормы не могут быть должны, отношения не могут нуждаться, требовать и т. д.

Важно отметить: да, вероятно, в обыденном общении такое словоупотребление допустимо и отвечает определенной конвенциональности. Неслучайно еще Т. Гоббс подчеркивал, что «хотя в обиходной речи позволительно, например, сказать „дорога идет или ведет сюда или отсюда“, „пословица говорит то или это“ (правда, дорога не может ходить, а пословица – говорить), но, когда мы рассуждаем и ищем истину, такие речи недопустимы» [16, с. 34]. В ситуации с характеристикой пробельности права поиск истины как раз и предполагает выявление того, что же на самом деле стоит за фразами о долженствовании, нуждами и требованиями норм и отношений.

Несколько более трудной представляется ситуация с необходимостью [11, с. 37]. Начнем с того, что выражение «отсутствует необходимая норма» (и его *семантические аналоги*) является внутренне противоречивым. Дело в том, что:

1) представляется очевидной неправильность отделения нормы от ее существования, т. е. недопустимо говорить о том, что норма – это одно, а вот ее существование – это нечто иное, от нормы отделенное. Другими словами, нельзя считать необходимым само существование нормы как таковое, отделяя это существование от самой нормы;

2) если не отделять существование нормы от самой нормы и при этом толковать необходимость не произвольно, но онтологически (соответствие законам природы) или алетически (соответствие законам логики), то мы и получим внутреннее противоречие, поскольку необходимое всегда существует. Иными словами, *необходимая норма существует объективно*, поскольку это соответствует законам природы или логики, т. е. так характеризовать пробел в праве не следует.

В этой связи важно выяснить, что сокрыто под термином «необходимость» в юридическом контексте. Думается, что истоки мотивации использования данного термина уходят к двум вариантам интерпретации закона, что восходит еще к Античности, когда было обращено внимание на различия между неизменными законами природы и весьма изменчивыми законами человеческими. В дальнейшем это привело к двум вариантам толкования термина «норма» – норма-предписание (правило поведения) и норма-закономерность. Это различие известно и сегодня, когда точно так же различаются законы природы, выражаемые именно через категорию необходимости (объективной необходимостью) и законы, состоящие из норм-предписаний.

Представляется, что идея о знании законодателем закономерностей общественного развития весьма привлекательна, а потому не является удивительным совмещение двух вариантов толкования и нормы и, соответственно, двух вариантов толкования закона, притом что в контексте логико-семантического аспекта анализа здесь ни необходимой связи, ни логической выводимости нет. И такое специфическое совмещение позволяет наполнить весьма широким предметным содержанием утверждение, например, о том, что при пробеле отсутствует правовое регулирование той сферы общественных отношений, которая без юридических норм «не может нормально функционировать» [17, с. 276].

В целом же такая предметность предполагает определенность в решении вопроса: а кем и на основании *каких критериев* делается вывод о том, *нормально* или нет функционирует некая сфера общественных отношений? Неслучайно, например, такой известный специалист по проблематике пробельности права, как В. М. Баранов, заостряет особое внимание на давнем вопросе о том, как разграничить (реальный) пробел и квалифицированное молчание законодателя (кажущийся пробел). Ведь фактически это вопрос о том, кто именно определяет, нормально ли функционируют соответствующие общественные отношения без определенных норм права или же нет. Способен ли на это правоприменитель, например, судья, реализующий судебское усмотрение, человек, получающий образование, или же видный

¹ В традициях неклассической рациональности такой прием обычно называют реификацией.

ученый и т. д. В данной связи весьма уместно привести высказывание В. М. Баранова о том, что, во-первых, ученые-юристы не всегда отличают квалифицированное молчание законодателя от пробела в праве [5, с. 75], и, во-вторых, что ни одному ученому-правоведу, ни одному (пусть даже самому опытному) практику нельзя «додумывать» за законодателя и делать вывод о том, следовало бы законодателю издавать соответствующую юридическую норму или же нет [5, с. 76].

Как несложно заметить, вывод о том, что законодателю в соответствующем случае следовало бы издать норму права, есть именно вывод о наличии пробела в праве. Если говорить терминами из приведенных цитат, описывающих пробел в праве, это и будут выводы о «нормальности» / «ненормальности» функционирования общественных отношений / правоотношений. Или, если оперировать слабоопределенными метафорами, это будет вывод о том, требуют ли отношения регулирования *посредством правовых предписаний* (ибо регулировать можно и иначе), нуждаются ли в нем и т. п.

Иными словами, из приведенного хода рассуждения допустимо сделать вывод о том, что далеко не каждый (в том числе далеко не каждый самый опытный практик или же ученый-правовед) «пригоден» для того, чтобы выносить соответствующие суждения о пробельности права. Но такой вывод влечет весьма серьезный вопрос: а насколько корректно интерпретировать пробельность в праве в терминах объективности? А ведь именно так обычно принято характеризовать пробелы в праве в отечественной юридической литературе, когда об объективности говорится либо прямо («объективно требует регламентации» и т. п.), либо опосредованно («требует по своей природе» и т. п.). Причем, думается, что характеристика пробела в терминах необходимости также является прямым выражением объективности, когда речь идет о необходимости нормы / нормативного регулирования определенных отношений и т. п., ибо необходимость (интерпретируемая в строгом смысле) *всегда объективна*.

Вместе с тем нельзя не заметить иные контексты употребления термина «необходимость». В частности, С. Ф. Кечекьян прямо утверждал о допустимости многозначности интерпретации термина «необходимость», расширяя границы его интерпретации до, например, этической, эстетической [18, с. 60], общественной [18, с. 10] необходимости. При этом С. Ф. Кечекьян прямо возражал Н. Г. Александрову, когда тот предостерегал от подобного «расширительного толкования» необходимости и совершенно верно утверждал, что «термин „необходимость“ привычно связывается с понятием объективной закономерности» [19, с. 11].

Можно предположить, что такое расширение было «легитимизировано» тем, что в политической экономии речь шла о необходимом труде, в то время как сама политэкономия (будучи элементом марксистской доктрины) считалась практически безальтернативным фундаментом общетеоретической юридической науки.

В таком случае исследователь волен вести речь о какой угодно необходимости, например, о политической, идеологической, производственной, корпоративной и т. п. Границы же интерпретации (в лучшем случае) будут ограничены лишь контекстом соответствующей конвенциональности. Но тогда мы видим, скорее, субъективную необходимость. Это необходимость лишь в представлении членов соответствующего коммуникационного сообщества, и она вовсе не отражает объективных закономерностей, хотя при этом вполне пригодна для определенного коммуникационного сообщества.

Здесь, однако, едва ли получится уйти от ответа на вопрос о допустимости такого субъективизма не в некоем сообществе единомышленников, а именно в науке. И в данном случае важно обратить внимание на то, что фактически произвольное расширение границ толкования произошло в отношении особого термина, который толкуется в самом строгом русле научного дискурса – в номотетическом. Этот методологический подход настолько строг, что предопределил разделение наук на гуманитарные и естественные, причем не только по предмету, но и по методу исследования, чем подчеркивалась исключительная проблематичность использования дедуктивно-номологического (причинного в строгом смысле слова) объяснения в науках гуманитарных. А такая проблематичность аналитически распространяется на допустимость применимости термина «необходимость» в гуманитарных науках. Но вопреки всем названным существенным ограничениям произошло заимствование именно такого термина с приданием ему нового смысла.

В связи с этим автор допускает вероятность заимствования данного термина учеными-гуманитариями ввиду осознания его особого статуса в науках естественных, статуса, который предполагает в прагматическом контексте некий особый «авторитет», уважительное отношение к нему в силу именно строгой научности изначального употребления. Уместно вспомнить идеи, например, Х. Перельмана (осно-

вателя школы неориторики), подчеркивавшего особую привлекательность применимости для гуманитарных контекстов «чтимых в обществе терминов» [20, с. 629]. Однако такой подход открывает простор для манипулятивного использования юридической науки, что представляется не вполне приемлемым.

Более конструктивным в данном случае будет отказ от подобного заимствования «чужой» терминологии (например, «необходимость»). Отказаться следует и от гипостазирования, поскольку здесь неизбежна неопределенность в важных вопросах. Так, если не общественные отношения, то кто именно требует («объективно» требует) урегулирования соответствующих отношений. Очевидно, что чего-то требовать могут только люди, а не отношения, ситуация и т. п. Однако, как показывает анализ дискуссии по данной проблематике, вопрос о таких людях вовсе не является простым, в связи с чем и появляются привычные, но неопределенные и предметно не вполне содержательные формулировки.

В силу этого представляется, что о таких «требующих» субъектах, и, соответственно, о *субъективности оснований* утверждения о наличии пробелов в праве важно говорить в юридической науке прямо. Некоторую основу для изменения вектора поиска ответа на вопрос об определении того, что есть пробел именно в таком направлении, дает, например, и сам В. М. Баранов, отмечающий, что бывают ситуации, когда законодатель имеет желание и намерение издать норму права [5, с. 78]¹, но не делает этого ввиду различных обстоятельств. Примечательна также формулировка мнимого пробела в праве и указания на то, что законодатель не считает целесообразным урегулирование соответствующего вопроса правовыми средствами [21, с. 81].

Думается, что желания и намерения *конкретных субъектов*, причем (как минимум) иногда *конкурирующие* желания и намерения конкурирующих субъектов, а также, соответственно, целесообразность в русле целеполагания *конкретных субъектов* (что предполагает и сопоставление различных целей, в том числе целей конкурирующих) – вот что представляется реальной основой для вывода о пробельности права.

Такой подход не позволяет «спрятать проблему», например, за формулировкой о том, что этого, мол, требует сама *ситуация*, а не желает некий *конкретный субъект*. Вопрос о желании субъекта полностью соответствует корректности рассуждения в поле целесообразности и намерений, ибо любая деятельность (разумеется, это наиболее зримо проявляется в юридической деятельности) является целеориентированной, а целеполагание всегда связано с достижением желаемого. Наиболее же общей отправной категорией, дающей основания рассуждать о желаемости и целесообразности, здесь представляется *оценка* положения вещей (как желаемого), что трансформируется далее в желание, намерение (достичь желаемого), постановку целей (целеустройство), определение целесообразности и т. п.

Заслуживает внимания весьма интересное суждение Г. Кельзена о том, что вывод о наличии пробела в праве есть чье-то *субъективное*, морально-политическое *ценностное* суждение по поводу отсутствия определенной нормы права [6, с. 307]. Да, Кельзен рассуждает в таком русле, обосновывая *отсутствие* пробелов в праве. Но, представляется, что это рассуждение вполне допускает коррективу о том, что сам факт отсутствия нормы права нельзя не признать объективным (если, конечно, не впадать в крайности, утверждая, что у норм права вообще нет бытия). Хотя это вызывает вопрос – если факт наличия, равно как и отсутствия, нормы права всегда объективен, то считать ли пробелом *любое* отсутствие нормы права, – на что и обращает внимание Г. Кельзен.

Думается, что представители юридической науки, признающие наличие пробелов в праве, фактически трансформируют это в вопрос: считать ли пробелом отсутствие *любой* нормы права? И ответ как раз на этот вопрос и порождает характеристические признаки пробела в праве. Таким образом, видно, что пробел следует описывать как *объективное* отсутствие нормы права, которая характеризуется *субъективно*. И в основе подобной субъективной характеристики лежит аксиологическая оценка этой нормы, т. е. отсутствует норма, которая оценивается позитивно ценно, а значит, и наличие такой нормы также оценивается положительно. Соответственно, объективное отсутствие нормы (субъективно) оценивается негативно.

А поскольку любая аксиологическая оценка неизбежно субъективна (ибо она включает в свою структуру субъект наряду с содержанием, предметом, критериями), то именно данный подход весьма

¹ Хотя здесь же В. М. Баранов по принятому в отечественной юридической литературе обыкновению все же пишет также и об осознании законодателем необходимости юридического регулирования человеческой деятельности, что по указанным выше обстоятельствам представляется не вполне удачным выбором терминологии.

зримо актуализирует вопрос о том, кто же этот субъект. Неслучайно в приведенной цитате А. В. Малько говорит о мнимом *пробеле*, что в контексте указанной цитаты подчеркивает мысль – если *законодатель* не посчитал это целесообразным, то налицо мнимый пробел, т. е. доминирующим здесь является целеполагание законодателя.

В этой связи еще раз обратим внимание на идею В. М. Баранова о том, что «ни один ученый-правовед, ни один даже самый опытный практик не может „додумывать“ за *законодателя* и решать – следовало или не следовало ему „выразить позитивное мнение“» [5, с. 76], но уже через критическую призму. Думается, что данная идея в некоторой мере подпадает под религиозную апологетику законодателя. Уместно вспомнить слова К. Шмитта, утверждавшего, что современные понятия учения о государстве являются секуляризованными теологическими понятиями и, соответственно, законодателя принято воспринимать примерно как Бога [22, с. 57]. Хотя справедливости ради важно отметить, что В. М. Баранов приводит знаковый пример об уголовном преследовании 14 депутатов Тверской городской думы за продажу (как обычных товаров) пробелов и других дефектов региональных нормативных правовых актов, нужных «бизнес-структурам и финансовым группам Твери и Москвы» [5, с. 78].

О проблематике, например, теневого, коррупционного лоббизма пишет и А. В. Малько, относя такой лоббизм к весьма интересному явлению правовой аномии [23, с. 9], что дает основания усомниться в целесообразности столь исключительного кредита доверия субъекту правотворчества в целеполагании относительно издания норм права применительно к определению пробельности права.

Весьма актуальная и непростая проблематика правового сотворчества (см., например, [2]) отчетливо актуализирует важность отнесения к таким оценивающим субъектам далеко не только субъектов публичной власти, но и всех, кто соучаствует в правовом сотворчестве, обеспечивая в том числе «восходящую легитимацию» [5, с. 16–17 и далее], что ставит под сомнение нынешние трактовки мнимых пробелов в праве.

Более того, если уж говорить о том, что в переходные или кризисные периоды важно единство власти и народа, доверие ко всем социальным группам [24, с. 2], то следует всячески избегать превращения правового сотворчества в псевдосотворчество [25]. Тем более, если учесть, что в некоторые конкретно-исторические периоды именно правовая политика органов публичной власти и способствовала наступлению кризисных ситуаций.

Заключение. Утверждать о том, что право беспробельно, не вполне корректно. Объективность наличия пробела в праве основана на признании объективности существования правовых норм, из чего следует объективная возможность отсутствия таких норм в некоторой их системе. Существующая в юридической литературе характеристика отсутствующих при пробельности права норм основана либо на гипостазировании либо на некорректном заимствовании строгой научной терминологии из естественных наук. Корректировка такого подхода предполагает включение субъективных аксиологических оценок в характеристику отсутствующих правовых норм с обязательным обоснованием выбора субъекта и, соответственно, предмета и критериев данных оценок.

Список источников

1. Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. 367 с.
2. Трофимов В. В., Малько А. В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества в современной России: основы теории. Москва: КноРус. 2025. 270 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: учеб. пособие. В 4 вып. Вып. 4: Применение права: наука права. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-т, 1966. 203 с.
4. Недбайло П. Е. Введение в общую теорию государства и права: предмет, система и функции науки: учеб. пособие для юрид. вузов и фак. Киев: Вища шк., 1971. 160 с.
5. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–79.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд., 1960 / Г. Кельзен; пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. Спб.: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.
7. Герлох А., Кнапп В. Логика в правовом сознании: пер. с чеш. / под ред. и со вступ. ст. А. Б. Венгерова. Москва: Прогресс, 1987. 310 с.
8. Ковалевич О. С., Лисанюк Е. Н. К вопросу о роли позволений в логике норм и философии права // Логико-философские штудии. 2013. Т. 10. № 3. С. 134–140.

9. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва: Юрид. лит., 1989. 288 с.
10. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford: Clarendon Press, 1979. 292 p.
11. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. Москва: Юрид. лит., 1974. 184 с.
12. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 771 с.
13. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. Москва: Юрид. лит., 1975. 328 с.
14. Правоприменение в советском государстве / А. С. Пиголкин, М. Н. Николаева, М. С. Студеникина [и др.]; отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. Москва: Юрид. лит., 1985. 303 с.
15. Теория государства и права: учебник / А. Я. Авдалян, А. В. Бочаров, Л. В. Бутько [и др.]; отв. ред. Н. И. Грачев. М.: Зерцало-М: ВГПИ, 2018. 875 с.
16. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и сущность государства церковного и гражданского. В 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. Н. Федоров, А. Гутерман. Москва: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
17. Общая теория права: учебник для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев [и др.]; под ред. А. С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ, 1995. 383 с.
18. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе; отв. ред. М.С. Строгович. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 187 с.
19. Александров Н. Г. Законность и порядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 3–16.
20. Перельман Х. Справедливость // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 627–676.
21. Краткий юридический словарь / А. В. Малько [и др.]; отв. ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2007. 494 с.
22. Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем., заключит. ст. и сост. А. Филиппова. Москва: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 333 с.
23. Малько А. В. Правовое сотрудничество государства и общества и юридическая аномия // Правовая культура. 2025. № 1 (60). С. 5–13.
24. Кавецкий С. Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Минск, 2020. 51 с.
25. Баранов В. М. Юридическое псевдосотворчество публичной власти и гражданского общества (доктрина, практика, техника) // Государственно-правовые исследования: научно-образовательный ежегодник. Вып. 7–8. 2025 (2023–2024, 2024–2025 уч. годы): Актуальный вектор государственно-правовых исследований: правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как форма коммуникации в политике и праве (история, социально-политическая и юридическая теория, практика, технология): материалы Междунар. науч. конф. Тамбов, 23–24 апреля 2025 г. / гл. ред. В. В. Трофимов. Тамбов: ИД «Державинский», 2025. 532 с.

References

1. Redko A. A. Pravovaya initsiativa v mekhanizme deistviya sovremennogo rossiiskogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 2023. 367 s.
2. Trofimov V. V., Malko A. V. Pravovoe sotvorchestvo publichnoi vlasti i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii: osnovi teorii. Moskva: KnoRus. 2025. 270 s.
3. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava: ucheb. posobie. V 4 vip. Vip. 4: Primenenie prava: nauka prava. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdl. jurid. in-t, 1966. 203 s.
4. Nedbailo P. Ye. Vvedenie v obshchuyu teoriyu gosudarstva i prava: predmet, sistema i funktsii nauki: ucheb. posobie dlya jurid. vuzov i fak. Kiev: Vishcha shk., 1971. 160 s.
5. Baranov V. M. «Kvalifitsirovannoe molchanie zakonodatelya» kak obshchepравovoi fenomen (k voprosu o sushchnosti i sfere funktsionirovaniya probelov v prave) // Probely v rossiiskom zakonodatelstve. 2008. № 1. S. 75–79.
6. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd., 1960 / G. Kelzen; per. s nem. M. V. Antonova, S. V. Lyozova. Spb.: Alef-Press, 2015. 540 s.
7. Gerlokh A., Knapp V. Logika v pravovom soznanii: per. s chesh. / pod red. i so vstup. st. A. B. Vengerova. Moskva: Progress, 1987. 310 s.
8. Kovalevich O. S., Lisanyuk Ye. N. K voprosu o roli pozvolenii v logike norm i filosofii prava // Logiko-filosofskie shtudii. 2013. T. 10. № 3. S. 134–140.
9. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zapreti v sovetskom prave. Moskva: Yurid. lit., 1989. 288 s.

10. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford: Clarendon Press, 1979. 292 p.
11. Lazarev V. V. Probeli v prave i puti ikh ustraneniya. Moskva: Yurid. lit., 1974. 184 s.
12. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsii / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Malko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist, 2000. 771 s.
13. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoi sisteme / otv. red. S. N. Bratus. Moskva: Yurid. lit., 1975. 328 s.
14. Pravoprimenenie v sovetskom gosudarstve / A. S. Pigolkin, M. N. Nikolaeva, M. S. Studenikina [i dr.]; otv. red. I. N. Kuznetsov, I. S. Samoshchenko. Moskva: Yurid. lit., 1985. 303 s.
15. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / A. Ya. Avdalyan, A. V. Bocharov, L. V. Butko [i dr.]; otv. red. N. I. Grachev. M.: Zertsalo-M: VgGI, 2018. 875 s.
16. Gobbs T. Leviafan, ili materiya, forma i sushchnost gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. V 2 t. / sost., red., avt. primech. V. V. Sokolov; per. s lat. i angl. N. Fedorov, A. Guterman. Moskva: Misl, 1991. T. 2. 731 s.
17. Obshchaya teoriya prava: uchebnik dlya yurid. vuzov / Yu. A. Dmitriev, I. F. Kazmin, V. V. Lazarev [i dr.]; pod red. A. S. Pigolkina. M.: Izd-vo MGTU, 1995. 383 s.
18. Kechekyan S. F. Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve; otv. red. M.S. Strogovich. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. 187 s.
19. Aleksandrov N. G. Zakonnost i pravoporyadok v so-tzialisticheskom obshchestve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1955. № 5. S. 3–16.
20. Perelman Kh. Spravedlivost // Rossiiskii yezhegodnik teorii prava. 2011. № 4. S. 627–676.
21. Kratkii yuridicheskii slovar / A. V. Malko [i dr.]; otv. red. A. V. Malko. M.: Prospekt, 2007. 494 s.
22. Shmitt K. Politicheskaya teologiya / per. s nem., zaklyuchit. st. i sost. A. Filippova. Moskva: Kanonpress-Ts: Kuchkovo pole, 2000. 333 s.
23. Malko A. V. Pravovoe sotrudnichestvo gosudarstva i obshchestva i yuridicheskaya anomiya // Pravovaya kultura. 2025. № 1 (60). S. 5–13.
24. Kavetskii S. T. Anomiya v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk. Minsk, 2020. 51 s.
25. Baranov V. M. Yuridicheskoe psevdosotvorchestvo publichnoi vlasti i grazhdanskogo obshchestva (doktrina, praktika, tekhnika) // Gosudarstvenno-pravovie issledovaniya: nauchno-obrazovatel'nii yezhegodnik. Vip. 7–8. 2025 (2023–2024, 2024–2025 uch. godi): Aktualnii vektor gosudarstvenno-pravovikh issledovaniy: pravovoe sotvorchestvo publichnoi vlasti i grazhdanskogo obshchestva kak forma kommunikatsii v politike i prave (istoriya, sotsialno-politicheskaya i yuridicheskaya teoriya, praktika, tekhnologiya): materialy Mezhdunar. nauch. konf. Tambov, 23–24 aprelya 2025 g. / gl. red. V. V. Trofimov. Tambov: ID «Derzhavinskii», 2025. 532 s.

Попов Виктор Викторович,

доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lkj5@mail.ru

Popov Viktor Viktorovich,

Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
lkj5@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after peer reviewing 23.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 34(091)(470)

**ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИНСТИТУТ ПЕРМАНЕНТНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ
КАК ФАКТОР СИСТЕМНОГО КРИЗИСА
И РЕВОЛЮЦИОННОГО КОЛЛАПСА**

Александр Владимирович Жуланов *

Александр Николаевич Самарский **

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
sandrik@111mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
samarsky_an@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности системы чрезвычайного законодательства в дореволюционной России, которое начало действовать ввиду развития революционных настроений и выступлений. Отмечено, что в связи с невозможностью контролировать это и опасением вспышек восстаний и забастовок усиленная охрана была заменена на чрезвычайную, а в некоторых регионах введено военное положение. По свидетельствам современников, данные меры наносили больше урона авторитету царской власти, поскольку применялись бессистемно и практически повсеместно, возбуждая чувство несправедливости и возмущения у народных масс. Наделение властью мелких чиновников и низшей полицейской администрации привело к злоупотреблениям, нередко в личных целях. Высылка неугодных лиц способствовала распространению революционных идей в других областях. Единичные случаи попыток устранить и прекратить действие чрезвычайного законодательства в стране не принесли результатов, что привело к общеизвестным историческим последствиям.

Ключевые слова: Российская империя, чрезвычайное законодательство, законодательство об исключительных мерах, правовое регулирование, общественный порядок, революционные настроения, чрезвычайные условия

Для цитирования: Жуланов А. В., Самарский А. Н. Чрезвычайное законодательство в поздней Российской империи: институт перманентного исключения как фактор системного кризиса и революционного коллапса // Тратат правовых инициатив. 2026. № 1 (1). С. 28–34.

**EMERGENCY LEGISLATION IN THE LATE RUSSIAN EMPIRE:
INSTITUTION OF PERMANENT EXCLUSION
AS A FACTOR OF SYSTEMIC CRISIS AND REVOLUTIONARY COLLAPSE**

Aleksandr Vladimirovich Zhulanov *

Aleksandr Nikolaevich Samarskiy **

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
sandrik@111mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
samarsky_an@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of the emergency legislation system in the pre-revolutionary Russia, which came into force due to the development of revolutionary sentiments and performances. It was noted that due to the inability to control and fear of outbreaks of uprisings and strikes, enhanced security was replaced with emergency protection, and martial law was imposed in some regions. According to contemporaries, these measures caused more damage to the authority of the tsarist government, since they were applied haphazardly and almost everywhere, arousing a sense of injustice and indignation of the masses. The empowerment of minor officials and the lower police administration has led to misuse, often for personal purposes. The expulsion of undesirable persons contributed to the spread of revolutionary ideas in other areas. Isolated

cases of attempts to eliminate and terminate the emergency legislation in the country did not bring results, which led to well-known historical consequences.

Keywords: Russian Empire, emergency legislation, legislation on exceptional measures, legal regulation, public order, revolutionary sentiments, emergency conditions

For citation: Zhulanov A. V., Samarskiy A. N. Emergency Legislation in the Late Russian Empire: Institution of Permanent Exclusion as a Factor of Systemic Crisis and Revolutionary Collapse. Journal of Legal Initiatives, 28–34, 2026. (In Russ.).

Введение. Исторический путь Российской империи на рубеже XIX и XX столетий являет собой классический пример глубокого кризиса легитимности традиционной монархии, не сумевшей найти адекватных ответов на вызовы модернизации. В центре этого кризиса находился феномен чрезвычайного законодательства – комплекс правовых норм, призванных временно нейтрализовать экстраординарные угрозы государственному порядку путем расширения полномочий исполнительной власти и сужения обычных правовых гарантий. Однако введенное как инструмент спасения монархического строя это законодательство в условиях незавершенных реформ, глубоких социальных противоречий и нарастающего идеологического противостояния трансформировалось в перманентный режим управления, ставший механизмом саморазрушения государственности.

Данное исследование ставит своей целью не просто описание нормативной эволюции институтов усиленной и чрезвычайной охраны, но сквозной анализ того, как правовая исключительность, растянутая на десятилетия, подрывала основы легитимности власти, системно деформировала государственный аппарат и формировала общественное сознание, враждебное к самому принципу самодержавного правления. Обращаясь к периоду от Великих реформ 1860-х гг. до краха монархии в 1917 г., мы проследим диалектическую взаимосвязь между попытками реформ «сверху» (от отмены крепостного права до столыпинских преобразований) и последовательным усилением репрессивно-охранительного аппарата. На основе анализа архивных материалов, юридической литературы эпохи, публицистики и современных исследований будет рассмотрено, как временная мера, призванная купировать кризис, стала константой российской политической жизни, альтернативной нормальному правопорядку, и как этот парадокс подготовил почву для тотального революционного слома.

Особую актуальность данной проблематике придает необходимость осмысления долгосрочных последствий подмены сложной работы по укреплению правовых институтов и общественного договора упрощенной опорой на силу и чрезвычайные полномочия. Опыт Российской империи демонстрирует, что устойчивость государства определяется не широтой репрессивных прерогатив его аппарата, а прочностью доверия между властью и обществом, основанного на верховенстве права, а не на его перманентном исключении.

Методы. Методологическую основу работы составляет комплексный историко-правовой анализ, включающий в себя изучение нормативных актов исключительного характера, научных трудов правоведов начала XX в., а также публицистических материалов современников событий. Применяются структурно-функциональный подход для вскрытия внутренней организации исследуемого законодательного массива и сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить динамику его применения в контексте нарастания социально-политического кризиса. Особое внимание уделяется критическому осмыслению взглядов юристов, государственных деятелей и публицистов на эффективность и правовые последствия функционирования режимов усиленной и чрезвычайной охраны.

Результаты. В теоретическом ракурсе чрезвычайное законодательство может быть определено как специализированный комплекс иерархически организованных нормативных актов, призванных сузить сферу действия общего законодательства и расширить дискреционные полномочия исполнительной власти в условиях, квалифицируемых верховной властью как экстраординарные. Однако его сущностное наполнение всегда производно от конкретного политического контекста, характера воспринимаемой угрозы и баланса сил внутри правящей элиты. Как отмечали современники, важнейшим было различие между правом как системой гарантий и законодательством как инструментом их реализации, которое становилось особенно трагически явным в периоды действия исключительных положений, когда формальный закон зачастую превращался в свою противоположность. Чрезвычайное законодательство имперской России изначально несло в себе дуализм: с одной стороны, оно было призвано защитить государственный порядок, с другой – по своей природе нарушало базовые принципы правового государства, такие как законность, равенство перед судом, неприкосновенность личности и собственности. Этот внутренний конфликт был источником его деструктивной силы [1].

Первые попытки научного осмысления феномена в отечественной юриспруденции относятся к началу XX в., когда такие исследователи, как В. М. Гессен, попытались проанализировать «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. [2; 3]. Однако, как правило, эти работы носили фрагментарный характер и не раскрывали глубинной связи между чрезвычайным законодательством и общей направленностью внутренней политики государства. Значительный пласт историографии составили публицистика и мемуары современников от либеральных юристов (П. Калинин, А. В. Горбунов) до представителей власти (С. С. Хрулев, Д. И. Субботич), которые вскрывали практические пороки системы, но часто не обладали методологическим инструментарием для ее системного анализа. Советская историография, подчиненная идеологическим установкам, трактовала чрезвычайные меры царского правительства исключительно как инструмент классового угнетения, игнорируя их институциональную логику и роль в общесистемном кризисе. Современные исследования, опирающиеся на междисциплинарный подход, позволяют рассмотреть феномен в комплексе: как юридическую конструкцию, как технологию управления и как фактор, формирующий коллективные представления о справедливости и произволе [4].

Освобождение крестьян в 1861 г., несмотря на свою историческую значимость, создало целый комплекс новых социально-политических проблем. Реформа не решила аграрного вопроса – малоземелье, чересполосица и экономическая зависимость от общины сковывали развитие деревни. Параллельно начавшийся процесс индустриализации, особенно активный в период министерства С. Ю. Витте, породил новый класс – пролетариат, сосредоточенный в городах и быстро подпадавший под влияние радикальных социалистических идей. Российская империя к концу XIX в., оставаясь аграрной страной (74 % населения составляли крестьяне), демонстрировала впечатляющие темпы экономического роста, но страдала от технического, экономического и культурного отставания, а также от обнищания значительной части населения.

На этом фоне активизировалось революционное движение, принимавшее формы от пропаганды в народе до индивидуального террора. Покушения на Александра II, кульминацией которых было его убийство в 1881 г., стали точкой бифуркации. Они продемонстрировали неэффективность традиционных полицейских методов и потребовали создания системного правового ответа [5].

Ответом на вызовы стал не просто новый репрессивный акт, а создание целостной системы. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. заложило основы правового режима «исключительности», который, по выражению современников, стал «незаконным детищем» бюрократии [6; 7]. Изначально задуманное как временное, оно просуществовало вплоть до 1917 г.

Положение вводило градацию особых режимов, применявшихся к целым регионам:

Усиленная охрана: предоставляла генерал-губернаторам и градоначальникам право на аресты до двух недель, запрет собраний, закрытие органов печати, высылку «неблагонадежных» лиц.

Чрезвычайная охрана: расширяла эти полномочия, вводила право передавать дела военным судам, продлевала сроки арестов.

Это означало принципиальный сдвиг: чрезвычайщина переставала быть экстраординарным ответом на конкретный бунт, становясь рутинным инструментом управления целыми губерниями на неопределенный срок. Административная высылка без суда, цензура, запрет общественной деятельности – все это создавало правовой вакуум, где место закона занимало усмотрение чиновника [8].

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала полигоном для апробации и дальнейшего ужесточения чрезвычайного законодательства. Масштабы революционного террора были беспрецедентны: за три года осуществлены десятки тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 9 тыс. человек. Ответ власти был двойственным: с одной стороны, Манифест 17 октября 1905 г. даровал гражданские свободы и учредил законодательную Думу; с другой – страна погрузилась в пучину революционного насилия и беспрецедентных государственных репрессий [9; 10; 11].

Пиком репрессивной политики стал Закон о военно-полевых судах от 19 августа 1906 г. Введенный как «мера исключительной охраны государственного порядка», он временно вводил в губерниях на военном или чрезвычайном положении особые суды из офицеров [12]. Эти суды рассматривали дела, где преступление было очевидным (убийство, разбой, нападение на должностных лиц), в упрощенном порядке, без защиты и права обжалования, вынося приговоры в течение 48 часов, чаще всего – смертные. Хотя формально военно-полевые суды просуществовали лишь 8 месяцев и вынесли около 1 тыс. смертных приговоров, они стали символом «столыпинской реакции» и «карательной вертикали». Их деятельность

вызвала протесты широкой общественности, включая Льва Толстого, опубликовавшего гневную статью «Не могу молчать!».

Деятельность П. А. Столыпина как премьер-министра (1906–1911 гг.) являла собой ярчайшее воплощение противоречивости политики поздней империи. С одной стороны, его именем названа масштабная аграрная реформа, направленная на создание класса крестьян-собственников («крепких хозяев») через разрушение общины, поддержку переселенчества в Сибирь и деятельность Крестьянского поземельного банка [13]. Целью было создание социальной опоры власти в деревне, умиротворение крестьянства и развитие капиталистических отношений в аграрном секторе. С другой стороны, этот же политик был архитектором военно-полевых судов и сторонником жесткого подавления инакомыслия. Его знаменитая фраза «Сначала успокоение, потом реформы» на практике часто оборачивалась тем, что репрессии становились самодовлеющими, а реформы буксовали, наталкиваясь на сопротивление как слева, так и справа – от радикальных революционеров до консервативных кругов при дворе и в Государственном совете [14].

Этот дуализм – попытка модернизации при сохранении и даже усилении авторитарного контроля – оказался неразрешимым. Аграрная реформа, хотя и дала определенные положительные экономические результаты (рост экспорта хлеба, освоение сибирских земель), не смогла кардинально изменить положение основной массы крестьянства, особенно в перенаселенных центральных губерниях, и завершилась де-факто уже при Временном правительстве в 1917 г. К тому же, как отмечают исследователи, борьба с бедностью через наделение собственностью требовала времени, которого у империи не было. Столыпин просил «20 лет покоя внутреннего и внешнего», но получил лишь пять до своего убийства в 1911 г., после чего реформаторский импульс окончательно угас [15].

К 1907 г. исключительное положение стало фактической константой российской правовой жизни. По подсчетам исследователей, с 1905 по 1907 г. чрезвычайная или усиленная охрана действовала в 65 губерниях и областях империи, а в 25 было введено военное положение. Парадоксальным следствием опоры на чрезвычайные механизмы стала системная деградация тех самых институтов, на которые опиралась власть. Главным инструментом реализации репрессивной политики была полиция, однако к началу XX в. она находилась в состоянии глубокого кризиса – низкий профессиональный уровень, коррупция, общественная ненависть. Планы Столыпина по ее масштабной реформе (повышение жалования, образование, новая этика) так и не были реализованы из-за отсутствия финансирования и политической воли. Государство предпочитало вкладываться в армию и силовое подавление, а не в строительство легитимных правоохранительных институтов [16].

С началом войны в 1914 г. чрезвычайное положение, и так ставшее нормой для многих регионов, было распространено на всю территорию империи. Военное время стало оправданием для беспрецедентного расширения вмешательства государства во все сферы жизни. Однако, как показывает исследование Н. П. Карцевой, царское правительство пошло еще дальше, осуществив ряд «революционных» мер, которые серьезно дестабилизировали ситуацию. Речь идет о репрессивной политике по отношению к «неблагонадежным» этническим группам, прежде всего к российским подданным немецкого и еврейского происхождения.

Под предлогом борьбы с «немецким засильем» и шпионажем были проведены:

депортации: выселение около 1 млн гражданских лиц (преимущественно немцев-колонистов) из прифронтовых западных губерний вглубь России;

ликвидационное законодательство: принудительное отчуждение и конфискация 6,6 млн десятин земли, принадлежавших немцам-колонистам;

погромы и ксенофобия: власти потворствовали или бездействовали во время погромов «вражеских» магазинов, как это было в Москве в мае 1915 г., когда было разгромлено 732 заведения.

Эта политика, с одной стороны, – попытка решить земельный вопрос и удовлетворить русских помещиков и буржуазию за счет «инородцев», а с другой – порождение чудовищной атмосферы всеобщей подозрительности и беззакония. Она не только нанесла колоссальный экономический ущерб, но и радикализовала национальные меньшинства.

К зиме 1916–1917 гг. режим исчерпал все ресурсы устойчивости. Длительное, почти 35-летнее действие чрезвычайного законодательства привело к тотальному кризису легитимности. Общество, измученное войной, экономической разрухой, произволом администрации и полиции, перестало видеть в государстве защитника порядка. Авторитет монархии и ее институтов был полностью подорван. Как справедливо отмечал туркестанский генерал-губернатор Д. И. Субботич, произвол низовой администрации, действующей в атмосфере страха, не подавлял, а множил недовольство, толкая законопослуш-

ных граждан в объятия оппозиции. Февральская революция 1917 г. стала закономерным итогом этого процесса. Падение монархии произошло стремительно и почти без сопротивления, что красноречиво свидетельствовало: «провод» государственной власти был, но «силы» в нем – легитимности и народного доверия – уже не оставалось.

Важнейшим аспектом исследования является анализ преемственности репрессивных практик после краха империи. Советская власть, пришедшая на смену Временному правительству, не только не упразднила институты внесудебной расправы, но и вывела их на качественно новый уровень, придав им идеологическое обоснование и тотальный характер.

Уже в декабре 1917 г. новая власть восстановила практику административной высылки. Институт, закрепленный в царском Положении 1881 г., был полностью воспринят и систематизирован. В августе 1922 г. создана «Особая комиссия» при НКВД, выносившая решения о высылке и ссылке «лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям», во внесудебном порядке. Под это определение попадали не только политические противники, но и целые социальные категории: представители старой интеллигенции, дворянства, духовенства, дореволюционной бюрократии, а также «деклассированные элементы» (бродяги, нищие, спекулянты). Апогеем данной политики стала операция «Философский пароход» в 1922 г. – насильственная высылка за границу цвета русской научной и философской мысли (Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, С. Франк и др.).

Логическим продолжением имперской практики военно-полевых судов стали внесудебные органы Всероссийской чрезвычайной комиссии, а затем Государственного политического управления. Если царские суды все же формально рассматривали дела о конкретных преступлениях (хотя и с нарушением всех норм), то советские «тройки» выносили приговоры по спискам на основании принадлежности к «контрреволюционным» или «социально-враждебным» элементам. Масштаб репрессий возрос на порядки. Если за весь период 1905–1907 гг. по политическим делам было казнено несколько тысяч человек, то только в годы Красного террора (1918–1922 гг.), официально объявленного декретом от 5 сентября 1918 г. как ответ на белый террор и покушение на Ленина, уничтожено, по разным оценкам, от 50 до 600 тыс. человек. Террор стал не просто ответной мерой, а, по определению Ф. Э. Дзержинского, методом «устрашения, арестов и уничтожения врагов революции по принципу их классовой принадлежности».

Ключевым отличием советской репрессивной системы была ее идеологизация. Если царский режим оправдывал чрезвычайные меры необходимостью защиты государства и порядка, то большевистский режим обосновывал террор исторической необходимостью построения нового общества через уничтожение враждебных классов. Это придавало насилию тотальный и «санитарный» характер. Последующие волны репрессий – раскулачивание – продолжали такую линию, лишь увеличивая масштабы.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что длительное, практически непрерывное действие исключительного законодательства на протяжении более чем трех десятилетий стало одним из ключевых факторов, подготовивших крах самодержавного строя в России. Предназначенное как временная и вынужденная мера для локализации кризисов, оно трансформировалось в перманентный элемент государственного управления, характеризующийся системным административным произволом, эрозией правовых гарантий и подменой правосудия внесудебными репрессиями. Это не только не разрешило накопившиеся социальные противоречия, но и привело к тотальному падению авторитета власти, правовому нигилизму и глубокому отчуждению общества от государства. Жесткость применяемых мер, утратившая адекватность угрозе и лишенная правовых рамок, породила обратный желаемому эффект, легитимируя в глазах миллионов насильственные методы борьбы с режимом. Таким образом, чрезвычайное законодательство, изначально призванное защитить государственный порядок, в исторической перспективе выступило катализатором его тотальной дискредитации и последующего коллапса, открыв путь к радикальному переустройству страны, сопряженному с еще более суровыми испытаниями для ее народа.

Список источников

1. Самарский А. Н. Чрезвычайное законодательство Российской империи 1900–1917 годов // Общество и право. 2024. № 3 (89). С. 99–103.
2. Гессен В. М. Исключительное положение. Санкт-Петербург, 1908. 410 с.
3. Горбунов А. В. Политика исключительных мероприятий // Право. 1907. С. 2746–2758.

4. Самарский А. Н., Теппеев А. А. Государственно-правовые изменения во внутренней политике России в годы правления Александра III: причины и последствия (историко-правовой обзор) // Образование и право. 2023. № 8. С. 140–148.
5. Брегеда М. Г. Внутренняя политика Александра III // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: сб. Санкт-Петербург: СПГУПТИД, 2022. С. 239–242.
6. Константинов А. В. Теоретико-правовые аспекты чрезвычайного законодательства // European research. 2016. № 11 (22). С. 58–60.
7. Кокоулин В. Г. Александр III в «Новой имперской истории» и политике исторической памяти // Вопросы истории Сибири: сб. Омск: ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», 2021. С. 79–85.
8. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие. 1855–1880 гг. Санкт-Петербург, 1880. С. 24–25.
9. Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. Санкт-Петербург, 1905 и 1906 гг. Ч. I. Свидетельство сенатора Дурново. С. 5.
10. Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. Санкт-Петербург, 1905 и 1906 гг. Ч. IX. Записка проф. Дерюжинского. С. 37.
11. Маклаков В. А. Смертная казнь и законность // Право. 1905. № 34. С. 2775.
12. Брезгина А. В., Сапко А. А. Противоречивость в политике П. А. Столыпина и оценка его деятельности // Молодой ученый. 2017. № 48 (182). С. 299–302.
13. Путилин И. А. Проведение политики русификации Александром III // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. С. 35–39.
14. Кириллов В. В. К вопросу о терминологических и исторических подходах к оценке правительственной политики Александра III // Преподавание истории в школе. 2022. № 4. С. 24–30.
15. Горлов М. И., Коваленко П. Ю., Комаров В. П. Политика «контрреформ» Александра III в современных учебниках отечественной истории для высших учебных заведений // История: факты и символы. 2022. № 1 (30). С. 54–60.
16. Калинин П. По поводу усиленной охраны // Право. 1904. № 47. С. 3304–3306.

References

1. Samarskii A. N. Chrezvichainoe zakonodatelstvo Rossiiskoi imperii 1900–1917 godov // Obshchestvo i pravo. 2024. № 3 (89). S. 99–103.
2. Gessen V. M. Isklyuchitelnoe polozhenie. Sankt-Peterburg, 1908. 410 s.
3. Gorbunov A. V. Politika isklyuchitelnykh meropriyatii // Pravo. 1907. S. 2746–2758.
4. Samarskii A. N., Teppeev A. A. Gosudarstvenno-pravovye izmeneniya vo vnutrennei politike Rossii v godi pravleniya Aleksandra III: prichini i posledstviya (istoriko-pravovoi obzor) // Obrazovanie i pravo. 2023. № 8. S. 140–148.
5. Bregeda M. G. Vnutrennyaya politika Aleksandra III // Perelomnie momenti istorii: lyudi, sobitiya, issledovaniya: sb. Sankt-Peterburg: SPGUPTiD, 2022. S. 239–242.
6. Konstantinov A. V. Teoretiko-pravovye aspekty chrezvichainogo zakonodatelstva // European research. 2016. № 11 (22). S. 58–60.
7. Kokoulin V. G. Aleksandr III v «Novoi imperskoi istorii» i politike istoricheskoi pamyati // Voprosi istorii Sibiri: sb. Omsk: FGBOU VPO «Omskii gosudarstvennii pedagogicheskii universitet», 2021. S. 79–85.
8. Kratkii ocherk deyatel'nosti Ministerstva vnutrennikh del za dvadtsatipyatiletie. 1855–1880 gg. Sankt-Peterburg, 1880. S. 24–25.
9. Materiali po peresmotru ustanovlennikh dlya okhrani gosudarstvennogo poryadka isklyuchitelnykh zakonopolozhenii. Sankt-Peterburg, 1905 i 1906 gg. Ch. I. Svidetel'stvo senatora Durnovo. S. 5.
10. Materiali po peresmotru ustanovlennikh dlya okhrani gosudarstvennogo poryadka isklyuchitelnykh zakonopolozhenii. Sankt-Peterburg, 1905 i 1906 gg. Ch. IX. Zapiska prof. Deryuzhinskogo. S. 37.
11. Maklakov V. A. Smertnaya kazn i zakonnost' // Pravo. 1905. № 34. S. 2775.
12. Brezgina A. V., Sapko A. A. Protivorechivost v politike P. A. Stolipina i otsenka yego deyatel'nosti // Molodoi uchenii. 2017. № 48 (182). S. 299–302.

13. Putilin I. A. Provedenie politiki rusifikatsii Aleksandrom III // Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: sb. Novosibirsk: Assotsiatsiya nauchnikh sotrudnikov «Sibirskaya akademicheskaya kniga», 2018. S. 35–39.

14. Kirillov V. V. K voprosu o terminologicheskikh i istoricheskikh podkhodakh k otsenke pravitelstvennoi politiki Aleksandra III // Prepodavanie istorii v shkole. 2022. № 4. S. 24–30.

15. Gorlov M. I., Kovalenko P. Yu., Komarov V. P. Politika «kontrreform» Aleksandra III v sovremennikh uchebnikakh otechestvennoi istorii dlya visshikh uchebnikh zavedenii // Istoriya: fakti i simvoli. 2022. № 1 (30). S. 54–60.

16. Kalinin P. Po povodu usilennoi okhrani // Pravo. 1904. № 47. S. 3304–3306.

Жуланов Александр Владимирович,

доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
sandrik@111mail.ru

Самарский Александр Николаевич,

старший преподаватель кафедры теории и истории
права и государства Волгоградской академии МВД России;
samarsky_an@mail.ru

Zhulanov Aleksandr Vladimirovich,

Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Pedagogy);
sandrik@111mail.ru

Samarskiy Aleksandr Nikolaevich,

Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
samarsky_an@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after peer reviewing 22.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 342.31

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИДЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Татьяна Васильевна Яловенко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
Hodareva.1986@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция доктрины государственного суверенитета в контексте развития политико-правовой мысли и современных интеграционных процессов. Анализируются классические теоретические подходы к пониманию суверенитета в трудах Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо и их влияние на формирование представлений об абсолютной, народной и ограниченной суверенной власти, а также концепции Г. Кельзена, в рамках которой суверенитет рассматривается как свойство правопорядка и верховенства конституции. Отдельное внимание уделено трансформации суверенитета в условиях глобализации и развития международного права на примере Европейского союза, где формируется модель функционального и делегированного суверенитета. Анализируется современное конституционно-правовое понимание суверенитета с учетом поправок к Конституции РФ 2020 г. и их значение для укрепления суверенитета.

Ключевые слова: государство, власть, независимость, общественный договор, монархия, государственный суверенитет, интеграция

Для цитирования: Яловенко Т. В. История развития и современное состояние идей государственного суверенитета // Тратат правовых инициатив. 2026. № 1. С. 35–40.

HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT CONDITION OF THE IDEAS OF STATE SOVEREIGNTY

Tatyana Vasilievna Yalovenko

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
Hodareva.1986@mail.ru

Abstract. The article explores the evolution of the doctrine of state sovereignty in the context of the development of political and legal thought and modern integration processes. Classical theoretical approaches to understanding sovereignty in the works of N. Machiavelli, J. Bodin, T. Hobbes, J. Locke and J.-J. Rousseau and their influence on the formation of ideas about absolute, popular and limited sovereign power are analysed as well as the concept of H. Kelsen, where sovereignty is considered as a property of legal order and the supremacy of the Constitution. Special attention is paid to the transformation of sovereignty in the context of globalization and the development of international law on the example of the European Union, where a model of functional and delegated sovereignty is being formed. In conclusion, the modern constitutional and legal understanding of sovereignty is analyzed, taking into account the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 and their significance for strengthening sovereignty.

Key words: state, power, independence, social contract, monarchy, state sovereignty, integration

For citation: Yalovenko T. V. History of Development and Current Condition of the Ideas of State Sovereignty. Journal of Legal Initiatives, 35–40, 2026. (In Russ.).

Введение. Обращение к классическим теориям суверенитета (Ж. Бодена, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. Кельзена) имеет концептуально-теоретическое значение, поскольку они формируют основу современной правовой доктрины и позволяют проследить преемственность и изменчивость подходов к пониманию государственного суверенитета.

Методы. Исторический метод применялся для изучения эволюции идей государственного суверенитета на различных этапах развития политико-правовой мысли – от ранних концепций Ж. Бодена до современных подходов. Данный метод позволил выявить закономерности изменения содержания понятия

суверенитета в зависимости от исторических условий. Диалектический метод использовался для анализа суверенитета как категории, подверженной внутренним противоречиям и трансформации под влиянием социальных, политических и правовых факторов. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении различных идей суверенитета, разработанных в трудах Бодена, Гоббса, Локка и Кельзена, а также при анализе соотношения международно-правовых и национально-правовых подходов. Формально-юридический метод использовался при анализе норм Конституции Российской Федерации, в том числе положений, закрепляющих суверенитет, народовластие и приоритет Конституции РФ, а также при рассмотрении конституционных изменений 2020 г. Системный метод позволил рассмотреть государственный суверенитет во взаимосвязи с принципами конституционного строя, международного права и прав человека. Метод теоретического анализа и синтеза применялся для обобщения научных взглядов различных авторов и формирования целостного представления о современном состоянии идей государственного суверенитета.

Результаты. Государственный суверенитет рассматривается в юридической науке как характеристика государства, выражающая верховенство, самостоятельность и независимость публичной власти. По мнению Э. Г. Соловьева, «суверенитет в самом общем виде представляет собой верховенство власти государства в пределах собственных границ и его самостоятельность в решении своих внутренних вопросов и внешнеполитических проблем» [1, с. 225], А. А. Грубов определяет его как «юридическое качество независимого государства, означающее верховенство и независимость государственной власти внутри страны и в международных отношениях» [2, с. 34], а В. Кумар – как «символ способности нации сохранять свои цивилизационные ценности» [3, с. 64].

Данная категория занимает центральное место в теории государства и права, конституционном праве и международно-правовой доктрине, а ее содержание формировалось в ходе длительной исторической эволюции политико-правовой мысли. Труд Н. Макиавелли «Государь» отражает представление о сильном государстве как об абсолютно централизованной системе, неразрывно связанной с фигурой правителя. Н. Макиавелли исходил из необходимости сосредоточения высшей власти в руках монарха для реализации интересов государства, отождествляя абсолютную власть суверена с государственным суверенитетом. Государство в его концепции доминирует над обществом и выступает результатом силы. Мощь государства Н. Макиавелли связывал с максимальной централизацией власти, рассматривая абсолютную монархию как средство преодоления раздробленности и внутренних конфликтов. Хотя термин «суверенитет» им прямо не использовался, «но его идея сильной независимой власти монарха создала фундамент для абсолютистской концепции государственного суверенитета» [4, с. 590].

Первые идеи о государственном суверенитете были сформулированы в XVI в. в трудах Жана Бодена. В работе «Шесть книг о государстве» суверенитет определяется как постоянная и абсолютная власть, не связанная волей иных политических субъектов. Ж. Боден подчеркивал, что суверенитет является неделимым и неотчуждаемым, поскольку его дробление ведет к ослаблению государства и утрате управляемости. Вместе с тем допускалось существование высших пределов суверенной власти в виде естественного и божественного права.

Как отмечают Л. А. Алексеева, С. А. Майорова [5, с. 40], характеризуя содержание суверенитета, Ж. Боден выделял ряд его признаков, к их числу относились публичный характер государственной власти, ее устойчивость во времени, а также независимость от чьей-либо внешней воли. Суверенный правитель обладает исключительным правом в сфере законотворчества, правосудия и управления, включая право принимать решения о начале и прекращении войны, заключении мира. В то же время Ж. Боден подчеркивал, что концентрация власти в руках суверена не должна носить произвольный характер. Осуществление суверенитета, по его убеждению, должно быть направлено на обеспечение общественного согласия, защиту государства и достижение общего блага. Тем самым идея Ж. Бодена закладывает основы представления о суверенитете как о категории, соединяющей в себе элементы абсолютной власти. По мнению И. М. Ильина, именно «с легкой руки» Ж. Бодена суверенитет переводится (с французского языка) как «независимость, верховенство» или более расширенно – «независимость государства во внешней политике и внутренних делах» [6, с. 98].

Вклад в развитие теории суверенитета внес Томас Гоббс, который связал происхождение суверенной власти с общественным договором. В отличие от Ж. Бодена Т. Гоббс рассматривал суверенитет не как исторически сложившуюся привилегию правителя, а как рационально обусловленный результат соглашения между индивидами, стремящимися к безопасности и стабильности. Суверен, по Т. Гоббсу, наделяется всей полнотой власти и не может быть ограничен подданными, поскольку именно концентрация

власти обеспечивает общественный порядок. Таким образом, идея суверенитета у Т. Гоббса сохраняет абсолютный характер, но получает светское и рациональное обоснование.

Принципиально иное направление в развитии концепции суверенитета было предложено Дж. Локком. В его теории государственная власть выступает производной от народа, который сохраняет за собой статус носителя суверенитета. Дж. Локк исходил из того, что целью государства является защита естественных прав личности, а превышение властью своих полномочий означает нарушение общественного договора. В этой связи суверенитет приобретает ограниченный характер и тесно связывается с идеями конституционализма, разделения властей и правового государства. Именно в рамках данного подхода формируется современное понимание народного суверенитета.

Истоки доктрины народного суверенитета традиционно связываются с философско-политическими воззрениями Ж.-Ж. Руссо, в трудах которого государство рассматривается как институт, призванный выражать и обеспечивать реализацию общих, всенародных интересов. В рамках данной концепции носителем суверенитета выступает не монарх как персонализированный правитель, а народ как единый политический субъект. Определяя суверенитет через категорию «общей воли» народа, Ж.-Ж. Руссо выделял его характеристики, к которым относил неотчуждаемость, неделимость и верховенство. Суверенитет не может быть передан или разделен между различными органами власти и всегда обладает высшей юридической силой. Исходя из такого понимания, Ж.-Ж. Руссо приходил к выводу, что суверен способен действовать исключительно при непосредственном участии народа, и поэтому не только абсолютная монархия является ущемлением народного суверенитета, но и верховная власть парламента [7, с. 142].

В XX в. существенное влияние на теоретическое осмысление суверенитета оказала нормативистская концепция Ганса Кельзена. В отличие от сторонников философско-политических теорий Г. Кельзен рассматривал суверенитет как юридическое свойство правопорядка, а не как политическую характеристику власти. Суверенитет, по его мнению, выражается в верховенстве конституции как высшей юридической нормы, определяющей действительность всей правовой системы. Государство в данной концепции отождествляется с правом, а суверенитет проявляется через автономию национального правопорядка по отношению к иным правовым системам.

Развитие международного права и процессы глобализации во второй половине XX – начале XXI в. привели к дальнейшей трансформации идей государственного суверенитета. В научной литературе получили распространение концепции ограниченного и функционального суверенитета, согласно которым государство реализует свои суверенные права в рамках международных обязательств. Участие в международных организациях и интеграционных объединениях рассматривается как форма осуществления суверенитета, а не как его утрата.

Европейский союз (ЕС) обладает признаками самостоятельного правопорядка, оказывающего прямое воздействие на национальные правовые системы государств-членов ЕС, что объективно трансформирует традиционные представления о суверенитете. Государства-члены Европейского союза формально сохраняют статус суверенных субъектов международного права, однако добровольно передают часть своих суверенных полномочий институтам ЕС. Такая передача осуществляется на основе учредительных договоров и касается, прежде всего, сфер экономической политики, таможенного регулирования, конкуренции, а также валютной и миграционной политики. В научной литературе данный процесс часто характеризуется как «разделяемый» [8, с. 73] или «делегированный» суверенитет, при котором национальные государства сохраняют политическую самостоятельность, но осуществляют ее в координации с наднациональными структурами. Особенностью правовой системы Европейского союза является принцип приоритета права ЕС над национальным правом государств-членов. Решения Суда Европейского союза неоднократно подчеркивали автономный характер правопорядка ЕС и его обязательность для национальных органов власти. Вместе с тем конституционные суды ряда государств, прежде всего Германии, Италии и Франции, выработали доктрину «конституционной идентичности», в рамках которой признается возможность ограничения действия права ЕС в случае угрозы основам национального конституционного строя, что свидетельствует о стремлении государств-членов сохранить элементы суверенитета даже в условиях глубокой интеграции.

Современная практика функционирования Европейского союза демонстрирует, что интеграционные процессы не приводят к полному устранению государственного суверенитета, а способствуют формированию его новой формы. Суверенитет в рамках ЕС приобретает функциональный характер, проявляясь через распределение компетенций между национальным и наднациональным уровнями власти. При этом государства-члены сохраняют право пересмотра условий участия в интеграционном объединении, что подтверждает производный характер полномочий институтов ЕС. Опыт Европейского союза позволяет

рассматривать государственный суверенитет как гибкую правовую конструкцию, способную адаптироваться к условиям региональной интеграции. Как подчеркивает А. Д. Джафаров, «Евросоюз обладает суверенитетом не во всех областях, однако рассмотренный в исследовании дискурс позволяет говорить об активно развивающихся попытках ЕС добиться наиболее полного суверенитета, т. е. независимости своих ресурсов и возможностей от внешних факторов, в выделяемых сферах, для того чтобы быть в состоянии успешно реагировать на внешние и внутренние кризисы» [9, с. 96].

Однако, как отмечает К. А. Раков, «на уровне европейских государств мы можем наблюдать развитие концепции так называемого регулирующего государства, по сути, представляющее собой внутригосударственный процесс политизации всех сфер общественной жизни. Представляется, что указанные тенденции ведут к утрате значительной части национального суверенитета государствами-членами ЕС, что вряд ли может положительно сказаться на развитии политического процесса в европейском регионе» [10, с. 192].

Как отмечает Г. В. Коцур, «суверенитет в дискурсе ЕС и России – это два принципиально разных концепта. Для Евросоюза стратегический суверенитет предстает способностью принимать независимые решения, в первую очередь в экономике, сферах информации и безопасности для борьбы с вызовами наднационального уровня. В российском ценностном поле это важнейший социальный объект, связанный, прежде всего, с государственной безопасностью, его необходимо защищать от угроз и вмешательства» [11, с. 34].

Современное понимание государственного суверенитета в Российской Федерации основано на принципе народного суверенитета. В соответствии со ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации. Данное положение коррелирует с позицией Дж. Локка и подчеркивает демократическую природу государственной власти. Статья 4 Конституции РФ закрепляет суверенитет Российской Федерации на всей ее территории и верховенство Конституции, что отражает нормативистский подход к суверенитету, разработанный Г. Кельзеном.

Особое значение для развития идей государственного суверенитета имеет конституционная реформа 2020 г. В результате поправок к Конституции РФ закреплена возможность неисполнения решений межгосударственных органов в случае их противоречия Конституции РФ [12, с. 560]. Отечественному законодателю пришлось в том числе прибегнуть к изменениям 2020 г., в которых уточнялось конституционное верховенство над положениями международных договоров [13, с. 17]. Кроме того, были внесены поправки в ст. 67 Конституции РФ, в которой появился дополнительный п. 2.1 – Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности [14, с. 585].

Указанные положения направлены на защиту суверенитета и сохранение самостоятельности национального правопорядка, «автономизацию юрисдикции государства и повышение статуса и роли России в мировой политической системе» [15, с. 21].

Заключение. История развития идей государственного суверенитета – от абсолютной власти у Бодена и Гоббса к народному и нормативно ограниченному суверенитету у Локка и Кельзена – свидетельствует о постепенном усложнении данной категории и ее адаптации к условиям современного правового государства и глобального мира. Современное понимание государственного суверенитета в Российской Федерации представляет собой результат синтеза классических теоретических концепций и актуальных конституционно-правовых подходов.

Список источников

1. Соловьев Э. Г. Эволюция понятия «суверенитет» – есть ли место экономическому суверенитету в политической науке? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 225–231.
2. Грубов А. А. Государственный суверенитет в современную эпоху // Юридическая мысль. 2024. № 2 (134). С. 33–41.
3. Кумар В. Стратегическая автономия с опорой на собственный суверенитет // Международная жизнь. 2025. № 1. С. 64–71.
4. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Политико-правовая модель державности и соборности сквозь призму государственного и народного суверенитета: историографический аспект // Вестник Пермского университета. 2024. № 4 (66). С. 588–614.
5. Алексеева Л. А., Майорова С. А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 39–44.
6. Ильин И. М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2. С. 96–105.

7. Мирзоев А. К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 141–150.
8. Поярко С. Ю. Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому» // Юридические исследования. 2025. № 5. С. 64–83.
9. Джафаров А. Д. Эволюция дискурса о Европейском суверенитете под влиянием Брексита и украинского кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2025. Т. 18. № 1. С. 80–99.
10. Раков К. А. Характеристика регулирующей роли государства в формировании правопорядка (на примере Европейского Союза) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 188–193.
11. Коцур Г. В. Деконтекстуализация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза, 2016–2021 гг. // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 23–36.
12. Амелин В. Н., Плашенков Д. Д. Механизмы обеспечения государственного суверенитета в многополярном мире // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5. С. 559–565.
13. Джейранов С. С. Аксиологическое значение государственного суверенитета в системе государственной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 15–24.
14. Шестопал С. С., Данилян Т. А. Суверенитет Российской Федерации: особенности национального суверенитета // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 12. С. 584–589.
15. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 21–23.

References

1. Solov'ev E. G. Evolyuciya ponyatiya «suverenitet» – est' li mesto ekonomicheskomu suverenitetu v politicheskoj nauke? // Zhurnal Novoj ekonomicheskoj asociacii. 2024. № 3 (64). S. 225–231.
2. Grubov A. A. Gosudarstvennyj suverenitet v sovremennuyu epohu // Yuridicheskaya mysl'. 2024. № 2 (134). S. 33–41.
3. Kumar V. Strategicheskaya avtonomiya s oporoy na sobstvennyj suverenitet // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2025. № 1. S. 64–71.
4. Vinogradova E. V., Rattur M. V. Politiko-pravovaya model' derzhavnosti i sobornosti skvoz' prizmu gosudarstvennogo i narodnogo suvereniteta: istoriograficheskij aspekt // Vestnik Permskogo universiteta. 2024. № 4 (66). S. 588–614.
5. Alekseeva L. A., Majorova S. A. K voprosu o gosudarstvennom suverenitete v usloviyah globalizacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (59). S. 39–44.
6. Il'in I. M. Suverenitet v doktrine konstitucionalizma: definiciya, problematika // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. 2020. T. 1. № 2. S. 96–105.
7. Mirzoev A. K. Genezis i evolyuciya predstavlenij o suverenitete v politiko-pravovyh koncepciyah narodnogo i nacional'nogo suvereniteta // Mir politiki i sociologii. 2015. № 1. S. 141–150.
8. Poyarkov S.Yu. Peresmotr koncepcii gosudarstvennogo suvereniteta v kontekste transformacii sovremennogo konstitucionalizma: ot absolutnogo suvereniteta k «razdelyaemomu» // Yuridicheskie issledovaniya. 2025. № 5. S. 64–83.
9. Dzhafarov A. D. Evolyuciya diskursa o Evropejskom suverenitete pod vliyaniem Breksita i ukrainskogo krizisa // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2025. T. 18. № 1. S. 80–99.
10. Rakov K. A. Harakteristika reguliruyushchej roli gosudarstva v formirovanii pravoporyadka (na primere Evropejskogo Soyuza) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 188–193.
11. Kocur G. V. Dekontestaciya konceptov «suverenitet» i «strategicheskij suverenitet» v oficial'nyh diskursah Rossii i Evropejskogo soyuza, 2016-2021 gg. // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2023. № 4. S. 23–36.
12. Amelin V. N., Plashenkov D. D. Mekhanizmy obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta v mnogopolyarnom mire // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2025. № 5. S. 559–565.
13. Dzhejranov S. S. Aksiologicheskoe znachenie gosudarstvennogo suvereniteta v sisteme gosudarstvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Voennoe pravo. 2023. № 3(79). S. 15–24.
14. Shestopal S. S., Danilyan T. A. Suverenitet Rossijskoj Federacii: osobennosti nacional'nogo suvereniteta // Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva. 2021. № 12. 584–589.
15. Bredihin A. L., Procenko E. D. Gosudarstvennyj suverenitet Rossijskoj Federacii v svete popravok k Konstitucii Rossijskoj Federacii, prinyatyh v 2020 g. // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 11. S. 21–23.

Яловенко Татьяна Васильевна,

заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Hodareva.1986@mail.ru

Yalovenko Tatyana Vasilievna,

Deputy Head of the Department of Theory and History of Law
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
Hodareva.1986@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after peer reviewing 27.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 342.76

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕННОГО НА ТЕРРИТОРИИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Анна Александровна Медведчук

Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия,
medved1313@inbox.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых ограничений, вводимых на территории Донецкой Народной Республики (ныне – Республика в составе Российской Федерации) в период проведения специальной военной операции. Рассматриваются конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод, их соотношение с требованиями международного гуманитарного права, а также специфика правоприменительной практики в условиях вооруженного конфликта.

Обосновывается тезис о том, что временные ограничения носят вынужденный характер, обусловлены необходимостью обеспечения безопасности гражданского населения и соответствуют принципу соразмерности при соблюдении процедурных гарантий.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, специальная военная операция, ограничение прав и свобод, режим военного положения, международное гуманитарное право, безопасность, соразмерность

Для цитирования: Медведчук А. А. Ограничение прав и свобод граждан в условиях введенного на территории Донецкой Народной Республики военного положения // Тратат правовых инициатив. 2026. № 1. С. 41–46.

**LIMITATION OF CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS
UNDER MARTIAL LAW INTRODUCED ON THE TERRITORY
OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

Anna Aleksandrovna Medvedchuk

Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk, Russia,
medved1313@inbox.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of legal restrictions introduced on the territory of the Donetsk People's Republic (now a constituent entity (Republic) of the Russian Federation) during the special military operation. The constitutional and legal fundamentals for limiting rights and freedoms are examined, along with their correlation with the requirements of international humanitarian law and the specific features of law enforcement practice under conditions of armed conflict.

The author substantiates the thesis that temporary restrictions are forced by the need to ensure the security of the civilian population and comply with the principle of proportionality when procedural guarantees are observed.

Keywords: Donetsk People's Republic, special military operation, limitation of rights and freedoms, martial law regime, international humanitarian law, security, proportionality

For citation: Medvedchuk A. A. Limitation of Citizens' Rights and Freedoms under Martial Law Introduced on the Territory of the Donetsk People's Republic. Journal of Legal Initiatives, 41–46, 2026. (In Russ.).

Введение. Донецкая Народная Республика (далее – Республика, ДНР), провозгласившая 7 апреля 2014 г. государственную самостоятельность, 30 сентября 2022 г. была принята в Российскую Федерацию. С этого дня в составе Российской Федерации образован новый субъект – Донецкая Народная Республика¹.

В отличие от таких новых субъектов Российской Федерации, как Запорожская и Херсонская области, Донецкая Народная Республика обладала уникальной предысторией [1, с. 28]. С апреля 2014 г. ДНР

© Медведчук А. А., 2026

¹ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: федер. конституц. закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/?ysclid=ml24nj5quj414814945 (дата обращения: 30.01.2026).

функционировала как самостоятельное государство третичного распада СССР [2, с. 110], накопив восьмилетний опыт построения органов государственной власти и применения режима военного положения [3, с. 256].

Так, к моменту вхождения в Российской Федерацию, структура органов исполнительной власти ДНР была на 83,3 % схожа со структурой аналогичных органов Российской Федерации [4, с. 117], что существенно облегчило процесс правовой интеграции и обеспечило преемственность правоприменительной практики в условиях вооруженного конфликта [5, с. 452].

Образование в составе России нового субъекта влечет за собой применение на новой территории конституционных и федеральных законодательных норм Российской Федерации [6, с. 172], включая положения о временных ограничениях прав и свобод в исключительных обстоятельствах.

В современной юридической литературе неоднократно предпринимались попытки осмысления баланса между обеспечением безопасности государства и сохранением гарантий прав человека в условиях вооруженного конфликта [7, с. 212], однако такие факторы, как появление на карте мира новых государственных образований, изменение границ существующих государств, актуализируют рассматриваемую проблему.

Материалы и методы исследований. В работе применен комплексный подход с использованием совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания.

Исторический метод применялся для анализа эволюции правового статуса Донецкой Народной Республики с момента провозглашения государственной самостоятельности 7 апреля 2014 г. до вхождения в состав Российской Федерации 30 сентября 2022 г. Данный метод позволил выявить преемственность правоприменительной практики и особенности формирования институтов ограничения прав в условиях длительного действия режима военного положения (с мая 2014 г.).

Формально-юридический метод использовался при анализе норм Конституции РФ, в частности положений ст. 55 и ст. 56, регулирующих ограничение прав и свобод, а также при систематизации нормативных правовых актов, вводящих режим военного положения на территории ДНР.

Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении правового статуса и практики ограничения прав в Донецкой Народной Республике с Запорожской и Херсонской областями, что позволило выявить специфику правовой интеграции субъектов, обладающих различной предысторией государственного строительства.

Системный метод позволил рассмотреть ограничения прав и свобод в их взаимосвязи с конституционными принципами, требованиями международного гуманитарного права и механизмами обеспечения безопасности гражданского населения.

Диалектический метод использовался для анализа баланса между обеспечением государственной безопасности и сохранением гарантий прав человека, а также для выявления противоречий и путей их разрешения в условиях вооруженного конфликта.

Метод теоретического анализа и синтеза применялся для обобщения научных взглядов различных авторов и формирования целостного представления о современном состоянии правового регулирования ограничений прав в условиях военного положения.

Результаты и обсуждения. Статья 56 Конституции РФ устанавливает исчерпывающий перечень прав, которые не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения. Одновременно ч. 2 ст. 56 допускает введение дополнительных ограничений федеральным конституционным законом в условиях военного положения¹.

Важно подчеркнуть, что на территории Донецкой Народной Республики с октября 2022 г. действует режим военного положения, введенный Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756². Данный режим легитимизирует введение ограничений, предусмотренных Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»³, в частности: ограничение свободы передвижения; введение комендантского часа; ограничение посещения отдельных территорий; усиленный контроль за средствами массовой информации и т. д.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 30.01.2026).

² О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002?ysclid=ml252ptpv909743184> (дата обращения: 30.01.2026).

³ О военном положении: федер. конституц. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/?ysclid=ml254zavxs974881550 (дата обращения: 30.01.2026).

Ключевым критерием правомерности таких ограничений выступает принцип соразмерности (пропорциональности), закрепленный в Конституции РФ (ст. 55) [8, с. 202]. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что любые ограничения прав должны отвечать требованиям законности, легитимности цели и соразмерности. Нарушение этого принципа может стать основанием для признания нормы неконституционной. Ограничения должны быть: необходимыми для достижения цели обеспечения безопасности; наименее ограничительными из возможных; временно действующими.

Практика применения региональных ограничений, введенных в соответствии с уровнями реагирования и террористической опасности, регламентированная Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757¹, на территории Донецкой Народной Республики обусловлена рядом факторов.

Во-первых, сохраняющаяся угроза обстрелов со стороны Вооруженных сил Украины требует введения зон отчуждения вблизи линии соприкосновения, что ограничивает свободу передвижения граждан (Указ ВрИО Главы ДНР от 18 сентября 2023 г. № 357)².

Во-вторых, необходимость противодействия диверсионно-разведывательной деятельности обуславливает усиление пограничного и паспортного контроля, а также ограничения на использование беспилотных летательных аппаратов (постановление Государственного комитета обороны Донецкой Народной Республики от 5 августа 2022 г. № 180)³.

В-третьих, информационная безопасность в условиях гибридной войны требует регулирования распространения сведений, составляющих государственную тайну или способных дезорганизовать оборону, а также недопущения распространения недостоверной информации (Указ Главы ДНР от 10 октября 2025 г. № 780)⁴.

Эффективная реализация ограничений невозможна без надлежащего правового информирования населения, которое в условиях специальной военной операции сталкивается с рядом системных вызовов: резким изменением законодательства (введение военного положения, особого правового режима, норм чрезвычайного характера); ограничением мобильности населения и доступа к Интернету на отдельных территориях; психологическим напряжением, снижающим способность к восприятию сложной правовой информации; ростом числа вынужденных переселенцев, нуждающихся в оперативном разъяснении их прав и обязанностей; повышенной угрозой дезинформации и распространения фейковых материалов, маскирующихся под правовые разъяснения [9, с. 10; 10, с. 165].

Указанные факторы требуют адаптации механизмов правового просвещения, включая использование многоуровневых каналов коммуникации (от традиционных СМИ до мобильных групп разъяснительной работы) [11, с. 104] и усиление ответственности за распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность органов власти в условиях военного положения.

Российская Федерация, будучи участником Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним, обязана соблюдать нормы международного гуманитарного права⁵. Статья 54 Дополнительного протокола I запрещает голод как метод ведения войны и ограничение доступа гражданского населения к предметам жизнеобеспечения.

Важным фактором, определяющим специфику правоприменительной практики на территории ДНР, является ее историко-правовой статус. Республика представляет собой государство «третичного распада СССР» – административно-территориальное образование, провозгласившее самостоятельность не непосредственно при распаде Союза, а впоследствии, в связи с несогласием с государственной политикой постсоветской Украины [2, с. 110]. Ключевым обстоятельством выступает тот факт, что режим военного

¹ О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003?ysclid=ml272y1ud532591082> (дата обращения: 30.01.2026).

² О мерах, применяемых на территории Донецкой Народной Республики в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757: указ Временно исполняющего обязанности Главы Донецкой Народной Республики от 18 сентября 2023 г. № 357 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/407718980/> (дата обращения: 30.01.2026).

³ О некоторых вопросах использования беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве Донецкой Народной Республики: постановление Государственного комитета обороны Донецкой Народной Республики от 5 августа 2022 г. № 180. URL: <https://base.garant.ru/405918289/?ysclid=ml270y76dj903739152> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ О запрете использования на территории Донецкой Народной Республики комплектов спутникового телевидения, не предназначенных для работы в сетях связи операторов обязательных общедоступных телеканалов и (или) радиоканалов, оказывающих услуги связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания с использованием сети спутникового телерадиовещания: указ Главы Донецкой Народной Республики от 10 октября 2025 г. № 780. URL: <https://base.garant.ru/411841074/> (дата обращения: 30.01.2026).

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изм. и доп.). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/28367ane183762842> (дата обращения: 30.01.2026).

положения действовал на территории ДНР с 26 мая 2014 г., т. е. более восьми лет до ее вхождения в состав России [12, с. 16; 13, с. 20]. За этот период были сформированы устойчивые правоприменительные практики действий в условиях чрезвычайного режима, укомплектованы органы власти кадрами из числа лиц, постоянно проживающих на территории Республики и принятых в российское гражданство в упрощенном порядке на основании Указа Президента РФ от 24 апреля 2019 г. № 183¹ еще до вхождения ДНР в состав России.

Этот опыт предварительной адаптации [14, с. 125] к российской правовой модели позволил избежать правового вакуума при переходе к применению федерального законодательства РФ и обеспечил преемственность в реализации ограничений прав и свобод. В отличие от Запорожской и Херсонской областей, где гражданство РФ приобреталось населением лишь после принятия соответствующих областей в состав Федерации [2, с. 110], подавляющее большинство жителей ДНР имели статус граждан России задолго до 30 сентября 2022 г., что создало дополнительные гарантии правовой определенности [15, с. 366] при введении ограничений в рамках военного положения.

Введенные на территории Донецкой Народной Республики ограничения не затрагивают: права на жизнь и личную неприкосновенность; права на медицинскую помощь; доступа к продуктам питания и предметам первой необходимости; свободу вероисповедания, – т. е. в полной мере соответствуют Конституции РФ.

Ограничения касаются преимущественно процедурных аспектов реализации прав (свобода передвижения, собраний) и носят временный характер, что соответствует требованиям международного гуманитарного права о соразмерности мер безопасности.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Правовые ограничения, введенные на территории Донецкой Народной Республики в период ее пребывания в статусе самостоятельного государства, имеют прочную конституционную основу, вследствие чего после вхождения Республики в состав России они не утратили актуальности, так как соответствуют уже федеральному законодательству Российской Федерации.

2. Введение ограничений прав и свобод граждан на территории ДНР обусловлено объективной необходимостью обеспечения безопасности гражданского населения и сохранения оборонного потенциала государства в условиях вооруженного конфликта и соответствует принципу соразмерности.

3. Перспективы нормализации правового режима находятся в прямой зависимости от возможности достижения устойчивого прекращения огня и стабилизации обстановки. Лишь после этого возможна поэтапная отмена ограничений в порядке, предусмотренном законодательством о военном положении.

Список источников

1. Украинский национализм: историко-правовой анализ: монография / А. И. Левченков, А. И. Ладыга, Л. И. Красильникова [и др.]; Луганский филиал Воронежского института МВД России. Воронеж: Луганский филиал Воронежского института МВД России, 2024. 303 с.

2. Введенская В. В. Появление новых субъектов Российской Федерации как следствие распада Союза советских Социалистических республик // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 4 (72). С. 110–115.

3. Левченков А. И., Груздев В. В. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах: монография. Москва: Проспект, 2022. 480 с.

4. Введенская В. В. Правовые традиции Донбасса и законодательство Донецкой Народной Республики // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 4. С. 117–127.

5. Беганская И. Ю., Гончарова М. В. Исследование векторов стратегии устойчивого развития Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 3-1. С. 452–463.

6. Шахов О. Ф. Актуальные проблемы развития нового российского региона (ДНР) с учетом влияния современных реалий экономического состояния страны и геополитических факторов // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 24 апреля 2025 г. Воронеж: Истоки, 2025. С. 172–177.

¹ Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке: Указ Президента РФ от 24 апреля 2019 г. № 183. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72129888/?ysclid=ml4v280xw9331961527> (дата обращения: 30.01.2026).

7. Зокоев В. А., Пьянусов А. В., Шевцова В. М. Правовое регулирование мероприятий по защите населения и территории в Донецкой Народной Республике // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 2. С. 212–214.
8. Гаджиева М. Г., Пирбудагова Д. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина: реализация принципа соразмерности при ограничении прав и свобод // *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 4 (143). С. 202–204.
9. Олийнык И. Л. Вынужденная миграция: особенности статуса переселенцев Донбасса // *Миграционное право*. 2019. № 3. С. 10–13.
10. Безвербный В. А., Лукашенко Е. А., Бекинеев Е. А. Демографическая ситуация в Донецкой и Луганской народных республиках // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4, № 4. С. 165–183.
11. Медведчук А. А. Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции // *Вестник юридических исследований*. 2025. Т. 4, № 6. С. 104–109.
12. Бобровский А. С., Руденко М. В., Шкрибитко Е. А. Становление и развитие органов государственной власти ДНР в 2014–2022 гг. // *Очерки истории Донецкой Народной Республики: монография*. Донецк: Москва: Перо, 2024. С. 16–25.
13. Максименко М. Н. Правотворческий процесс в Донецкой Народной Республике в контексте реализации прав человека // *Право Донецкой Народной Республики*. 2017. № 1(5). С. 20–24.
14. Белащенко Д. А. ДНР и ЛНР: «проблемные государства» или «государства де-факто» // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2020. № 1-2 (72-73). С. 125–131.
15. Внукова Л. Б. Конфликт идентичностей в Донбассе и российский фактор в региональных политических процессах (2014–2021 гг.) // *Труды Южного научного центра Российской академии наук*. 2022. Т. 10. С. 366–381.

References

1. Ukrainskii natsionalizm: istoriko-pravovoi analiz: monografiya / A. I. Levchenkov, A. I. Ladiga, L. I. Krasilnikova [i dr.]; Luganskii filial Voronezhskogo instituta MVD Rossii. Voronezh: Luganskii filial Voronezhskogo instituta MVD Rossii, 2024. 303 s.
2. Vvedenskaya V. V. Poyavlenie novikh subektov Rossiiskoi Federatsii kak sledstvie raspada Soyuza sovet-skikh Sotsialisticheskikh respublik // *Vestnik Vserossiiskogo instituta povisheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*. 2024. № 4 (72). С. 110–115.
3. Levchenkov A. I., Gruzdev V. V. Pravovoe regulirovanie obshchestvennikh otnoshenii v nestabilnikh sotsi-umakh: monografiya. Moskva: Prospekt, 2022. 480 s.
4. Vvedenskaya V. V. Pravovie traditsii Donbassa i zakonodatelstvo Donetskoj Narodnoj Respubliki // *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2024. № 4. С. 117–127.
5. Beganskaya I. Yu., Goncharova M. V. Issledovanie vektorov strategii ustoichivogo razvitiya Donetskoj Narodnoj Respubliki kak subekta Rossiiskoi Federatsii // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2024. Т. 14. № 3-1. С. 452–463.
6. Shakhov O. F. Aktualnie problemi razvitiya novogo rossiiskogo regiona (DNR) s uchetom vliyaniya sovremennikh realii ekonomicheskogo sostoyaniya strani i geopoliticheskikh faktorov // *Aktualnie problemi razvitiya khozyaistvuyushchikh subektov, territorii i sistem regionalnogo i munitsipalnogo upravleniya: materialy XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Voronezh, 24 aprelya 2025 g. Voronezh: Istoki*, 2025. С. 172–177.
7. Zokoev V. A., Pyanusov A. V., Shevtsova V. M. Pravovoe regulirovanie meropriyatii po zashchite naseleniya i territorii v Donetskoj Narodnoj Respublike // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 2. С. 212–214.
8. Gadzhieva M. G., Pirbudagova D. Sh. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: realizatsiya printsipa sorazmernosti pri ogranichenii prav i svobod // *Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2020. № 4 (143). С. 202–204.
9. Oliinik I. L. Vinuzhdennaya migratsiya: osobennosti statusa pereselentsev Donbassa // *Миграционное право*. 2019. № 3. С. 10–13.
10. Bezverbnii V. A., Lukashenko Ye. A., Bekineev Ye. A. Demograficheskaya situatsiya v Donetskoj i Luganskoj narodnikh respublikakh // *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*. 2024. Т. 4, № 4. С. 165–183.
11. Medvedchuk A. A. Povishenie effektivnosti pravovogo informirovaniya naseleniya v usloviyakh spetsialnoi voennoi operatsii // *Vestnik yuridicheskikh issledovaniy*. 2025. Т. 4, № 6. С. 104–109.
12. Bobrovskii A. S., Rudenko M. V., Shkribitko Ye. A. Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennoi vlasti DNR v 2014–2022 gg. // *Очерки истории Donetskoj Narodnoj Respubliki: monografiya*. Donetsk; Moskva: Pero, 2024. С. 16–25.

13. Maksimenko M. N. Pravotvorcheskii protsess v Donetskoi Narodnoi Respublike v kontekste realizatsii prav cheloveka // Pravo Donetskoi Narodnoi Respubliki. 2017. № 1(5). S. 20–24.
14. Belashchenko D. A. DNR i LNR: «problemnie gosudarstva» ili «gosudarstva de-fakto» // Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnikh issledovani. 2020. № 1-2 (72-73). S. 125–131.
15. Vnukova L. B. Konflikt identichnostei v Donbasse i rossiiskii faktor v regionalnikh politicheskikh protsessakh (2014–2021 gg.) // Trudi Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2022. T. 10. S. 366–381.

Медведчук Анна Александровна,

старший преподаватель кафедры уголовно-
правовых дисциплин и криминалистики
Луганского филиала Воронежского института МВД России;
medved1313@inbox.ru

Medvedchuk Anna Aleksandrovna,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Legal Disciplines and Criminalistics
of the Lugansk Branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
medved1313@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after peer reviewing 06.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 342

***КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ***

Хамзат Магомедович Муртазаев

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Москва, Россия,
hamzat.murtazaev@yandex.ru

Научный руководитель

Джамиля Сейфаддиновна Велиева

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования противодействия коррупционным рискам при осуществлении национальных проектов Российской Федерации. На основе анализа случаев нарушений в Саратовской области, Ростовской области и Чеченской Республике выявлены системные проблемы: злоупотребления в сфере государственных закупок, нецелевое расходование бюджетных средств, недостаточность механизмов контроля. Проанализированы статистические данные по отдельным видам правоприменительной деятельности по надзору за соблюдением законности в указанной сфере. Предложен комплекс мер по совершенствованию противодействия коррупции: принятие федерального закона о национальных проектах, введение специальных составов правонарушений, создание единой цифровой платформы управления, усиление прокурорского надзора. Обосновывается необходимость законодательного закрепления персональной ответственности должностных лиц за недостижение целевых показателей национальных проектов.

Ключевые слова: национальные проекты, правовое регулирование, коррупция, государственные закупки, нецелевое использование бюджетных средств, прокурорский надзор, цифровая платформа, антикоррупционное законодательство

Для цитирования: Муртазаев Х. М. Коррупция в сфере реализации национальных проектов: проблемы правового регулирования и правоприменения // Тратат правовых инициатив. 2026. № 1. С. 47–54.

***CORRUPTION IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT***

Khamzat Magomedovich Murtazaev

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of RANEPa, Moscow, Russia,
hamzat.murtazaev@yandex.ru

Scientific supervisor

Dzhamilya Seyfaddinovna Velieva

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of RANEPa, Moscow, Russia

Abstract. The article examines legal regulation problems of combating corruption risks in the implementation of national projects of the Russian Federation. The systemic problems have been identified by analysis of cases of violations in the Saratov region, Rostov region and the Chechen Republic: abuses in the field of public procurement, misuse of budget funds, insufficient control mechanisms. The statistical data of certain types of law enforcement activities for the supervision of the observance of legality in this area are analyzed. A set of anti-corruption measures are suggested: adoption of a federal law on national projects, amendment to the Criminal Code and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with the introduction of special types of offenses, creation of a unified digital management platform, strengthening prosecutorial supervision. The necessity of legislative consolidation of officials' personal responsibility for failure to achieve target indicators of national projects is substantiated.

Keywords: national projects, legal regulation, corruption, public procurement, misuse of budget funds, prosecutorial supervision, digital platform, anti-corruption legislation, administrative liability, criminal liability

For citation: Murtazaev Kh. M. Corruption in the Implementation of National Projects: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement. Journal of Legal Initiatives, 47–54, 2026. (In Russ.).

Введение. Национальные проекты представляют собой организационно-правовую форму реализации конституционной модели социального государства. Статья 7 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹. Реализация данного конституционного принципа требует не только декларирования соответствующих обязательств, но и создания действенных механизмов их исполнения.

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² определил систему национальных проектов как ключевой инструмент достижения целей социально-экономического развития страны. Национальные проекты призваны обеспечить реализацию конституционных прав граждан: права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), права на благоприятную окружающую среду (ст. 42), права на социальное обеспечение (ст. 39), права на жилище (ст. 40) [1]. Масштабное бюджетное финансирование этих проектов – только на реализацию национального проекта «Экология» в период 2019–2024 гг. было направлено свыше 1,3 трлн руб. – отражает приоритетность социальных обязательств государства перед обществом³.

Между тем действующее антикоррупционное законодательство не учитывает специфику национальных проектов как формы реализации конституционных обязательств. Правовое регулирование носит фрагментарный характер и строится преимущественно на подзаконных актах. Ю. А. Тихомиров обоснованно указывает, что правовое обеспечение должно носить опережающий характер и выступать активным инструментом управления, а не средством пассивного закрепления сложившейся ситуации. Однако современное состояние правового регулирования национальных проектов этому требованию не соответствует [2].

Статистика правоохранительных органов подтверждает остроту проблемы: за первое полугодие органами прокуратуры было выявлено хищение более 3 млрд руб., выделенных на реализацию национальных проектов⁴. Масштабы коррупционных проявлений свидетельствуют о системных недостатках правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере [3].

Между тем научная литература содержит преимущественно общетеоретические исследования правовой природы национальных проектов, в то время как специальные работы, посвященные противодействию коррупции в контексте защиты конституционных прав граждан, практически отсутствуют.

Целью настоящего исследования являются выявление системных коррупционных рисков при реализации национальных проектов через призму защиты конституционных прав граждан и разработка комплекса правовых мер по минимизации этих рисков.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход), а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа правоприменительной практики.

Эмпирическую базу исследования составили материалы прокурорских проверок в субъектах Российской Федерации, статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, материалы уголовных дел о хищениях бюджетных средств, выделенных на национальные проекты.

Проведен анализ региональной практики реализации национальных проектов в Саратовской области, Ростовской области и Чеченской Республике как репрезентативных примеров различных типов нарушений: от прямых хищений до организационных недостатков, создающих коррупционные риски.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/06.10.2022> (дата обращения: 05.07.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ Об итогах реализации национального проекта «ЭКОЛОГИЯ» 2019–2024 // Минприроды России: офиц. сайт. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/np_ecology/250129_итоги%20НП%20Экология.PDF (дата обращения: 05.07.2025).

⁴ Генпрокуратура за полгода выявила хищение 3 млрд рублей на нацпроектах // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e468933/> (дата обращения: 29.01.2026).

Теоретическую основу составили труды Д. А. Винника, В. В. Попова, Ю. А. Тихомирова и др. по вопросам конституционного регулирования социальной политики и стратегического планирования.

Результаты. 1. Коррупционные риски в системе государственных закупок. Анализ правоприменительной практики выявил, что основной объем коррупционных правонарушений при реализации национальных проектов концентрируется в сфере государственных закупок. Показательным является случай в Саратовской области, где в рамках национального проекта «Здравоохранение» был заключен контракт на реконструкцию поликлиники в г. Красноармейске. Подрядная организация получила аванс в размере 52 млн руб., при этом фактически выполненные работы составили лишь 17 млн руб. Остальные средства выведены через фиктивные организации. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ¹.

Схожая ситуация выявлена прокуратурой Чеченской Республики при реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», где установлены факты несоответствия документации об электронном аукционе требованиям законодательства, а также несвоевременная оплата исполнения контракта субъекту малого предпринимательства на сумму 180 млн руб.²

Системный характер проблемы подтверждается данными Генеральной прокуратуры РФ: за шесть месяцев выявлены хищения на сумму свыше 3 млрд руб³. Президент РФ неоднократно поручал ФСБ продолжать борьбу с коррупцией в сфере нацпроектов, что свидетельствует о признании этой проблемы на высшем государственном уровне.

2. Организационно-правовые дефекты, создающие коррупционные риски. Помимо прямых коррупционных деяний, серьезную угрозу эффективной реализации национальных проектов создают институциональные пробелы в их правовом регулировании.

Во-первых, отсутствие единого федерального закона о национальных проектах приводит к правовой неопределенности статуса целевых показателей [4]. Как обоснованно указывает российский правовед профессор Н. А. Власенко, поддерживающий необходимость принятия закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации, «помимо „видовой“ упорядоченности, необходимо создать строгую иерархию нормативных правовых актов, где Конституция России явилась бы системообразующим документом. Тем не менее в нормативном правовом массиве появляется немало документов с не вполне определенным статусом. Так, однозначно затруднительно определить юридическую природу программно-целевых актов (Концепций, Программ и др.), несмотря на то, что они исходят от органов государственной власти» [5]. В настоящее время правовую основу национальных проектов составляют преимущественно подзаконные акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ), что создает возможности для произвольного изменения параметров проектов и снижает уровень ответственности исполнителей [6].

Подобные факты указывают на недостатки как в компетенции ответственных должностных лиц, так и в системе контрольных процедур. В Саратовской области в 2024 г. был сорван национальный проект «Жилье и городская среда»: областное правительство не освоило 708,44 млн руб. из средств Фонда содействия реформированию ЖКХ⁴. Данное обстоятельство свидетельствует не только о низкой квалификации ответственных лиц, но и о несовершенстве процедур контроля [7].

Во-вторых, слабость механизмов прокурорского надзора. Существенной проблемой становится отсутствие комплексного взаимодействия между контролирующими и правоохранительными органами при выявлении коррупционных правонарушений в рамках реализации национальных проектов [8]. О. И. Андропова обоснованно констатирует: «Деятельность органов прокуратуры является действенным способом защиты интересов общества и государства, поскольку органы прокуратуры являются единственным органом, осуществляющим на территории Российской Федерации надзор за исполнением законодательства» [9, с. 356]. Однако, как справедливо отмечает Л. А. Танделова, «недостаточная законодательная регламентация прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта „Экология“ обуславливает наличие проблем в рамках реализации таких полномочий органами

¹ Вывод денег и срыв нацпроектов. В СК допросили главу района и Ладю Мокроусову // Взгляд-инфо. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2024/10/28/vyvod-deneg-i-sryv-nacproektov-v-sk-doprosili-glavy-rayona-i-lady-mokroysovy.html> (дата обращения: 01.01.2026).

² По требованию прокуратуры Чеченской Республики устранены нарушения законов, допущенные при реализации национального проекта // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=59146848> (дата обращения 20.06.2025).

³ Путин поручил ФСБ продолжать борьбу с коррупцией в оборонзаказе и нацпроектах // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-poruchil-fsb-prodolzhat-borbu-s-korrupciyev-oboronzakaze-i-nacproektakh.html> (дата обращения: 28.01.2026).

⁴ Роман Бусаргин признал факт срыва нацпроекта в Саратове // Взгляд-инфо. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2024/01/05/roman-bysargin-priznal-fakt-sryva-nacproekta-v-saratove.html> (дата обращения: 02.06.2025).

прокуратуры РФ» [10, с. 182]. Поскольку показатели национальных проектов не имеют силы нормативных правовых актов, прокурорское реагирование возможно лишь при формальных нарушениях законодательства, но не при простом отставании от плановых значений [11, с. 180].

3. Региональная специфика коррупционных проявлений. Анализ регионального опыта позволяет выявить различные модели коррупционного поведения в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта Федерации.

В Чеченской Республике, где на реализацию национальных проектов в 2019–2024 гг. было направлено 154 млрд руб., прокурорские проверки выявили преимущественно организационные нарушения: несвоевременность платежей подрядчикам, нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, недостатки в функционировании автоматизированных систем контроля. По результатам прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности были привлечены три должностных лица¹.

В Ростовской области основные проблемы связаны с качеством выполнения работ: доля зданий первичного звена медицинских организаций, требующих капитального ремонта, составила 3,3 % при целевом показателе не более 3,1 %². Это указывает на необходимость совершенствования системы контроля качества закупаемого оборудования и проводимых работ.

В Саратовской области выявлены наиболее тяжкие коррупционные преступления: помимо упомянутого хищения 35 млн руб. при реконструкции поликлиники, имел место срыв реализации целого национального проекта «Жилье и городская среда». Показательно, что пострадавшая сторона вынуждена была обращаться напрямую к руководству СК РФ и Генеральной прокуратуры из-за неэффективности региональных надзорных органов³.

Обсуждение. Выявленные проблемы требуют комплексного теоретического осмысления и выработки системных правовых решений. В науке высказываются различные подходы к правовой природе национальных проектов. Д. А. Винник и В. П. Авдеева рассматривают их как инструмент реализации конституционных гарантий [12, с. 244]. С. М. Шахрай связывает национальные проекты с принципом социального государства [13, с. 343].

Представляется, что указанные подходы не исключают друг друга. Национальные проекты следует рассматривать как комплексный институт, объединяющий элементы конституционного, бюджетного и административного права. Их конституционно-правовая сущность заключается в том, что они выступают организационной формой исполнения обязательств социального государства перед гражданами.

Углубленный анализ данной проблемы требует обращения к управленческой природе коррупции. Как справедливо отмечают И. А. Мингес и В. В. Попов, коррупция представляет собой не просто посягательство на бюджетную систему, а угрозу государственному суверенитету через утрату государством изначальной цели своего существования [14, с. 180]. Авторы подчеркивают, что коррупция в своем изначальном смысле (от *cor* – сердце, душа и *ruptum* – портить, разрушать) означает именно разрушение целостности государства, когда оно утрачивает способность обеспечивать выживание и развитие народа без потери национально-культурной идентичности [15, с. 35].

Из данного понимания вытекает принципиальный вывод: коррупция в сфере национальных проектов представляет собой не просто посягательство на бюджетную систему, но и препятствование реализации конституционных прав граждан. Это обосновывает необходимость специальных правовых механизмов противодействия, учитывающих конституционно-правовой характер охраняемых отношений [16].

Первоочередной задачей является принятие федерального закона «О национальных проектах в Российской Федерации». Данный акт должен законодательно закрепить понятийный аппарат, систему управления, механизмы финансирования, мониторинга и контроля, а также специальные составы ответственности. Отсутствие такого закона создает правовую неопределенность и снижает эффективность прокурорского надзора.

Дискуссионным остается вопрос о правовых последствиях недостижения целевых показателей национальных проектов. Представляется, что механическое введение ответственности за любое отклонение от плановых значений неоправданно по следующим основаниям. Во-первых, на реализацию националь-

¹ В ЧР реализованы нацпроекты на 154 миллиарда 1 миллион рублей с 2019–2024 гг. // ЧГТПК «Грозный». URL: <https://grozny.tv/index.php/news/nationalprojects/66974> (дата обращения: 14.01.2026).

² Об итогах реализации национальных проектов на территории Ростовской области за 2019–2024 годы и задачах по реализации новых национальных проектов на 2025–2030 годы в сферах здравоохранения, социальной поддержки и занятости населения // Правительство Ростовской области: офиц. портал. URL: <https://www.donland.ru/report-speech/395/> (дата обращения: 30.01.2026).

³ Халатность и давление чиновников. Мать двоих детей просит защиты у главы СК и генпрокурора // Взгляд-инфо. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2023/12/22/halatnost-i-davlenie-chinovnikov-mat-dvoih-detey-prosit-zaschity-y-glavy-sk-i-genprokyrora.html> (дата обращения: 06.01.2026).

ных проектов влияют объективные факторы: изменение объемов финансирования, санкционные ограничения, форс-мажорные обстоятельства. Привлечение к ответственности без учета этих обстоятельств противоречило бы принципу вины. Во-вторых, целевые показатели национальных проектов не имеют нормативно-правового характера, что исключает возможность прокурорского реагирования на их недостижение в отсутствие специального законодательного регулирования.

В связи с этим целесообразно разграничить правовые режимы ответственности. Административная ответственность может применяться за процессуальные нарушения: несвоевременное представление отчетности, непредставление достоверной информации в системы мониторинга, невыполнение предписаний контролирующих органов. Уголовная ответственность должна наступать за нецелевое использование и хищение бюджетных средств. Дисциплинарная ответственность руководителей может применяться за недостижение целевых показателей при отсутствии объективных препятствий и при доказанности причинной связи между бездействием должностного лица и неисполнением обязательств.

Значимость профилактических мер в противодействии коррупции при реализации национальных проектов подчеркивается исследователями. И. Ю. Мурашкин справедливо отмечает, что «причинами нарушений, допущенных в ходе реализации национальных проектов, в первую очередь, являются коррупционный мотив их совершения и недостаточная профилактическая работа на этом участке деятельности» [17, с. 206]. Действительно, согласно п. 6 ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹ одним из основных принципов противодействия данному негативному социальному явлению признано приоритетное применение мер по его предупреждению. Однако правоприменительная практика демонстрирует смещение акцента на репрессивные меры в ущерб превентивным [18, с. 370].

Необходимо развитие институтов превентивного контроля. К их числу относятся: обязательная антикоррупционная экспертиза документации о закупках, использование риск-ориентированного подхода при планировании проверок, внедрение автоматизированных систем мониторинга расходования бюджетных средств, обеспечение прозрачности информации о реализации проектов для институтов гражданского общества [19, с. 157].

Особую озабоченность вызывает сфера государственных закупок как основного механизма финансирования мероприятий национальных проектов. Г. А. Дятлов, ссылаясь на исследование НИУ ВШЭ, указывает: «Анализ ответов от российских компаний, участвующих в государственных тендерах, показал, что значительная доля контрагентов (71 %) столкнулась с коррупционными проявлениями при конкурентной деятельности» [20, с. 38]. По оценкам специалистов, объем коррупционных транзакций в системе госзакупок достигает приблизительно 6,6 трлн руб., что составляет 6,2 % от ВВП России. Такие масштабы явления свидетельствуют о необходимости радикального реформирования не только законодательства, но и всей институциональной системы контроля за расходованием бюджетных средств.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Коррупция в сфере реализации национальных проектов носит системный характер и проявляется как в форме прямых хищений бюджетных средств (по данным Генпрокуратуры РФ – свыше 3 млрд руб. за полугодие), так и организационных нарушений, создающих предпосылки для злоупотреблений.

2. Основными коррупционными рисками являются: непрозрачность процедур государственных закупок, отсутствие эффективного контроля за целевым использованием средств, правовая неопределенность статуса национальных проектов, недостаточность полномочий прокуратуры по надзору за достижением целевых показателей.

3. Существующее антикоррупционное законодательство не учитывает специфику национальных проектов как формы реализации конституционных обязательств государства, что требует разработки специальных правовых механизмов противодействия коррупции в данной сфере.

Для решения выявленных проблем предлагается комплекс мер, сгруппированных по направлениям:

Законодательные меры:

– принятие федерального закона «О национальных проектах в Российской Федерации», определяющего правовой статус национальных проектов, систему управления, механизмы финансирования и контроля;

– дополнение КоАП РФ статьей об административной ответственности за процессуальные нарушения при реализации национальных проектов (несвоевременное представление отчетности, непредставление достоверной информации в системы мониторинга);

¹ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273–ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

– внесение изменений в УК РФ, предусматривающих квалифицированные составы за нецелевое расходование бюджетных средств и хищения применительно к национальным проектам с учетом конституционно-правового характера охраняемых отношений.

Институциональные меры:

- расширение полномочий органов прокуратуры по надзору за реализацией национальных проектов с законодательным закреплением специальных оснований и форм реагирования;
- создание межведомственных координационных структур, обеспечивающих взаимодействие контрольных, надзорных и правоохранительных органов;
- усиление роли общественного контроля через институты гражданского общества.

Реализация предложенных мер позволит не только снизить коррупционные риски, но и повысить эффективность национальных проектов как ключевого инструмента выполнения конституционных обязательств социального государства перед гражданами.

Список источников

1. Национальные проекты в социально-экономическом развитии России / Э. В. Эрдниева, Б. Э. Эвиева, С. В. Намысов [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2021. № 2 (127). С. 142–145.
2. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2023. 240 с.
3. Мухачева А. В. Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10, № 1 (35). С. 132–146.
4. Кузнецова А. А. Национальные проекты как инструмент реализации стратегических целей страны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 70–72.
5. Власенко Н. А. Проблемы правовой определенности в контексте современных конституционных реформ // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–9.
6. Мамяшева Д. Р. Понятие и признаки актов стратегического планирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 4. С. 78–107.
7. Евстафьева Ю. В. Противоречия нормативного регулирования стратегического планирования в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 106. С. 141–154.
8. Попов Е. В., Челак И. П., Семен В. В. Трансакционное конфигурирование реализации национальных проектов // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 12. С. 1516–1524.
9. Андропова О. И. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции при реализации национальных проектов // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 5. С. 356–363.
10. Танделова Л. А. Организация и осуществление прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Экология» // Молодой ученый. 2023. № 37 (484). С. 182–184.
11. Власенко Н. А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 175–182.
12. Винник Д. А., Авдеева В. П. Конституционные основы реализации приоритетных национальных проектов // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2. С. 244–250.
13. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. Москва: Статут, 2017. 624 с.
14. Попов В. В., Мингес И. А. Типы правового регулирования: ошибки интерпретации различий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 177–185.
15. Попов В. В., Мингес И. А. Противодействие коррупции: поиск научно-методологической основы в контексте государствоведения (начало) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 21 (49). С. 32–38.
16. Галимуллин М. Ш., Хабаров В. И. Проблемы реализации национальных проектов в условиях санкций // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 9. С. 29–40.
17. Мурашкин И. Ю. Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере реализации национальных проектов // Прокурорская и следственная практика. 2024. № 3-4. С. 205–207.
18. Собгайда Е. А. Проблемы формирования оценки эффективности национальных проектов на федеральном и региональном уровнях // Наукосфера. 2022. № 8-1. С. 369–372.

19. Использование возможностей документальных и экспертных исследований при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, выделенных на реализацию национальных проектов / А. В. Горбачева, Л. Т. Бакулина, Е. В. Гридина, А. Ю. Макарова // Право и практика. 2024. № 2. С. 153–159.

20. Дятлов Г. А. Антикоррупционные меры в сфере государственных закупок и национальных проектов // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2025. № 2. С. 36–41.

References

1. Natsional'nye proekty v sotsial'no–ekonomicheskom razvitii Rossii / E. V. Erdnieva, B. E. Evieva, S. V. Namysov [dr.] // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2021. № 2 (127). S. 142–145.
2. Tikhomirov Yu. A. Pravo: prognozy i riski: monografiya. Moscva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2023. 240 s.
3. Mukhacheva A. V. Realizatsiya natsional'nykh proektov v sotsial'noi sfere v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki i defitsita resursov // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2025. T. 10. № 1 (35). S. 132–146.
4. Kuznetsova A. A. Natsional'nye proekty kak instrument realizatsii strategicheskikh tseley strany // *Gumanitarnye, sotsial'no–ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2022. № 7. S. 70–72.
5. Vlasenko N. A. Problemy pravovoi opredelennosti v kontekste sovremennykh konstitutsionnykh reform // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2018. № 12. S. 5–9.
6. Mamyasheva D. R. Ponyatie i priznaki aktov strategicheskogo planirovaniya // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*. 2023. T. 18, № 4. S. 78–107.
7. Evstaf'eva Yu. V. Protivorechiya normativnogo regulirovaniya strategicheskogo planirovaniya v sovremennoi Rossii // *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*. 2024. № 106. S. 141–154.
8. Popov E. V., Chelak I. P., Semen V. V. Transaktsionnoe konfigurirovanie realizatsii natsional'nykh proektov // *Ekonomika i upravlenie*. 2025. T. 31, № 12. S. 1516–1524.
9. Andropova O. I. Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii pri realizatsii natsional'nykh proektov // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2023. T. 18, № 5. S. 356–363.
10. Tandelova L. A. Organizatsiya i osushchestvlenie prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva pri realizatsii natsional'nogo proekta «Ekologiya» // *Molodoi uchenyi*. 2023. № 37 (484). S. 182–184.
11. Vlasenko N. A. Krizisnye tendentsii v zakonotvorchestve sovremennoi Rossii // *Yuridicheskaya tekhnika*. 2015. № 9. S. 175–182.
12. Vinnik D. A., Avdeeva V. P. Konstitutsionnye osnovy realizatsii prioritnykh natsional'nykh proektov // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Pravo. 2010. № 2. S. 244–250.
13. Shakhrai S. M. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata i magistratury. 4-e izd., izm. i dop. Moscva: Statut, 2017. 624 s.
14. Popov V. V., Minges I. A. Tipy pravovogo regulirovaniya: oshibki interpretatsii razlichii // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2020. № 2 (54). S. 177–185.
15. Popov V. V., Minges I. A. Protivodeistvie korruptsii: poisk nauchno-metodologicheskoi osnovy v kontekste gosudarstvovedeniya (nachalo) // *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*. 2021. № 21 (49). S. 32–38.
16. Galimullin M. Sh., Khabarov V. I. Problemy realizatsii natsional'nykh proektov v usloviyakh sanktsii // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2024. № 9. S. 29–40.
17. Murashkin I. Yu. Aktual'nye voprosy protivodeistviya korruptsii v sfere realizatsii natsional'nykh proektov // *Prokurorskaya i sledstvennaya praktika*. 2024. № 3–4. S. 205–207.
18. Sobgaida E. A. Problemy formirovaniya otsenki effektivnosti natsional'nykh proektov na federal'nom i regional'nom urovnyakh // *Naukosfera*. 2022. № 8-1. S. 369–372.
19. Ispol'zovanie vozmozhnostei dokumental'nykh i ekspertnykh issledovaniy pri vyyavlenii i raskrytii prestuplenii, svyazannykh s khishcheniem byudzhetykh denezhnykh sredstv, vydelennykh na realizatsiyu natsional'nykh proektov / A. V. Gorbacheva, L. T. Bakulina, E. V. Gridina, A. Yu. Makarova // *Pravo i praktika*. 2024. № 2. S. 153–159.
20. Dyatlov G. A. Antikorruptsionnye mery v sfere gosudarstvennykh zakupok i natsional'nykh proektov // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I. D. Putilina*. 2025. № 2. S. 36–41.

Муртазаев Хамзат Магомедович,

аспирант 3-го курса специальности
«Публично–правовые (государственно-правовые) науки»
факультета магистратуры и аспирантуры
Поволжского института управления
им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС;
hamzat.murtazaev@yandex.ru

Научный руководитель

Велиева Джамила Сейфаддиновна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС,
доктор юридических наук

Murtazaev Khamzat Magomedovich,

Postgraduate student of the 3rd year, Specialty 'Public Law (State Legal) Sciences', Faculty of Master's and Postgraduate Studies of the Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of RANEPА;
hamzat.murtazaev@yandex.ru

Scientific supervisor

Velieva Dzhamilya Seyfaddinovna,

Head of the Department of Constitutional and International Law
of the Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin –
a Branch of RANEPА, Doctor of Sciences (Jurisprudence)

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 28.01.2026; approved after peer reviewing 13.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 340.1

**СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

Надежда Борисовна Хлыстова

Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецкая Народная Республика, Россия,
afina_law@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена системно-структурному анализу как методу научного исследования; отмечается целесообразность его применения при изучении сложноорганизованных правовых явлений. С использованием указанного метода автор доказывает, что правовая политика по предупреждению правонарушений среди молодежи является самостоятельной системой, поскольку содержит в себе все признаки системы; указываются и анализируются системные связи и системообразующий признак в виде публично-правового интереса государства в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, реализуемый через комплексное воздействие на ключевые институты социализации в целях формирования у молодежи устойчивой просоциальной и правопослушной идентичности.

Ключевые слова: системно-структурный анализ, молодежные организации, обеспечение правопорядка и общественной безопасности, профилактика правонарушений, противоправное поведение, правовая политика по предупреждению правонарушений, правовая политика, правовая система

Для цитирования: Хлыстова Н. Б. Системно-структурный анализ как методологическая основа исследования правовой политики по предупреждению правонарушений среди молодежи // Труды правовых инициатив. 2026. № 1. С. 55–61.

**SYSTEM AND STRUCTURAL ANALYSIS
AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR RESEARCHING LEGAL POLICY
TO PREVENT OFFENSES AMONG YOUNG PEOPLE**

Nadezhda Borisovna Khlystova

Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Donetsk People's Republic, Russia,
afina_law@mail.ru

Abstract. The article is devoted to system and structural analysis as a method of scientific research, the advisability of its application for studying of elaborate legal phenomena is noted. Using this method, the author proves that the legal policy to prevent offenses among young people is an independent system because it contains all the features of a system. The author specifies and analyzes the systemic connections and the system-forming feature in the form of the state's public legal interest in ensuring law and order and public safety, which is implemented through a comprehensive impact on key institutions of socialization in order to form a stable pro-social and law-abiding identity among young people.

Keywords: system and structural analysis, youth organizations, ensuring law and order and public safety, prevention of offenses, youth crime, criminological potential, deviant behavior, youth criminological policy, legal policy, legal system

For citation: Khlystova N. B. System and Structural Analysis as a Methodological Basis for Researching Legal Policy to Prevent Offenses Among Young People. Journal of Legal Initiatives, 55–61, 2026. (In Russ.).

Введение. Актуальность научного исследования правовой политики в сфере предупреждения девиантного поведения молодежи обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов социального, правового и криминологического характера, что влечет необходимость теоретического осмысления новых форм правового воздействия государства на общественные отношения.

Несмотря на позитивную динамику статистических показателей, сохраняется устойчивая потребность в эффективном противодействии как преступности среди детей и молодежи, так и их девиантному поведению в целом.

Традиционные, преимущественно силовые и карательные меры, сосредоточенные в рамках правоохранительной системы, демонстрируют ограниченную эффективность в долгосрочной перспективе, не устраняя глубинные социальные причины девиантного поведения, поэтому в современной теории правовой политики все большее значение приобретает анализ не только охранительных, но и профилактических функций права.

В связи с этим государство предпринимает определенные меры, направленные на интеграцию профилактического потенциала непрофильных социальных институтов, закрепляя в нормативных правовых актах (Стратегия реализации молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее – Стратегия молодежной политики), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²) расширенный круг субъектов, ответственных за профилактику.

В этот круг наряду с комиссиями по делам несовершеннолетних и органами внутренних дел включаются органы по делам молодежи и, что особенно важно, государственные молодежные общественные объединения (Российское движение детей и молодежи «Движение первых», «Юнармия»). Таким образом, формируется новая, более широкая институциональная модель профилактики, требующая самостоятельного научного осмысления.

Кроме того, об актуальности настоящего исследования свидетельствует то, что категория «правовая политика по предупреждению девиантного поведения молодежи» не имеет целостного отражения в отечественной правовой доктрине.

Анализ показывает, что в научном обороте устоялись такие понятия, как «криминологическая политика», «уголовная политика», «политика предупреждения преступности», «молодежная политика» [1, с. 102; 2, с. 50; 3, с. 38; 4, с. 471; 5, с. 103; 6, с. 258].

Однако их сочетание в едином термине, обозначающем специфическое направление государственной деятельности на стыке теории права, виктимологии, криминологии, административного права, педагогики и социальной работы, требует теоретического обоснования и легитимации.

Методы. Методологической основой представленного исследования выступает системно-структурный анализ, представляющий собой специальный научный метод познания, сущность которого заключается в последовательном изучении сложного объекта путем применения декомпозиции (расчленения целого на юридически значимые элементы – подсистемы, субъекты, институты), структурирования (выявления устойчивых, в том числе нормативно закрепленных, связей и отношений между этими элементами), а также анализа и синтеза (понимания интегративных свойств системы, возникающих именно из взаимодействия ее частей, а не из их простой суммы) [7, с. 9, 16].

Применение данного метода при изучении правовой политики по предупреждению девиантного поведения молодежи обусловлено наличием таких возможностей познания, как:

– выявление полного нормативного правового обеспечения состава системы. Анализ позволяет не ограничиваться базовым Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³ (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ), а установить всю совокупность нормативных правовых актов, формирующих правовое поле молодежной криминологической политики: от стратегических документов до ведомственных инструкций, уставов молодежных организаций и региональных программ;

– четкое определение круга субъектов анализируемой политики, их правового статуса, целей деятельности (закрепленных в уставах, положениях) и демонстрация пересечений и разрывов в их компетенциях, что позволяет оценить полноту охвата проблемного поля и дублирование функций;

– диагностика качества правовых связей. На наш взгляд, системно-структурный анализ переводит рассуждения о «важности взаимодействия» в плоскость анализа конкретных процессуальных форм, в которые это взаимодействие облечено: виды заключенных соглашений (о сотрудничестве, об информационном обмене), регламенты заседаний комиссии по делам несовершеннолетних, порядок направления мате-

¹ Стратегия реализации молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

риалов и т. п. Это позволяет оценить, носят ли связи формально-декларативный или реально рабочий характер;

– локализация системных дисфункций и правовых коллизий. Метод помогает обнаружить не внешние, а внутренние, системные причины неэффективности. Например, выявить коллизию, когда цели Стратегии молодежной политики (развитие) требуют одних форм работы, а ведомственные коэффициенты эффективности для подведомственных организаций, основанные на логике контроля, поощряют другие. Системно-структурный анализ может показать, где в системе возникают «узкие места», блокирующие прохождение управленческих решений или информации.

Результаты. В результате исследования установлено, что системно-структурный анализ представляется наиболее целесообразным методом в силу ряда обстоятельств. Так, правовая политика по предупреждению девиантного поведения молодежи по своей правовой природе является сложноорганизованной системой публичного управления.

Ее изучение методами, направленными на анализ единичных норм (догматический метод) или изолированных социальных практик (социологический опрос), неизбежно дает фрагментарную картину, поэтому системно-структурный анализ позволяет исследовать ее системное качество (взаимозависимость стратегий, норм, институтов и практик).

Кроме того, молодежная криминологическая политика реализуется множеством разнородных субъектов (МВД, Минпросвещения, Росмолодежь, общественные организации), ведомственные отчеты и исследования часто рассматривают лишь свой сегмент, поэтому применение системно-структурного анализа как «метаметода» позволит создать общую карту, куда вписываются данные всех ведомств, и проанализировать интерфейсы между ними, определить, носят ли они характер кооперации или конфликта.

Считаем, что применение системно-структурного анализа позволит выводам по реализации изучаемой политики придать практико-ориентированный характер, выявить конкретные дефекты в структуре связей (например, отсутствие регламентированного канала обратной связи от молодежных организаций к комиссии по делам несовершеннолетних).

Такой подход позволит формулировать рекомендации не в формальном духе «усилить работу», а с конкретным предложением «разработать и законодательно закрепить типовой регламент информационного взаимодействия между X и Y по вопросам A и B», что соответствует, на наш взгляд, повышению эффективности функционирования звеньев одной системы и в целом существования самой системы.

Обсуждение. Системно-структурный анализ как строгий методологический подход имеет глубокие междисциплинарные корни. Его философско-методологические основы были заложены в рамках общей теории систем (Л. фон Берталанфи) и структурно-функционального подхода в социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон) [8, с. 34].

В отечественную научную традицию, в том числе в социально-гуманитарные науки, данный подход был активно интегрирован во второй половине XX в.

В отношении исследования государственно-правовых явлений существенный вклад в его разработку и применение внесли такие ученые, как В. Н. Кудрявцев и В. В. Лапаева, которые последовательно обосновывали необходимость рассмотрения права и правовой политики как сложных систем, где именно связи между элементами определяют свойства целого [9, 10].

Настоящее исследование опирается на эту научную традицию, адаптируя классический аппарат системно-структурного анализа к специфике нового объекта – правовой политики по предупреждению девиантного поведения молодежи.

Системный подход в силу возможностей решаемых им задач получил распространение, уточнение и дополнение в работах известных ученых [11, с. 27–28; 12, с. 15–16; 13, с. 224].

Так, например, Луковская Д. И. указывает, что «...системный подход в методологии познания продолжает структурный подход, который делает акцент на составляющих систему элементах, обеспечивающих во взаимосвязи друг с другом структуру системы. Элемент системы – это ее относительно самостоятельно функционирующая часть, определенным образом связанная с другими частями системы (принцип системной декомпозиции).

Изучение структуры системы предполагает выявление особенностей ее строения, природы ее свойств. Но главное не то, какие именно в результате научного анализа выделены элементы конкретной системы, а взаимосвязи (отношения) между этими элементами. Свойства системы как целостности определяются главным образом свойствами ее структуры, особыми системообразующими (интегративными) связями между элементами» [14, с. 10].

Иванцов С. В. справедливо говорит о системности как объективном свойстве всех сложных объектов, с которыми приходится иметь дело в реальной действительности.

Именно поэтому, по его мнению, которое нами разделяется, «...системный подход предполагает необходимый уровень функциональной безопасности социальных систем. Он может применяться при решении социально-экономических, социально-политических, инженерно-технологических, криминальных и других задач, предполагающих изучение или создание системных объектов высокой сложности, а также управление ими» [15, с. 127].

Капустина М. А., изучая системный подход применительно к правовому регулированию, отмечает, что «...актуальность системного подхода к правовому регулированию проистекает из его важного, с гносеологической точки зрения, методологического значения в современной юридической теории. <...> Системный подход выступает методологической основой интегративной юриспруденции, в рамках которой может быть сформирована логически последовательная и целостностная концепция правового регулирования общественных отношений в рамках единого правового пространства» [16, с. 5].

Согласимся с позицией ученого, справедливо указывающего на то, что широкое распространение в юриспруденции терминов «система» и «структура» основано на механистическом подходе к понятию системы и ее структуре, характерном для классической научной рациональности и соответствующего ей правопонимания, что вместе с тем приводит к упрощению ее понимания [16, с. 6].

Молодежная политика в Российской Федерации представляет собой самостоятельное направление деятельности публичной власти, основы которого установлены Стратегией молодежной политики.

С правовой точки зрения, это комплекс взаимосвязанных публично-правовых мер (организационных, финансовых, социальных), направленных на создание условий для реализации конституционных прав и свобод молодых граждан, их воспитания и развития.

В условиях действия Стратегии национальной безопасности Российской Федерации профилактика преступности относится к приоритетам государства, что налагает на молодежную политику выраженный криминологический аспект. Отметим, что ее криминологический потенциал заключается в предусмотренной законом возможности использовать механизмы социализации, досуговой занятости и гражданско-патриотического воспитания в целях нейтрализации причин и условий, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними.

Этот потенциал носит превентивный (предупредительный) характер и реализуется через правовые формы деятельности уполномоченных органов и организаций. Таким образом, когда фокус правового регулирования смещается на специальное предупреждение (профилактику) девиантного поведения с использованием всего арсенала средств молодежной политики, мы можем говорить о формировании правовой политики по предупреждению девиантного поведения молодежи как особой правовой системы в рамках более широкой государственной политики предупреждения преступности, что, как нам представляется, отвечает всем критериям системы правового характера.

Нормативную целостность правовой политики обеспечивает не один, а система нормативных правовых актов, образующих ее правовую основу: Федеральный закон № 120-ФЗ (с изм. от 23.07.2025), соответствующие разделы стратегий национальной безопасности и молодежной политики, иные федеральные и региональные акты.

Несмотря на отсутствие формального закрепления понятия «правовая политика по предупреждению девиантного поведения молодежи», ее структура прослеживается через закрепление законодателем круга субъектов. К ним относятся не только традиционные субъекты профилактики (КДН, ПДН, органы опеки), но и, в силу их особой роли, государственные молодежные организации («Движение первых», «Юнармия»), органы по делам молодежи, образовательные организации.

Признаком системы является наличие внутренних системообразующих связей и наличие системообразующего фактора, на основе которого и строится вся система.

Применительно к анализируемой политике считаем целесообразным выделить следующее.

Связь имеет функциональный характер и реализуется между субъектами достаточно формализованно через определенные способы взаимодействия (соглашения о сотрудничестве, например, между региональным штабом молодежной организации и УМВД региона; регламенты межведомственного взаимодействия, утверждаемые КДН; планы совместных мероприятий; процедуры обмена информацией в установленных законом рамках).

Системообразующим фактором, который является связующим звеном между элементами всей системы рассматриваемой политики, выступает, по нашему мнению, публично-правовой интерес государства в обеспечении правопорядка и общественной безопасности, реализуемый через комплексное воздейст-

вие на ключевые институты социализации в целях формирования у молодежи устойчивой просоциальной и правопослушной идентичности.

Этот интерес опосредован через принцип приоритета профилактики (превенции) перед применением мер принуждения. Именно данный интерес, возведенный в ранг конституционно значимой цели (защита прав и законных интересов несовершеннолетних, обеспечение безопасности), детерминирует необходимость создания целостной, структурно оформленной и функционально связанной системы мер, выходящих за рамки исключительно правоохранительной деятельности. Поэтому правовая политика по предупреждению девиантного поведения молодежи не находится на уровне ведомственной инициативы, а законодательно оформлена на федеральном уровне.

К основным юридически значимым признакам системы, выявленным посредством использования системно-структурного анализа, необходимо отнести:

– нормативную целостность. Система существует как единый объект правового регулирования или управления. Ее статус и границы определяются законом (например, «система профилактики безнадзорности» по Федеральному закону № 120-ФЗ);

– структурную определенность. Законодатель прямо или косвенно закрепляет состав системы, перечень ее субъектов, органов, институтов. Структура следует логике разграничения компетенций (например, различие субъектов профилактики);

– функциональную взаимосвязь элементов. Связи между элементами носят не абстрактный, а конкретный процессуально-процедурный характер: отношения подчинения, координации, информационного обмена, оформленные соглашениями, регламентами, инструкциями (например, порядок направления материалов в КДН);

– целевую детерминированность. Система создается и функционирует для достижения конкретных юридически значимых целей, закрепленных в нормативном правовом акте (стратегии, концепции, программе). Ее эффективность оценивается через степень достижения этих целей;

– иерархичность и соподчиненность. Система встроена в более широкий правовой порядок (например, отрасль государственного управления, связанная с профилактикой преступлений в общем) и сама состоит из подсистем, что отражается в распределении полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями.

Заключение. Системно-структурный анализ представляет собой не просто один из возможных методов, а методологическую основу, без применения которой комплексное, объективное и практически значимое исследование правовой политики по предупреждению девиантного поведения молодежи как целостного правового и управленческого феномена представляется методологически неполноценным. Он обеспечивает системный взгляд, дефицит которого является коренной причиной многих неудач в реализации данной политики на практике.

Список источников

1. Кунц Е. В. Направления криминологической политики в сфере противодействия преступности // Вестник ЧелГУ. 2012. № 27 (281). С. 99–101.
2. Демидова-Петрова Е. В. О содержании криминологической политики борьбы с преступностью несовершеннолетних // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 47–51.
3. Долгополов А. А., Белоконов А. В. О соотношении уголовной политики и уголовного права // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3 (34). С. 37–41.
4. Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 470–478.
5. Крайнова Н. А. Некоторые тенденции современной отечественной государственной политики в сфере предупреждения преступности // Правоприменение. 2024. № 2. С. 102–111.
6. Ахматшина Г. Р. О связи общественной молодежной политики и государственной молодежной политики в деятельности молодежных организаций // СГН. 2019. № 1 (3). С. 257–262.
7. Силич М. П., Силич В. А. Основы теории систем и системного анализа: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2013. 340 с.
8. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. С. 34–35.
9. Криминология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 2-е изд. перераб. и доп. Москва, 2000. 510 с.
10. Лапаева В. В. Социология права. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2018. 335 с.

11. Вицин С. Е. Системный подход и преступность: учеб. пособие. Москва: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. 140 с.
12. Волошина Л. А. О системном подходе к изучению сущности преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. Москва, 1972. С. 11–23.
13. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 547 с.
14. Луковская Д. И., Капустина М. А. Системный подход в теории права // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: монография / отв. ред. А. А. Дорская. Санкт-Петербург: Астерион, 2012. 483 с.
15. Иванцов С. В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 11. С. 125–128.
16. Капустина М. А. Правовое регулирование: системный подход: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 519 с.

References

1. Kunts E. V. Napravleniya kriminologicheskoy politiki v sfere protivodeystviya prestupnosti // Vestnik ChelGU. 2012. № 27 (281). S. 99–101.
2. Demidova-Petrova E. V. O sodержanii kriminologicheskoy politiki bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnikh // Monitoring pravoprimereniya. 2016. № 4 (21). S. 47–51.
3. Dolgoplov A. A., Belokon' A. V. O sootnoshenii ugovolnoy politiki i ugovolnogo prava // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 3 (34). S. 37–41.
4. Rarog A. I. Ugolovnaya politika i ugovolno-pravovye ambitsii // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. 2016. № 3. S. 470–478.
5. Kraynova N. A. Nekotorye tendentsii sovremennoy otechestvennoy gosudarstvennoy politiki v sfere preduprezhdeniya prestupnosti // Pravoprimerenie. 2024. № 2. S. 102–111.
6. Akhmatshina G. R. O svyazi obshchestvennoy molodezhnoy politiki i gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v deyatel'nosti molodezhnykh organizatsiy // SGN. 2019. № 1 (3). S. 257–262.
7. Silich M. P., Silich V. A. Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza: ucheb. posobie. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistem upravleniya i radioelektroniki, 2013. 340 s.
8. Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem – obzor problem i rezul'tatov // Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. S. 34–35.
9. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. V. N. Kudryavtseva i V. E. Eminova. 2-e izd. pererab. i dop. Moskva, 2000. 510 s.
10. Lapaeva V. V. Sotsiologiya prava. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma: Infra-M, 2018. 335 s.
11. Vitsin S. E. Sistemnyy podkhod i prestupnost': ucheb. posobie. Moskva: Izd-vo Akademii MVD SSSR, 1980. 140 s.
12. Voloshina L. A. O sistemnom podkhode k izucheniyu sushchnosti prestupnosti // Voprosy bor'by s prestupnost'yu. Vyp. 15. Moskva, 1972. S. 11–23.
13. Kartashov V. N. Teoriya pravovoy sistemy obshchestva: ucheb. posobie. V 2 t. T. 1. Yaroslavl': YarGU, 2005. 547 s.
14. Lukovskaya D. I., Kapustina M. A. Sistemnyy podkhod v teorii prava // Nauka teorii i istorii gosudarstva i prava v poiskakh novykh metodologicheskikh resheniy: monografiya / отв. ред. А. А. Дорская. Санкт-Петербург: Asterion, 2012. 483 s.
15. Ivantsov S. V. Teoreticheskie predposylki razvitiya sistemnogo podkhoda v kriminologicheskikh issledovaniyakh prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. №11. S. 125–128.
16. Kapustina M. A. Pravovoe regulirovanie: sistemnyy podkhod: dis. ... d-ra yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2017. 519 s.

Хлыстова Надежда Борисовна,

начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
afina_law@mail.ru

Khlystova Nadezhda Borisovna,

Head of the Department of Criminal Legal Disciplines
and Criminalistics of the Donetsk Branch of
the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
afina_law@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after peer reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 340.1:004

**ОБЪЕКТИВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Григорий Сергеевич Попов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
grig.popov2015@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются объективно-исторический процесс зарождения предпосылок цифровизации системы современного российского права и его последующая динамика. Подчеркивается важная роль современного законодательства в урегулировании возникающих проблем, связанных с функционированием электронной сферы. Отмечается необходимость своевременного реагирования органов власти на быстрые изменения общественных запросов, включая разработку эффективных юридических механизмов, гарантирующих защиту прав граждан и организаций в цифровой среде. Проанализированы позитивные примеры использования цифровых сервисов как в отраслях российского права, так и в судебной практике. Обращено внимание на преимущества перехода к электронным документам и дистанционным процедурам взаимодействия граждан с государством. Автором выявлены острые социальные и экономические проблемы по несоблюдению определенными субъектами российского законодательства. Отмечены три основных направления, подчеркивающих, что цифровизация права демонстрирует не только свою возможность, но и неизбежность.

Ключевые слова: автоматизация, система права, цифровизация, цифровые правоотношения, искусственный интеллект, тенденции цифровизации, предпосылки цифровизации, система законодательства, цифровые законы, машиноориентированное право

Для цитирования: Попов Г. С. Объективно-исторические предпосылки формирования цифровой системы права в Российской Федерации (теоретический анализ) // Тракта́т правовых инициатив. 2026. № 1 (1). С. 62–68.

**OBJECTIVE HISTORICAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION
OF A DIGITAL LEGAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION
(THEORETICAL ANALYSIS)**

Grigory Sergeevich Popov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
grig.popov2015@yandex.ru

Abstract. In this article the author examines the objective historical process of the emergence of preconditions for the digitalization of the modern Russian legal system and its subsequent dynamics. The author emphasizes the important role of modern legislation in resolving emerging issues related to the functioning of the electronic sphere. It is noted the necessity for government agencies to promptly respond to rapidly changing public demands, including the development of effective legal mechanisms guaranteeing the protection of the citizens' rights and organizations in the digital environment. Positive examples of digital services using in both branches of Russian law and judicial practice are analyzed. Attention is drawn to the advantages of the transition to electronic documents and remote procedures for citizen interaction with the state. The author identifies acute social and economic problems related to non-compliance with Russian legislation by certain entities. Three main trends are noted, emphasizing that the digitalization of law is demonstrating not only its possibility but also its inevitability.

Keywords: automation, legal system, digitalization, digital legal relations, artificial intelligence, digitalization trends, digitalization preconditions, legislative system, digital laws, machine-oriented law

For citation: Popov G. S. Objective Historical Preconditions for the Formation of a Digital Legal System in the Russian Federation (Theoretical Analysis). Journal of Legal Initiatives, 62–68, 2026. (In Russ.).

Введение. В любую историческую эпоху государство функционирует в довольно сложных и постоянно изменяющихся условиях [1, с. 19]. В период цифровизации объективная действительность также претерпевает серьезные изменения, вызванные в первую очередь интеграцией в правоотношения, а также в политико-правовые решения цифровых сервисов. Несмотря на повышенный интерес к механизмам цифровизации, А. А. Редько, В. А. Рудковский и В. А. Поляков убеждены, что «в современном мире сегодня в теоретико-правовом пространстве нет единого мнения о природе и содержании указанного процесса» [2, с. 346]. Наука развивается по экспоненте, создавая новые условия и вызовы для теории права и процессов правотворчества. Современные научные открытия и технологические инновации требуют своевременного реагирования законодателя и теоретиков права на общественный запрос, связанный с необходимостью эффективного взаимодействия граждан и организаций в цифровой среде. Устанавливается правовой механизм, обеспечивающий реализацию прав субъектов правоотношений путем предоставления соответствующих электронных сервисов. В условиях информационного общества, как отмечает А. И. Николаев, «государство тоже становится информационным» [3, с. 11]. Важнейшей вехой такого направления можно считать появление аутентичного, национального мессенджера Мах, благодаря которому Российская Федерация добилась полного цифрового суверенитета. Об этом в своей речи заявил Президент России Владимир Путин в ходе прямой линии, совмещенной с пресс-конференцией¹. Мессенджер Мах – прорывная и современная технология, позволяющая оплатить штрафы в сервисе «Госуслуги», идентифицировать человека и его возраст по цифровому ID, воспользоваться электронной подписью в личном кабинете налогоплательщика, предоставить паспорт, СНИЛС, ИНН, ОМС. Появление платформы Мах подчеркивает стремление государства обеспечить высокий уровень кибербезопасности и защиту персональных данных, а также повысить доверие граждан к государственным сервисам.

В этой связи приходится констатировать появление объективно-исторических реперных точек или предпосылок формирования цифровой системы права.

Методы. При производстве исследования использованы следующие методы:

– метод систематизации и обобщения информации был реализован при анализе библиографических источников;

– сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть исторический процесс зарождения изначальных предпосылок цифровой системы современного российского права, а также специфику ее влияния на нормативно-правовое регулирование общественных отношений.

Результаты. Современное общество находится на ступени совершенно нового этапа цифрового развития. Исторически формирование правовой системы было неразрывно связано с уровнем общественного сознания и состоянием производственных сил. Нормы права формировались в виде обычаев и традиций, а с появлением письменности возникли кодифицированные системы, такие как римское право.

В XIX и XX вв. с развитием индустриализации и глобализации правовые системы интегрируются, и в начале XX в. в целях упрощения человеческого труда создаются первые «примитивные» вычислительные устройства, а уже в конце 1990-х гг. XX в. в России появляются первые персональные компьютеры, обеспечивается доступ к сети Интернет, что свидетельствует о технологическом прогрессе. В этот период в Российском государстве начинается развитие цифрового сектора, требующего правового регулирования. Одновременно принимаются законы, регулирующие отношения в цифровой сфере, например, Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации»², который становится фундаментом для развития будущего цифрового права. Инновационные достижения позволили создать фундаментальные элементы цифровой экосистемы: мобильные приложения, интернет-пространство, системы электронного документооборота. В Российской Федерации при регулировании общественных отношений в информационной сфере, отличающейся изменчивостью и динамичностью, законодательство играет ключевую роль. Появляются и быстро развиваются новые формы взаимодействия и коммуникации, при этом значительное количество ограничительных нормативных правовых актов негативно сказывается на эффективности правового регулирования, препятствуя оптимальному развитию информационной сферы.

По мнению ряда авторов, «правовые регуляторы должны быть в достаточной мере гибкими и оперативно реагировать на изменения, связанные с информационно-коммуникационными технологиями» [4, с. 203]. Речь идет об уже реализованном процессе правового регулирования в рамках автоматизации, который непосредственно связан со многими отраслями российского права. Чтобы успеть за дина-

¹ Россия добилась цифрового суверенитета. URL: <https://ria.ru/20251219/putin-2063309695.html> (дата обращения: 30.01.2026).

² Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (утратил силу) // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

мичным развитием современной правовой сферы, как отмечает И. В. Войтов, «правовые регуляторы должны быть очень гибкими» [5, с. 40]. Так, например, в административном производстве уже существуют наказания, накладываемые на нарушителей скоростного режима через письменные уведомления о наложении штрафов портала «Госуслуги», что становится привычным явлением для владельцев транспортных средств.

В сфере гражданского производства при разрешении споров также осуществляется рассылка уведомлений о нарушении условий гражданско-правовых отношений между участниками. В области коммунальных платежей требования, которые направляются плательщику об уплате счета, все чаще приходят не в письменной форме, а путем автоматического формирования в программе электронного банкинга заготовки платежа. Выражение согласия гражданина осуществляется путем совершения им активного волеизъявляющего действия, заключающегося в активации интерактивного элемента интерфейса (виртуальной кнопки), визуализированного на дисплее используемого мобильного устройства. Новые информационные технологии охватывают и службу судебных приставов. В рамках ведомственной программы цифровой трансформации на 2025–2027 гг. служба ведет работу по созданию сервиса «Единый цифровой профиль (личное досье) должника», который обеспечит проактивную актуализацию сведений о должнике и его имуществе в исполнительном производстве. Об этом в своей речи заявил главный судебный пристав Российской Федерации.

По мнению А. А. Рыжовой, «на настоящий момент необходимо сказать о том, что развитие и внедрение цифровых технологий недостаточно урегулированы на законодательном уровне и требуют более тщательного изучения со стороны юридического сообщества» [6, с. 82]. Историческая действительность во многом опережает теорию права, что является следствием незаконного обогащения определенных групп людей, например, онлайн-магазины, казино, которые работают вне правового поля и не осуществляют уплату налогов, создавая серьезные проблемы для экономики государства. Маркетплейсы нарушают принципы честной конкуренции, поскольку традиционные розничные продавцы вынуждены соблюдать законодательство и облагаться налогами. Это ведет к появлению теневой экономики, когда колоссальная доля прибыли уходит вне государственных бюджетов, лишая страну важных финансовых поступлений, необходимых для финансирования социальной сферы, включая образование и оборону государства. Другим ярким примером становится деятельность блогеров, которые размещают рекламные посты в сети Интернет и получают незадекларированные доходы от деятельности. Такой личностью является Елена Блиновская, которая стала известной благодаря своему проекту «Марафон желаний» и различным психологическим тренингам. Одновременно с этим Блиновская уклонилась в период с 2019 по 2021 г. от уплаты налогов на сумму более 900 млн руб., при этом часть средств в размере 716 млн руб. была легализована. Альтернативный пример – деятельность Ольги Бузовой. По данным Forbes, стоимость одного рекламного поста блогерши в социальной сети Instagram¹ достигает 1 млн руб. О. Бузова осуществляет рекламную деятельность путем размещения коммерческого контента (примерно 144 раза в течение календарного года, извлекая доход в сумме 144 млн руб.). Исходя из указанного объема прибыли, неоплачиваемый налог на доходы физических лиц, рассчитываемый по установленной ставке в 13 %, ориентировочно составляет 18 млн руб. Для сравнения – кадастровая стоимость земель детских дошкольных учреждений в г. Камышине Волгоградской области – 8 млн руб.²

Данная ситуация подчеркивает актуальность проблемы процессов цифровизации правоотношений различных отраслей права. С учетом этого правовое регулирование в Российской Федерации, по мнению А. П. Кочеткова и К. В. Маслова, «должно осуществляться в рамках новой правовой реальности – цифровой правовой среды» [7, с. 31].

Обзор научного дискурса позволяет выделить три основных направления:

- человекоориентированное – одно из первых направлений такого процесса, обеспечивающего работу с большими объемами правовой информации. Данное положение позволяет систематизировать существующее законодательство, обеспечивать оперативный доступ к нормативным правовым актам и повышению эффективности поиска норм правового характера посредством информационно-справочных систем;

- машиноориентированное право направлено исключительно на существующие технические сервисы, именуемые искусственным интеллектом. Это направление обладает существенно меньшими ретроспективными элементами, однако характеризуется динамичным развитием. С 2020 г. в России процесс модернизации нейронных сервисов приобрел особый масштаб. В свою очередь, право для машин – это

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

² Публичная кадастровая карта: Волгоградская область. URL: <https://ik10map.ros cadastres.com/map/volgogradskaya-oblast> (дата обращения: 28.01.2026).

программирование, реализуемое в различных проектах на сегодняшний день. В октябре 2019 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин в целях обеспечения роста благосостояния и качества жизни населения, национальной безопасности и правопорядка, а также для достижения устойчивого развития образования и экономики утвердил Указ о национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г.¹ Однако начало активного этапа реализации программы пришлось именно на период 2020 г., и это не случайно. Россия в 2020 г. переживала эпоху COVID-19, и в условиях колоссальной нагрузки на органы здравоохранения нейросетевые сервисы пришли на помощь. Такая система могла анализировать огромный поток компьютерной томографии данных сразу из нескольких больших клиник региона. По сути, научный эксперимент за несколько месяцев превратился в реальную медицинскую практику, однако машинный разум мог только «ассистировать» врачу, но не заменял его. В этот период такие технические сервисы нашли свое применение не только в медицине, но и во всех сферах жизнедеятельности общества. Это объясняется ускоренным переходом на удаленное цифровое взаимодействие. В доктринальном смысле считается, что делегирование автоматизированным сервисам права самостоятельно принимать юридически значимые решения является несвоевременным, хотя соответствующие технологические разработки уже созданы. На сегодняшний день имеется объективный количественно измеримый показатель, представляющий собой вероятность точного предсказания исхода судебного решения. В автоматизированный сервис загружаются обстоятельства реального дела, существующая нормативная правовая база, и на выходе субъект получает предсказание исхода, которое в будущем сверяется на предмет совпадения с реальным судебным решением, вынесенным председательствующим. Как отмечает А. П. Казун, «качество и последующее использование машинного сервиса будут зависеть от количества успешных прогнозов» [8, с. 107]. Аналогичной точки зрения придерживаются О. А. Степанов и Д. А. Басангов, которые убеждены, что «внедрение технологий искусственного интеллекта в судопроизводство призвано не только повлиять на увеличение доверия граждан к судебной системе в целом, но и просчитать возможные риски и определить степень вероятности успешного исхода по конкретному делу» [9, с. 231]. Такую возможность, в частности, представляет использование российской программы с элементами искусственного интеллекта CaseBook, которая способна прогнозировать вероятность исхода судебного процесса и его продолжительность²;

– симбиотическое – третье направление процесса цифровизации, определяемое регулированием сферы взаимоотношений субъекта и нейросетевых сервисов в едином правовом пространстве.

Исторически следует выделить четыре этапа проникновения цифровых технологий в правовую сферу.

Первый этап – формализация, является методом исследования определенного круга объектов посредством представления их содержательной стороны и структурной организации в формализованной знаковой форме. Согласно В. В. Трофимову формализация представляет собой процесс, когда нечто содержательное изображается, выражается, репрезентируется (представляется, включается в сознание) посредством определенной системы искусственных знаков, символов с установлением некоторых правил обращения с ними; в праве это главным образом словесно-текстуальная форма выражения, получающая закрепление в нормативных актах, иных официальных документальных источниках права [10, с. 40]. При применении метода формализации могут использоваться как символы, под которыми подразумеваются условные знаки, визуальные элементы, предназначенные для краткого и четкого представления основных идей, понятий или процессов, так и специальные искусственные языки, под которыми понимаются специализированные знаковые системы, созданные специально для решения конкретных научных или технических задач, что дает возможность представить информацию в сжатой, точной и удобной для анализа форме. Особое внимание нужно обратить на то, что метод формализации может сделать исследуемый объект более понятным и доступным для анализа за счет деления его структурных элементов на отдельные знаковые формы, например модели или схемы, что позволяет в последующем детально рассмотреть и изучить каждый элемент такой формы независимо от внутреннего содержания объекта.

Второй этап – датификация, представляет собой перевод информации, полученной из различных источников, в цифровой код, пригодный для дальнейшей автоматической обработки вычислительными устройствами. Этап состоит из последовательно выполняемых элементов: сбор информации, оцифровка, структурирование данных, кодировка, проверка качества информации.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).

² Юриспруденция и искусственный интеллект: наступает эпоха беспрецедентных вызовов // Клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/> (дата обращения: 30.02.2026).

Третий этап – алгоритмизация познавательных процессов как совокупность приемов и способов последовательного выполнения определенных действий, реализованных на языках программирования. С точки зрения Н. Ф. Порываевой, под алгоритмизацией права понимается «преобразование права путем конвергенции и интеграции права с помощью алгоритмического его представления, результатом чего является алгоритмическое (машиночитаемое) право» [11, с. 68]. В целом утверждение Н. Ф. Порываевой лучше понимать по-другому. Речь идет не о создании алгоритмизированного права, а о построении машиноориентированной формы права, причем под формой понимается знаковое выражение права. Данный этап приобретает значимость в условиях активного развития как информационно-коммуникационных технологий, так и процессов цифровизации. Особенностью алгоритмов является то, что они требуют абсолютной точности и ясности формулировок, исключающих любую двусмысленность. Следовательно, нормы права, которые планируется преобразить в машиночитаемые, должны изначально соответствовать данным требованиям – быть предельно четкими и однозначными; именно такие нормы, обладающие необходимыми свойствами, в первую очередь подвергаются алгоритмизации.

Автоматизация – завершающий этап создания машиночитаемой формы права, по итогам которого осуществляется перевод текстов правовых норм, необходимых для выполнения целей автоматизированного правоприменения в определенных ситуациях, в машиночитаемую форму. Важными направлениями данного этапа являются: автоматизация правотворчества, позволяющая использовать компьютерные системы при разработке и принятии нормативных актов; автоматизация правоприменения, включающая в себя внедрение технологий, таких как электронное судопроизводство, система электронного документооборота, сервис электронной почты, информационная система обработки данных МВД России, а также программы для мониторинга исполнения наказаний, в деятельность государственных органов, применяющих право; автоматизация оказания юридической помощи, заключающейся в использовании онлайн-сервисов. Кроме того, примером автоматизации может служить сервис «карманный полицейский», получивший распространение в области правопорядка и личной безопасности граждан. Данный термин подразумевает применение инновационных решений, интегрированных в мобильное устройство, способное учитывать юридические аспекты происходящих событий, определять их законность и предлагать возможные меры реагирования. Приложение предоставляет возможность быстро связываться с правоохранительными органами, записывать видео или аудио в случае происшествий, что может служить в последующем доказательствами. «Карманный полицейский» предусматривает и GPS-отслеживание. Такая функция позволяет делиться своим местонахождением с близкими или службами безопасности. Другим примером является программа «Исполком», которая была разработана Министерством юстиции Российской Федерации и предназначена для автоматизации содействия исполнения судебных решений и организационно-технической поддержки Федеральной службы судебных приставов. «Исполком» объединяет базу данных исполнительных производств ФССП с базами данных банков, налоговых органов, пенсионных фондов и других учреждений, участвующих в исполнении судебных решений, что позволяет оперативно получать необходимую информацию и контролировать ход исполнения решений.

Заключение. Таким образом, объективно-исторические предпосылки формирования цифровой системы права – неотъемлемые и значимые элементы, которые показывают исторически сложный процесс становления современной цифровой среды в Российской Федерации. В настоящее время, как считает ряд авторов, «наблюдается социальная потребность в комплексном подходе к правовому регулированию относительно новой отрасли – цифрового права» [12, с. 130]. Интеграция цифровых сервисов в политику и правовую сферу диктует необходимость своевременного реагирования законодателя на запросы общества, направленные на организацию эффективного взаимодействия граждан и организаций в цифровой среде. М. А Рожкова утверждает, что «цифровое право – это соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество» [13]. Цифровизация существенно трансформировала российскую правовую систему. Цифровые сервисы и технологии постепенно меняют традиционный подход к формированию и реализации правовых норм, создавая новую реальность. Появление комплекса правовых сервисов отражает стратегию государства по достижению цифрового суверенитета и повышению уровня кибербезопасности. Ввиду этого, по мнению Е. В. Соломонова, «сфера правотворчества может осуществляться путем разработки и утверждения различных программ» [14, с. 129]. Однако на сегодняшний день сохраняются риски возникновения коллизий и несоответствия традиционного права и новых цифровых методов, что подчеркивает необходимость дальнейших научных исследований в области цифровой системы права. Поэтому можно утверждать, что цифровизация права демонстрирует не только свою возможность, но и неизбежность.

Список источников

1. Пожарский Д. В., Радько Т. Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 17–24.
2. Редько А. А., Рудковский В. А., Поляков В. А. Принцип законности в цифровой парадигме // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2025. № 2 (50). С. 344–352.
3. Николаев А. И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 1. С. 10–14.
4. Цифровизация права: направления и этапы становления / А. Н. Леонтьев, Е. Ю. Леонтьева, И. Г. Селезнева, А. С. Сухова // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 202–204.
5. Войтов И. В. Проблемы информационного права // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4 (11). С. 38–54.
6. Рыжова А. А. Цифровое государство: понятие и его правовое значение // Наука. Общество. Государство. 2025. № 4 (52). С. 80–90.
7. Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45.
8. Казун А. П. Может ли искусственный интеллект прогнозировать решения суда? Систематический обзор международных исследований // Мониторинг. 2024. № 5 (183). С. 100–122.
9. Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 229–237.
10. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. 50 с.
11. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права и принципы права // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 67-69.
12. Никиташина Н. А., Карамашев С. Б., Аксютин Ю. М. Предпосылки и риски развития цифрового права в контексте цифровой культуры // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3 (41). С. 122–131.
13. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 3–12.
14. Соломонов Е. В. Развитие права в условиях цифровизации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 1. С. 128–130.

References

1. Pozharskij D. V., Rad'ko T. N. Funktsii gosudarstva: predely tsifrovyykh tekhnologij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 2 (62). S. 17–24.
2. Red'ko A. A., Rudkovskij V. A., Polyakov V. A. Printsip zakonnosti v tsifrovoj paradigme // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2025. № 2 (50). S. 344–352.
3. Nikolaev A. I. Prava cheloveka v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2017. № 1. S. 10–14.
4. Tsifrovizatsiya prava: napravleniya i etapy stanovleniya / A. N. Leont'ev, E. Yu. Leont'eva, I. G. Selezneva, A. S. Sukhova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 1 (205). S. 202–204.
5. Vojtov I. V. Problemy informatsionnogo prava // Ural'skij zhurnal pravovykh issledovaniy. 2020. № 4 (11). S. 38–54.
6. Ryzhova A. A. Tsifrovoe gosudarstvo: ponyatie i ego pravovoe znachenie // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2025. № 4 (52). S. 80–90.
7. Kochetkov A. P., Maslov K. V. Tsifrovoj suverenitet kak osnova natsional'noj bezopasnosti Rossii v global'nom tsifrovom obshchestve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki. 2022. № 2. S. 31–45.
8. Kazun A. P. Mozhet li iskusstvennyj intellekt prognozirovat' resheniya suda? Sistemicheskij obzor mezhdunarodnykh issledovaniy // Monitoring. 2024. № 5 (183). S. 100–122.
9. Stepanov O. A., Basangov D. A. O perspektivakh vliyaniya iskusstvennogo intellekta na sudoproizvodstvo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 475. S. 229–237.
10. Trofimov V. V. Pravoobrazovanie v sovremennom obshchestve: Teoretiko-metodologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2011. 50 s.
11. Poryvaeva N. F. Algoritmizatsiya prava i printsipy prava // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2021. № 4 (93). S. 67–69.

12. Nikitashina N. A., Karamashev S. B., Aksyutin Yu. M. Predposylki i riski razvitiya tsifrovogo prava v kontekste tsifrovoj kul'tury // Vestnik KhGU im. N. F. Katanova. 2022. № 3 (41). S. 122–131.

13. Rozhkova M. A. Yavlyaetsya li tsifrovoe pravo otrasl'yu prava i ozhidat' li poyavleniya tsifrovogo kodeksa? // Khozyajstvo i pravo. 2020. № 4 (519). S. 3–12.

14. Solomonov E. V. Razvitie prava v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2025. T. 22, № 1. S. 128–130.

Попов Григорий Сергеевич,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
grig.popov2015@yandex.ru

Popov Grigory Sergeevich,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
grig.popov2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 31.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after peer reviewing 31.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 342.31

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА
ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ
КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕСУРСА УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Виктория Александровна Блинкова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
vblinkova2408@icloud.com

Аннотация. Исследование посвящено теоретико-правовому анализу понятия цифрового суверенитета как стратегического ресурса укрепления национальной безопасности в Российской Федерации. Отмечается отсутствие однозначного понимания сущности и содержания цифрового суверенитета как в доктринальном, так и законодательном смыслах, что создает трудности в формировании эффективных правовых механизмов его обеспечения. Рассматриваются основные подходы ученых к формированию и реализации правотворческих механизмов цифрового суверенитета, направленных на защиту информационных ресурсов и суверенитета в цифровой сфере. Особое внимание уделяется иностранным цифровым платформам и инструментам защиты отечественных информационных сетей от негативного внешнего воздействия. Предлагается рассмотреть практику внедрения специализированных государственных услуг и платформ, таких как цифровой ID и портал «Госуслуги», в качестве основополагающих направлений к обеспечению цифрового суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет, цифровой суверенитет, информационная безопасность, механизм, глобальная цифровизация, цифровые технологии, национальная безопасность

Для цитирования: Блинкова В. А. Формирование механизма цифрового суверенитета России как стратегического ресурса укрепления национальной безопасности (теоретико-правовой анализ) // Труды правовых инициатив. 2026. № 1 (1). С. 69–75.

**FORMATION OF DIGITAL SUVEREIGNTY MECHANISM IN RUSSIA
AS A STRATEGIC RESOURCE
FOR STRENGTHENING NATIONAL SECURITY
(THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

Victoria Aleksandrovna Blinkova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
vblinkova2408@icloud.com

Abstract. The study is devoted to the theoretical and legal analysis of the digital sovereignty concept as a strategic resource for strengthening national security in the Russian Federation. It is noted that there is no clear understanding of the essence and content of digital sovereignty, both in the doctrinal and legislative senses, which creates difficulties in developing effective legal mechanisms for ensuring digital sovereignty. The main approaches of scientists to the formation and implementation of legal mechanisms for digital sovereignty aimed at protecting information resources and sovereignty in the digital sphere are considered. Special attention is given to foreign digital platforms and tools for protecting domestic information networks from negative external influence. It is proposed to consider the practice of implementing specialized public services and platforms, such as digital ID and the Gosuslugi portal, as fundamental approaches to ensuring digital sovereignty.

Keywords. Sovereignty, digital sovereignty, information security, mechanism, global digitalization, digital technologies, national security

For citation: Blinkova V. A. Formation of Digital Sovereignty Mechanism in Russia as a Strategic Resource for Strengthening National Security (Theoretical and Legal Analysis). Journal of Legal Initiatives, 69–75, 2026. (In Russ.).

Введение. В условиях глобальной цифровизации и активного развития цифровых технологий во всех сферах общественной жизни в научный дискурс вошло понятие «цифровой суверенитет». Его возникновение обусловлено объективной необходимостью переосмысления новых форм реализации государственного суверенитета в цифровой среде, характеризующейся трансграничным характером данных, появлением глобальных цифровых платформ и высокой степенью технологической зависимости государств друг от друга. Обретение и укрепление цифрового суверенитета – одна из важнейших функций государства в цифровую эпоху¹. М. М. Кучерявый убежден, что «цифровой суверенитет есть верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [1, с. 12]. Однако в настоящее время отсутствует общепринятое определение данного понятия.

Методы. При производстве исследования были использованы следующие методы:

- структурно-функциональный метод, позволяющий детально рассмотреть формирование и реализацию механизмов цифрового суверенитета как систему взаимосвязанных элементов и определить назначение каждого из них;
- системный метод позволил рассмотреть цифровой суверенитет как целостную, многоуровневую и динамическую систему, состоящую из взаимосвязанных подсистем;
- сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть различные подходы к определению «цифровой суверенитет».

Результаты. Развитие цифровых технологий и формирование цифрового пространства привели к возникновению совершенно новых общественных отношений, которые выходят за государственные границы. В научных изысканиях указывается, что цифровая среда существенно ослабляет традиционные механизмы территориального контроля, что требует адаптации функций суверенного государства к новым информационным условиям.

В отечественной правовой доктрине идея цифрового суверенитета зародилась в начале 2000-х гг. Обусловлено это появлением новой концепции суверенитета данных, направленной на установление информационного контроля над персональными данными как физических, так и юридических лиц, находящихся на территории Российской Федерации. По мнению ряда ученых, «цифровой суверенитет рассматривается как возможность государства контролировать свои цифровые данные, информацию, а также обеспечивать безопасность и защиту цифровых технологий и инфраструктуры» [2, с. 4]. Думается, что это понятие не ограничивается лишь техническими параметрами цифровых технологий, а включает в себя широкий спектр политических, экономических и социальных аспектов.

Признаки цифрового суверенитета государства обусловлены наличием автономных, высокопроизводительных и конкурентоспособных программных решений, позволяющих эффективно выполнять разнообразные задачи, включая создание национальных операционных систем, инструментов обработки больших объемов данных, систем мониторинга, анализа и прогнозирования, а также разработку технических сервисов в сфере искусственного интеллекта. В указанном контексте особую важность приобретают технологический потенциал государства и степень его независимости от зарубежных поставщиков высокотехнологичной продукции.

В свою очередь, следует разграничивать термины «цифровой» и «информационный» суверенитет. А. В. Россошанский убежден, что «информационный суверенитет – это способность и намерение субъекта политики производить и распределять информацию в зависимости от собственных интересов и использовать информацию как ресурс политического влияния в масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам» [3, с. 185], тогда как А. А. Ефремов считает, что «цифровой суверенитет определяется через самостоятельную способность создавать, хранить, распространять и потреблять информацию» [4, с. 58].

Несмотря на то что в настоящее время термин «цифровой суверенитет» широко употребляется в научном сообществе, его законодательное закрепление до сих пор отсутствует, что обусловлено сложностью его интеграции в нормативно-правовую систему государства. Развитие цифрового суверенитета посредством создания новых механизмов его регулирования является стратегически важной задачей, способствующей укреплению национальной безопасности государства. Правовое регулирование отдельных видов цифровых правоотношений в российской сети Интернет осуществляется специализированным государственным органом – Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных тех-

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 29.01.2026).

нологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Как отмечает Н. А. Троян, «в современных реалиях не всегда данное явление проявляет устойчивость перед новыми вызовами» [5, с. 170]. Это подтверждается неудавшейся попыткой, предпринятой в 2018 г. Роскомнадзором, который стремился запретить доступ к мессенджеру Telegram вследствие отказа владельцев ресурса предоставить уполномоченным органам ключи криптографического доступа к сообщениям пользователей. Итогом стало мгновенное ограничение доступа российских граждан примерно к 18 млн IP-адресов, что негативно сказалось на работе других интернет-сервисов и подтолкнуло значительную часть пользователей к применению VPN и прокси-серверов для обхода блокировки.

Из-за начавшейся информационной войны западных политических кругов в цифровом пространстве против России, стартовавшей сразу после начала специальной военной операции, российское государство было вынуждено принять меры по ограничению доступа к ряду зарубежных онлайн-платформ, включая Instagram, WhatsApp и Facebook (признаны экстремистскими организациями, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена). Эти ресурсы систематически игнорировали как внутренние правила функционирования собственных платформ, так и действующее законодательство нашей страны. Несмотря на то, что технически каждый пользователь способен обойти подобные ограничения посредством специальных инструментов, определенный положительный результат от действий государства наблюдался: за первый год после введения блокировок объем трафика из России на указанные ресурсы сократился многократно. Тем не менее это лишь малая часть масштабных задач и серьезных проблем, стоящих перед страной в сфере защиты своего цифрового суверенитета, ввиду отсутствия законодательно установленной правовой конструкции.

Как отмечает А. С. Агафонов, «цифровой суверенитет – это правовой институт, т. е. система норм права, регулирующих обособленные общественные отношения, связанные с обеспечением самостоятельности реализации публичных государственных функций в области создания и применения наукоемких информационных технологий, критически важных для обеспечения независимости и конкурентоспособности» [6, с. 15]. Важное место занимают правовые механизмы, которые включают в себя нормативно-правовое регулирование. Формирование цифрового суверенитета в Российской Федерации осуществляется преимущественно посредством издания правотворческих актов, закрепляющих основы государственной политики в цифровой сфере и определяющих правовые механизмы защиты национальных интересов. Именно нормативно-правовое регулирование выступает ключевым инструментом институционализации цифрового суверенитета, придавая ему системный характер. Важно подчеркнуть, что право является основным средством выражения суверенной воли государства, в том числе в цифровой среде, поскольку именно через правовые нормы государство устанавливает пределы допустимого поведения субъектов цифровых отношений и механизмы контроля над ними. В этой связи правотворческая деятельность государства приобретает особую значимость. Базовые положения, отражающие элементы цифрового суверенитета, закреплены в стратегических документах Российской Федерации.

Так, согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ цифровая сфера воспринимается в качестве ключевого фактора укрепления национальной безопасности, а обеспечение защиты информационных и технологических ресурсов определяется в качестве стратегического приоритета государства.

Другим значимым документом, способствующим формированию цифрового суверенитета, является Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»², в которой прямо указывается на необходимость обеспечения технологической независимости, устойчивости национальной информационной инфраструктуры и защиты цифрового пространства от внешнего воздействия. В данном документе не употребляется термин «цифровой суверенитет», однако соответствующие положения, закрепленные в Доктрине, отражают процесс обеспечения государственно-правового регулирования в информационной сфере. Документ предполагает, что информационная безопасность – это состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечивается реализация первостепенных конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойное качество жизни, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 29.01.2026).

² Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 29.01.2026).

и безопасность государства. Под цифровым суверенитетом можно понимать компонент общенациональной безопасности, направленный на обеспечение независимости и устойчивости функционирования информационно-инфраструктуры, защиты стратегических ресурсов и информационных прав субъектов.

Не менее значимым нормативным правовым актом является Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹, направленный на обеспечение устойчивости и защищенности значимых объектов цифровой инфраструктуры, что рассматривается в научной литературе как необходимое условие сохранения управляемости государства в цифровой сфере.

Правовой контроль над данными выступает одним из ключевых инструментов защиты цифрового суверенитета государства. В этой связи значимость приобретает Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»², целью которого является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных. Последние в условиях цифровизации приобретают значение стратегического ресурса, влияющего в том числе на национальную безопасность Российской Федерации. А. П. Кочетков и К. В. Маслов подчеркивают, что «цифровизация, с одной стороны, предполагает новые возможности для социального, экономического развития, а с другой стороны, представляет собой вызов для национальной безопасности» [7, с. 35].

В условиях глобализации цифрового пространства и транснационального характера информационных потоков особое значение для обеспечения цифрового суверенитета приобретает правовое регулирование деятельности иностранных цифровых платформ и информационных ресурсов, влияющих на общественные отношения внутри государства. По мнению ряда ученых, «взаимодействие с международными интернет-компаниями строится на основе соблюдения российских нормативных требований, направленных на защиту прав граждан, обеспечение законности и информационной безопасности» [8, с. 7]. Следует обратить особое внимание на то, что важную роль в системе правового регулирования интернет-пространства получила концепция «приземления» иностранных IT-компаний, регулируемая Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на территории Российской Федерации»³. Нормативный правовой акт имеет публично-правовую направленность и ориентирован на преодоление экстерриториального характера деятельности иностранных цифровых платформ. Р. С. Нерсесян уверен, что «федеральный закон является механизмом по формированию цифрового суверенитета в Российской Федерации, который не только обеспечивает контроль над иностранными цифровыми платформами, деятельность которых затрагивает интересы российских пользователей, но и способствует снижению зависимости национального информационного пространства от внешних цифровых и инфраструктур» [9, с. 25], поэтому концепцию «суверенитета данных» можно считать обоснованной и верной. В то же время Е. В. Алферова отмечает, что «фрагментарность нормативного регулирования цифрового суверенитета во многом предопределена отсутствием системности в осмыслении данной категории на научно-доктринальном уровне» [10, с. 184].

Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качества и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны⁴. По мнению А. В. Маилян, «национальная безопасность представляет собой систему различных видов безопасности» [11, с. 65]. К таковым можно отнести и информационную безопасность, являющуюся узловым элементом цифрового суверенитета. В научных трудах подчеркивается, что способность государства управлять информационным пространством и минимизировать угрозы цифрового характера напрямую влияет на эффективность обеспечения национальной безопасности. В этом контексте информационный суверенитет рассматривается как инст-

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42128> (дата обращения: 29.01.2026).

² См.: О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154> (дата обращения: 30.01.2026).

³ О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46991> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 30.01.2026).

румент, который позволяет государству сохранять самостоятельность в управлении информационными процессами, поддерживать устойчивость государственных институтов и предотвращать негативное воздействие внешних и внутренних угроз. Стоит отметить, что укрепление информационного суверенитета выступает не только как условие защиты национальных интересов, но и как необходимый элемент стратегического обеспечения национальной безопасности. Это создает прочную основу для дальнейшего формирования механизмов цифрового суверенитета, которые в современных условиях становятся ключевым инструментом защиты государства в цифровой сфере.

Тем не менее термин «цифровой суверенитет» пока не закреплен в нормативных правовых актах, что создает неопределенность в правоприменении и ограничивает эффективность существующих механизмов. В современных условиях цифровизации, когда информационные и технологические ресурсы приобретают стратегическое значение, необходимо законодательное закрепление данного понятия. Его формирование через систему нормативных правовых актов при условии законодательного закрепления и унификации терминологии позволит государству эффективно противодействовать современным цифровым угрозам, сохранять независимость в управлении информационными процессами. Практические механизмы реализации цифрового суверенитета включают создание государственных цифровых платформ и сервисов, ориентированных на соответствие национальным интересам и стандартам безопасности. Примером может служить многофункциональный сервис обмена информацией, который упростил оформление документов и расширил возможности электронного документооборота для граждан. Ключевым компонентом указанного сервиса выступает цифровой идентификатор (ID), выполняющий функцию электронного документа, удостоверяющего личность. В мобильное приложение встроено средство «Госключ», предназначенное для электронной подписи документов, а также обеспечивающее защищенный обмен информацией среди пользователей, прошедших процедуру идентификации и аутентификации. Создание такой платформы обмена данными – важный шаг к цифровому суверенитету России. По словам Президента РФ В. В. Путина, «информационная независимость невозможна при зависимости от иностранных платформ, которые могут быть отключены в любой момент»¹. Единая система межведомственного электронного взаимодействия и другие государственные цифровые реестры, которые обеспечивают централизованный контроль над критической цифровой информацией, повышают прозрачность и защищают данные граждан. Эти платформы, функционирующие в рамках государственной политики цифровизации, способствуют укреплению управляемости цифровыми процессами и минимизации зависимости от иностранных технологических решений. Е. А. Зевелева и К. А. Кокунов высказывают точку зрения, заключающуюся в том, что «формирование цифрового суверенитета России является стратегической задачей, решение которой позволит обеспечить ее политическую и экономическую безопасность» [12, с. 93].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что формирующийся цифровой суверенитет в Российской Федерации выступает объективно необходимым элементом реализации государственного суверенитета и неотъемлемой составляющей системы национальной безопасности государства. Глобальная цифровизация, трансграничный характер информационных потоков и возрастающая роль цифровых платформ, в том числе иностранных, требуют формирования правовых механизмов регулирования в цифровой среде. На сегодняшний день в Российской Федерации сложилась фрагментарная, но поступательно развивающаяся система нормативно-правового регулирования, направленная на формирование цифрового суверенитета, а стратегические документы и федеральные законы в сфере информационной безопасности фактически формируют институциональную основу данного термина, несмотря на отсутствие его законодательного определения. Указанные правовые акты закрепляют приоритет национальных интересов, технологической независимости и контроля над ключевыми цифровыми ресурсами, что свидетельствует о признании цифровой сферы стратегически значимой для государства. Вместе с тем отсутствие нормативно закреплённого понятия «цифровой суверенитет» и единой концепции его реализации порождает правовую неопределенность и снижает эффективность правоприменительной практики. Существующие меры носят преимущественно реактивный характер и не всегда сопровождаются системным правовым и технологическим обеспечением, что наглядно демонстрируют отдельные примеры регулирования деятельности цифровых платформ и ограничения доступа к зарубежным сервисам.

В условиях нарастания цифровых угроз и усиления внешнего информационного воздействия особую значимость приобретает дальнейшее формирование правовых механизмов цифрового суверенитета,

¹ Путин: у РФ не будет информационной независимости без собственных интернет-платформ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10285417> (дата обращения: 02.02.2026).

включая законодательное закрепление данного понятия и выработку комплексной государственной политики в цифровой сфере. О. В. Романовская убеждена, что «концепция цифрового суверенитета – ответная реакция государства на те угрозы, которые оно ощущает благодаря отчасти неконтролируемому развитию ИКТ» [13, с. 181].

Таким образом, цифровой суверенитет следует рассматривать не как абстрактную доктринальную категорию, а как практико-ориентированный правовой институт, направленный на защиту национальных интересов, обеспечение информационной безопасности и сохранение самостоятельности государства в условиях глобальной цифровой трансформации. В подтверждение следует привести цитату А. К. Дубеня, который считает, что «цифровой суверенитет является возможностью независимого суверенного государства самостоятельно определять степень и способ участия в информационной деятельности при применении цифровых технологий для реализации собственных интересов и противодействия противоправным действиям в национальном информационном пространстве» [14, с. 90]. Обеспечение цифрового суверенитета Российской Федерации является необходимым условием сохранения государством своей конкурентоспособности и укрепления национальной безопасности в современном информационно-технологическом пространстве. Цифровой суверенитет предполагает реализацию комплекса правовых, организационных и технических мероприятий, направленных на предотвращение негативного воздействия извне, защиту национальных информационных ресурсов, минимизацию рисков распространения дезинформации и манипулирования общественным мнением путем формирования эффективной системы контроля над цифровым пространством и обеспечения информационной безопасности граждан.

Российская Федерация, несмотря на отставание в отдельных секторах «высоких технологий», демонстрирует высокий уровень развития в области разработки программного обеспечения и подготовки квалифицированных кадров в сфере информационных технологий. Государственными органами осуществляется поддержка отечественного сектора цифровых технологий, включая предоставление финансовой помощи российским IT-предприятиям, что обеспечивает благоприятные правовые условия для реализации инновационной деятельности, и в этой связи нельзя не согласиться с мнением Д. А. Карева, который считает, что «самым важным в построении цифрового суверенитета является постоянное движение вперед, создание передовых производств и подготовка высококвалифицированных кадров» [15, с. 83].

Список источников

1. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // *Управленческое консультирование*. 2014. № 9 (69). С. 7–14.
2. Авдийский В. И., Иванов А. В., Царегородцев А. В. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы // *Вестник евразийской науки*. 2024. № 3. С. 1–19.
3. Россощанский А. В. Политический и информационный суверенитет в контексте процессов глобализации // *Симбирский научный вестник*. 2011. № 4 (6). С. 154–185.
4. Ефремов А. А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // *Правоведение*. 2019. Т. 63, № 1. С. 47–61.
5. Троян Н. А. Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 6 (234). С. 169–172.
6. Агафонов А. С. Место цифрового суверенитета в системе информационного права // *Электронное приложения к Российскому юридическому журналу*. 2024. № 2. С. 14–18.
7. Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // *Вестник Московского университета. Политические науки*. 2022. № 2. С. 31–45.
8. Романовская Л. Р., Колесов М. С. Феномен цензуры в интернете со стороны глобальных цифровых платформ. Анализ иностранного опыта правового регулирования // *Human Progress*. 2025. Том 11, № 4. С. 1–16.
9. Нерсисян Р. С. Доктрина Когнитивно-технологического суверенитета в цифровую эпоху // *Universum: общественные науки*. 2025. № 11 (126). С. 23–32.
10. Алферова Е. В. Государственный суверенитет в информационном (цифровом) пространстве: доктринальные и законодательные подходы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. 2024. № 2. С. 171–186.
11. Маилян А. В. Национальная безопасность: анализ проблем // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 8 (236). С. 62–65.
12. Зевелева Е. А., Кокунов К. А. Информационный суверенитет России в эпоху цифровых технологий // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2024. №2. 2024. Т. 15, № 2. С. 89–96.

13. Романовская О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. №2. С. 174–183.
14. Дубень А. К. Правовое обеспечение информационной безопасности в системе информационного права в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 239 с.
15. Карев Д. А. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 80–83.

References

1. Kucheryavyj M. M. Gosudarstvennaya politika informacionnogo suvereniteta Rossii v usloviyax sovremennogo global'nogo mira // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2014. № 9 (69). S. 7–14.
2. Avdijskij V. I., Ivanov A. V., Czaregorodcev A. V. Vzaimosvyaz' cifrovogo suvereniteta i cifrovogo prostranstva: novy'e vy'zovy i perspektivy // Vestnik evrazijskoj nauki. 2024. № 3. S. 1–19.
3. Rossoshanskij A. V. Politicheskij i informacionnyj suverenitet v kontekste processov globalizacii // Simbirskij nauchnyj vestnik. 2011. № 4 (6). S. 154–185.
4. Efremov A. A. Gosudarstvennyj suverenitet v usloviyax cifrovoj transformacii // Pravovedenie. 2019. T. 63, № 1. S. 47–61.
5. Troyan N.A. Pravovoe obespechenie cifrovogo suvereniteta Rossii: aktual'ny'e problemy i perspektivny'e napravleniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 6 (234). S. 169–172.
6. Agafonov A. S. Mesto cifrovogo suvereniteta v sisteme informacionnogo prava // E'lektronnoe prilozheniya k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu. 2024. № 2. S. 14–18.
7. Kochetkov A. P., Maslov K. V. Cifrovoj suverenitet kak osnova nacional'noj bezopasnosti Rossii v global'nom cifrovom obshhestve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki. 2022. № 2. S. 31–45.
8. Romanovskaya L. R., Kolesov M. S. Fenomen cenzury v internete so storony global'nyx cifrovyx platform. Analiz inostrannogo opyta pravovogo regulirovaniya // Human Progress. 2025. T. 11, № 4. S. 1–16.
9. Nersesyan R. S. Doktrina Kognitivno-texnologicheskogo suvereniteta v cifrovuyu e'poxu // Universum: obshhestvenny'e nauki. 2025. № 11 (126). S. 23–32.
10. Alferova E. V. Gosudarstvennyj suverenitet v informacionnom (cifrovom) prostranstve: doktrinal'ny'e i zakonodatel'ny'e podxody // Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. 2024. № 2. S. 171–186.
11. Mailyan A. V. Nacional'naya bezopasnost': analiz problem // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 8 (236). S. 62–65.
12. Zeveleva E. A. Kokunov K. A. Informacionnyj suverenitet Rossii v e'poxu cifrovyx texnologij // Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya. 2024. №2. 2024. T. 15, № 2. S. 89–96.
13. Romanovskaya O. V. Pravo, informacionnoe obshchestvo, cifrovoj suverenitet // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo. 2024. T. 24, № 2. S. 174–183.
14. Duben` A. K. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti v sisteme informacionnogo prava v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2023. 239 s.
15. Karev D. A. Cifrovoj suverenitet // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 4. S. 80–83.

Блинкова Виктория Александровна,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России,
Волгоград, Россия;
vblinkova2408@icloud.com

Blinkova Victoria Aleksandrovna,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia;
vblinkova2408@icloud.com

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after peer reviewing 30.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 323.2:342

НАРОД КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Магомед Мурадович Госейнов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
magomedov2002.nn@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию политико-правовой природы и роли народа в политической и правовой системе государства, обусловленному глобальным кризисом национально-территориальной государственности и суверенитета. Рассматривается ключевое значение народа как источника власти и носителя первичного суверенитета, подчеркивается также необходимость легитимации понятия «народ» через его доктринальное и нормативное определение, что должно стать ответом на подмену базовых правовых категорий в условиях международного кризиса. Выделяются различия между категориями «этнос» и «народ», где предлагается четкое разграничение этих понятий в целях повышения ясности законодательства. Показано, что народ представляет собой сложную структуру, основанную на совокупности этносов, организованную в государство и направленную на сохранение культурной идентичности и развитие. Особое внимание уделено проблемам, связанным с двойственностью понимания народа в Конституции РФ, где одновременно утверждается единство народа как источника власти и признается существование множества народов. Предлагается уточнение семантического содержания соответствующих терминов для устранения правовых коллизий и обеспечения согласованности конституционных положений. Проведенный анализ показывает, что категория «народ» в российском законодательстве нуждается в дальнейшей концептуализации, поскольку она сочетает элементы единого целого и множественности составляющих частей. Решение этой проблемы способствует укреплению конституционной основы и обеспечению политического единства российского общества.

Ключевые слова: демос, единство, конституция, лаос, легитимация, народ, нормативизм, учредительная власть, этнос

Для цитирования: Госейнов М. М. Народ как политико-правовая категория // Тракта́т правовых инициатив. 2026. № 1 (1). С. 76–81.

PEOPLE AS A POLITICAL AND LEGAL CATEGORY

Magomed Muradovich Goseynov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
magomedov2002.nn@gmail.com

Abstract. The article is devoted to researching the nature and role of people in the political and legal system of the state, caused by the global crisis of national territorial statehood and sovereignty. The key significance of people as the source of power and bearer of primary sovereignty is considered, and the necessity to legitimize the concept of 'people' through its doctrinal and normative definition is emphasized, which should be a response to the substitution of basic legal categories in the context of the international crisis. The differences between the categories of 'ethnos' and 'people' are highlighted, where a clear distinction is proposed between these concepts in order to increase the clarity of legislation. It is shown that people represent a complex structure based on a set of ethnic groups, organized into a state and aimed at preserving cultural identity and development. Special attention is paid to the problems related to the ambivalence of understanding people in the Constitution of the Russian Federation, which simultaneously asserts the unity of people as a source of power and recognizes the existence of many peoples. It is proposed to clarify the semantic content of the corresponding terms in order to eliminate legal collisions and ensure consistency of constitutional provisions. The analysis shows that the category of 'people' in Russian legislation needs further conceptualization, since it combines elements of a unified whole and multiplicity of constituent parts. Solving this problem contributes to strengthening the constitutional basis and ensuring the unity of Russian society.

Keywords: demos, unity, constitution, laos, legitimation, people, normativism, constituent power, ethnos

For citation: Goseynov M. M. People as a Political and Legal Category. Journal of Legal Initiatives, 76–81, 2026. (In Russ.).

Введение. В связи с глобальными процессами, влекущими упадок национально-территориальной государственности и, как следствие, постепенную деградацию международно-правового принципа государственного суверенитета на рубеже XX–XXI вв., возникает необходимость исследования природы и роли народа в политической и правовой системе. Суверенитет не является качеством, проистекающим из самой природы абстрактного государства, а представляет собой производное от воли народа, делегированной им государственным институтам. Деградация государственного суверенитета на международной арене, выражающаяся в его размывании наднациональными структурами, подмене внешним управлением под давлением глобальных процессов, сигнализирует о том, что воля народа перестает быть определяющим фактором в принятии политических решений. Народ, являясь единственным источником власти и носителем суверенитета в Российской Федерации¹, играет ключевую роль в формировании государственных институтов и определении основ правопорядка.

Необходимость укрепления конституционно-правового статуса народа российского государства обосновывается кризисом международной правовой системы, выражающимся в лоббировании интересов относительно узкого круга стран Западной Европы и Северной Америки. Довольно показательным стало выступление генерального секретаря Организации Объединенных Наций Антонио Гуттериша о праве самоопределения народов Крыма и Донбасса: «Наш юридический департамент внимательно изучил все нюансы, и мы сформировали позицию, согласно которой принцип самоопределения неприменим в ситуации с Крымом и Донбассом. В данном случае преобладает принцип территориальной целостности Украины»². Тезис А. Гуттериша свидетельствует об избирательном подходе при применении норм международного права и подтверждает необходимость укрепления народного суверенитета через разработку правовых норм, закрепляющих приоритет национального законодательства над международным.

Политико-правовая категория «народ», являясь субъектом конституционного права, носителем суверенитета, субъектом отношений политического (народного) представительства, источником власти в системе народовластия и самоуправления, субъектом принятия политических и управленческих решений через институты прямой демократии и местного самоуправления [1], обладает большим исследовательским потенциалом и разнообразием научных подходов, через призму которых рассматривается данная политическая, правовая и этносоциологическая категория.

Методы. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа и синтеза, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты. Поскольку любая политическая и правовая система строится на основе существующих социальных реалий, изначально необходимо раскрыть категорию «народ» с точки зрения этносоциологии и разграничить с таким понятием, как «этнос».

Изучением термина «этнос» как социокультурной категории занимались в разной степени такие выдающиеся ученые, как Л. Н. Гумилев, М. Веббер, М. Хайдеггер, С. М. Широкогоров, Ф. Ницше, Ю. В. Бромлей и др.

Впервые определение термину «этнос» в российской науке, ставшее впоследствии классическим, дал С. М. Широкогоров: «Этнос есть группа людей: говорящих на одном языке; признающих свое единое происхождение; обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традицией, отличающихся от обычаев других групп» [2].

А. Г. Дугин в труде «Этносоциология», рассматривая определение этноса Широкогорова, обращает внимание на обычаи, уклад жизни и традиции, отличающие этносы друг от друга и характеризующие их. В самом определении этноса и этноса заложена идея множественности этносов и множества этносов, нравов, моралей. Поэтому выражение «общечеловеческий этнос» лишено смысла, так как ему нечему противопоставить себя. Общечеловеческого этноса нет. Этнос всегда конкретен [3].

Подобный аспект является ключевым в разграничении на первый взгляд схожих друг с другом терминов «этнос» и «народ». В современном российском законодательстве данные категории, наряду с категорией «нация», имеют крайне схожую семантическую нагрузку, что ведет к неоднозначности нормативных правовых актов, регулирующих наиболее важные и фундаментальные правоотношения, касающиеся как устройства государства, так и организации власти.

Так, в ст. 3 Конституции РФ декларируется, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Эта статья закрепляет ис-

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

² Генсек ООН заявил, что право на самоопределение неприменимо к Крыму и Донбассу // Tass.ru. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26290713> (дата обращения: 07.02.2026).

ключительным источником власти многонациональный народ как единую общность людей, объединенных общей территорией проживания (т. е. территорией Российской Федерации) и имеющих общие цели и интересы, направленные на выживание и развитие без потери культурной идентичности. В данном случае норма права носит объединяющий характер с четко установленной иерархией власти, где ее источником является единый российский народ.

В то же время в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ декларируется следующее: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»¹.

Аналогичным образом тезис множественности народов содержится в ст. 68 Конституции РФ: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»².

Нормы ст. 9, 68 Конституции РФ прямо указывают на идею множественности народов, как и ст. 69, в которой содержится следующая формулировка: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации», что косвенно противоречит ст. 3, утверждающей, что власть принадлежит одному и единственному народу Российской Федерации. В данном случае существует несколько вариантов устранения коллизии:

1) уточнить в ст. 3 Конституции РФ, какой из указанных народов является носителем суверенитета и единственным источником власти, что будет противоречить изначальному декларируемому посылу нормы;

2) разграничить категории «народ» и «этнос» и наполнить категорию «народ» конкретным семантическим содержанием [4, с. 57], а в тех случаях, где термин «народ» приводится в качестве общности людей, проживающих на одной территории, имеющих свой язык, верящих в единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традицией, отличающихся от обычаев других групп, применять термин «этнос» [5].

В работе А. Г. Дугина «Этносоциология» понятия «этнос» и «народ» имеют принципиальное различие и не могут трактоваться как одно и то же. Народ является качественно более сложной структурой, нежели этнос [3, с. 33]. Если обратиться к истории Древней Греции, то можно выявить несколько значений термина «народ»:

– демос – граждане, имеющие права, в отличие от рабов и иностранцев, производное от него – демократия, т. е. власть народа;

– этнос – группа людей с общей культурой, историей и языком;

– лаос – понятие, обозначающее народ в самом обобщенном понимании.

Для описания народа как социологической категории, отличной от этноса, наиболее подходящим термином является «лаос». В это понятие греки закладывали представление о группе людей, объединенных общим участием в военном походе либо просто организованных ради какой-то цели или движущихся куда-то [3, с. 32].

Согласно древнегреческому определению народа «лаос» можно сделать вывод, что народ является более целенаправленной и усложненной структурой, нежели этнос, цель которой – создание такой формы общественной организации, как государство, позволяющей одному народу взаимодействовать с другими [6, с. 141].

В исследовательской работе Н. И. Грачева «Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира» данный процесс представлен следующим образом: «Народ действителен только в отношениях с другими народами, и нация, которая желает актуализовать свои жизненные силы во внешнем мире, должна строить себя как государство. Поэтому изначально суверенитет в своем внешнем выражении равнозначен понятию государства в широком смысле как формы жизни определенного народа, страны, исторического общества, тождествен им» [7, с. 78].

Еще одной особенностью народа является и то, что в его образовании всегда участвуют несколько этносов – два или более [3, с. 33].

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

² Там же.

Например, российское государство на заре своего существования было объединением ряда восточнославянских племен, по мере развития которого и формировался единый народ. Аналогичную параллель можно провести и с народом, создавшим Древний Рим, который строился на основе союза италийских племен, ставших впоследствии основой римского народа.

Таким образом, понятие «народ» имеет ряд особенностей, отличающих его от понятия «этнос». Народ является сложной, базирующейся на совокупности этносов структурой, организованной в государство и преследующей цель – выживание без потери культурной идентичности в худшем случае, а в лучшем – развитие.

Положения Конституции РФ содержат неопределенность в соотношении категорий «народ» и «этнос»: в ряде статей народ отмечается как единая общность, представляющая источник власти, в других статьях подчеркивается множественность народов. Для устранения указанной правовой коллизии предлагается уточнить семантическое содержание категорий, применяя термин «этнос» согласно определению С. М. Широкого там, где речь идет о конкретной социальной группе, обладающей уникальными обычаями и культурными особенностями, и использовать термин «народ» в сочетании с понятием «российский» в положениях, декларирующих общность целей и единство государства.

Понятие народа в политико-правовом смысле

Рассмотрение народа с этносоциологической точки зрения обусловлено необходимостью понять его природу как феномена, возникающего и существующего в плоскости социальных и культурных взаимоотношений, так как именно общественные отношения являются объектом правового регулирования.

Анализируя народ через призму политико-правовых отношений, необходимо опираться на нормативные правовые акты, регулирующие данные отношения. В статье 3 Конституции РФ народ отмечается как единый источник суверенной власти, по сути, он выделяется не как совокупность субъектов права, выраженных в понятиях «человек» и «гражданин», а как самостоятельный и единый субъект правовых отношений, что позволяет рассматривать народ как самостоятельную политико-правовую категорию.

С точки зрения этносоциологии можно привести три интерпретации термина «народ» с древнегреческого языка. Изучая народ с позиции политики и права, целесообразно использовать термин «демос» как совокупность граждан, обладающих политическими правами, тем самым концептуализируя народ как политико-правовую общность.

Данную концепцию народа в своих трудах разрабатывали следующие исследователи: Т. Гоббс, Н. И. Грачев, И. Кант, Г. Кельзен, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, И. В. Сталин, Ю. Хабермас и др.

Рассматривая категорию «народ» с точки зрения политики и права, следует принимать во внимание некоторую абстрактность и мифологизированность данного понятия ввиду того, что народ как историческая форма общества содержит в себе этнос, который, в свою очередь, содержит миф о собственном происхождении и о первопредках. Так, в «Слове о полку Игореве» русичи обозначаются как «даждьбожьи внуки»¹, т. е. внуки Даждьбога – одного из ключевых богов восточнославянской мифологии. Аналогичное мифическое происхождение можно наблюдать у различных этносов и впоследствии народов.

В нормативистском подходе Г. Кельзен в рамках «Чистого учения о праве» проводит радикальную демифологизацию понятия народа и отвергает его метафизическую природу. С точки зрения Кельзена, народ есть не более чем персонификация национального правопорядка [8].

Народ у Кельзена является не причиной создания государства, а его следствием, порождением государства и права. Идентичность человека народу определяется не социальными предпосылками, такими как язык или происхождение, а исключительно его положением в системе норм как субъекта, попадающего под действие определенной национальной конституции. В нормативистском подходе Кельзена народ рассматривается как искусственная юридическая конструкция, являющаяся совокупностью индивидов, подчиненных общей правовой системе.

Однако концепция подхода Кельзена вызывает ряд вопросов, связанных с рассмотрением народа как субъекта конституционного права и как социокультурной общности. Народ у Кельзена, являясь следствием возникновения государства, утрачивает учредительную власть, в результате чего возникает закономерный вопрос о том, кто принимает конституцию в периоды отсутствия государственности, например, во времена революций и глобальных изменений в обществе, связанных с разрушением единства правовых норм. В различные периоды истории российского государства политические, экономические и общественные процессы не раз влекли за собой кризисы государственной власти, выражающиеся

¹ Слово о полку Игореве // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://library.ru/text/1375/p.1/index.html> (дата обращения: 07.02.2026).

в отсутствии единой правовой системы, что по логике нормативистского подхода должно приводить к исчезновению народа.

Однако в преамбуле Конституции РФ декларируется: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации... принимаем Конституцию». В данной формулировке народ выступает именно как политический субъект, обладающий учредительным правом и выступающий первичным источником легитимации, тем самым являясь доправовым и надправовым понятием, где формулировка «многонациональный» прямо указывает на народ не как на совокупность индивидов, объединенных единой правовой системой, а как на общность с присущим ей этнокультурным многообразием.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

1. Выявлена терминологическая коллизия. В ходе сравнительно-правового и формально-юридического анализа текста Конституции РФ обнаружено содержательное противоречие между двумя подходами к понятию «народ». В статье 3 народ представлен как единый и неделимый субъект права, обладающий суверенитетом и являющийся единым источником власти. В то же время в ч. 1 ст. 9, ст. 68 и 69 термин «народ» используется во множественном числе для обозначения этнокультурных общностей. Данная многозначность в определении понятия создает смысловую неопределенность, затрудняющую последовательное толкование конституционных норм.

2. В нормативистской теории Г. Кельзена народ рассматривается сугубо в юридическом смысле – как адресат правовых предписаний, что в некоторых контекстах не позволяет в полной мере описать природу российского народа как социокультурного и исторического феномена и не в полной мере объясняет статус народа как источника учредительной власти, который закреплен в Конституции РФ. Это актуализирует применение междисциплинарного подхода в определении народа как политико-правовой категории.

3. Определено политико-правовое содержание категории «народ» через ее двойственную природу. В конституционном праве народ выступает в двух значениях: как единая юридическая конструкция, т. е. носитель первичного суверенитета, и как конкретная совокупность граждан, объединенных территорией, культурой, обычаями, языком и государственной принадлежностью. Предложенное разграничение категорий «народ» и «этнос» позволяет устранить терминологические коллизии в Конституции РФ и сформировать непротиворечивую модель народа как субъекта учредительной власти, обеспечивающую моральное и политическое единство общества при сохранении его этнокультурного многообразия.

Список источников

1. Скуратов Ю. И. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) // *Lex Russica*. 2017. № 10 (131). С. 9–26.
2. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Москва: Изд-во МГУ, 2010. 124 с.
3. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2020. 618 с.
4. Алфимцев В. Н. Дефинитивный хаос в нормативном регулировании национальной политики // *Lex Russica*. 2015. № 5. С. 55–63.
5. Середнев В. А. К вопросу о феномене добра и зла или к сущности человека // *Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории*. 2016. № 11 (51). С. 49–60.
6. Грачев Н. И. Основные функции государства, верховная власть и государственный аппарат: критерии разграничения и политико-правовое содержание // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. Т. 6, № 2. С. 140–149.
7. Грачев Н. И. Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира // *Московский юридический журнал*. 2022. № 3. С. 67–84.
8. Краевский А. А. Чистое учение о праве и современный юридический позитивизм // *Правоведение*. 2015. № 2. С. 88–125.

References

1. Skuratov Yu. I. Kategoriya «narod» v konstitutsionnom prave Rossii (evrazijskie traditsii i sovremennost') // *Lex Russica*. 2017. № 10 (131). S. 9–26.
2. Shirokogorov S. M. Etnos: issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenij. Moskva: Izd-vo MGU, 2010. 124 s.
3. Dugin A. G. Etnosotsiologiya. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 618 s.

4. Alfimtsev V. N. Definitivnyj khaos v normativnom regulirovanii natsional'noj politiki // Lex Russica. 2015. № 5. S. 55–63.
5. Serednev V. A. K voprosu o fenomene dobra i zla ili k sushchnosti cheloveka // Nauchnaya diskussiya: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii. 2016. № 11 (51). S. 49–60.
6. Grachev N. I. Osnovnye funktsii gosudarstva, verkhovnaya vlast' i gosudarstvennyj apparat: kriterii razgranicheniya i politiko-pravovoe sodержanie // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. 2019. T. 6, № 2. S. 140–149.
7. Grachev N. I. Metodologicheskie problemy issledovaniya suvereniteta i ego politiko-pravovaya priroda v usloviyakh stanovleniya mnogopolyarnogo mira // Moskovskij juridicheskij zhurnal. 2022. № 3. S. 67–84.
8. Kraevskij A. A. Chistoe uchenie o prave i sovremennyj juridicheskij pozitivizm // Pravovedenie. 2015. № 2. S. 88–125.

Госейнов Магомед Мурадович,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
magomedov2002.nn@gmail.com

Goseynov Magomed Muradovich,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
magomedov2002.nn@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after peer reviewing 02.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 340.1(049.32)

Артем Григорьевич Репьев,

заместитель директора Юридического института
Российского университета транспорта по науке,
заведующий кафедрой теории права,
гражданского права и гражданского процесса,
доктор юридических наук (12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве), доцент

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТА РЕПЬЕВА АРТЕМА ГРИГОРЬЕВИЧА
НА ДИССЕРТАЦИЮ НИСТРАТОВА СЕРГЕЯ ГЕННАДИЕВИЧА
«ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ:
ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД» (ВОЛГОГРАД, 2025. 256 С.),
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

Актуальность темы диссертационного исследования. Современная правовая наука сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных категорий в условиях трансформации правового государства и усложнения механизма реализации публичной власти. Институты контроля и надзора преимущественно рассматриваются как элементы системы обеспечения законности, однако их теоретическое осмысление долгое время сводилось к описательному уровню, не выявляя глубинных функциональных связей с другими элементами правовой системы.

В последние десятилетия в российской и зарубежной юридической науке наблюдается рост интереса к инструментальным (функциональным) подходам в анализе правовых явлений, т. е. к рассмотрению правовых норм, институтов и практик как совокупности инструментов, направленных на достижение определенных целей в сфере государственного и общественного управления. Применительно к контролю и надзору такой подход позволяет выйти за пределы формально-юридического описания полномочий и процедур и сосредоточиться на их роли в обеспечении законности как центрального принципа правового государства.

Следует признать, что в отечественной литературе до сих пор отсутствует систематизированная теория контроля и надзора как инструментального механизма обеспечения законности. Недостаточно разработаны такие аспекты, как: соотношение контроля и надзора в качестве правовых категорий; их место в структуре механизма законности; критерии эффективности функционирования; взаимодействие различных форм контроля (государственного, муниципального, общественного, внутриорганизационного) с позиции единой инструментальной логики.

В свете указанных моментов теоретическая актуальность исследования обусловлена необходимостью: обновления понятийного аппарата; формирования целостной концепции контроля и надзора как инструментов обеспечения законности; интеграции различных теоретических подходов – от классической доктрины законности до современных теорий регулирования и управления рисками.

Кроме того, предпринятая С. Г. Нистратовым попытка характеризуется практической актуальностью, обусловленной острыми вызовами, с которыми сталкивается правоприменительная система в условиях усложнения административно-правовых отношений, цифровизации государственного управления и повышения требований к прозрачности и подотчетности органов публичной власти.

В Российской Федерации в последние годы проводится масштабная реформа системы государственного контроля и надзора, включая внедрение принципов «регуляторной гильотины», риск-ориентированного подхода, дистанционных форм проверок, автоматизированных систем мониторинга. Эти трансформации требуют не только технической адаптации, но и глубокого правового осмысления: какие инструменты являются легитимными, как сохранить баланс между регуляторной свободой и защитой прав граждан,

как предотвратить правовые коллизии и дублирование функций между различными контрольными органами?

Особую остроту приобретают проблемы правового статуса субъектов контроля и надзора, гарантий их независимости и объективности, а также механизмов защиты проверяемых лиц от административного произвола и злоупотреблений должностных лиц. Недостаточная теоретическая проработка этих вопросов ведет к правоприменительной неопределенности, снижению эффективности контрольных мероприятий и ослаблению доверия к институтам публичной власти.

Таким образом, практическая актуальность исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства в сфере контроля и надзора; формировании критериев эффективности и легитимности контрольных инструментов; обеспечении научного сопровождения реформ в сфере государственного управления; повышении правовой культуры как контролируемых, так и контролируемых субъектов.

Наконец, третьим аргументом, характеризующим актуальность исследования, выступает социально-экономический контекст работы С. Г. Нистратова. Он связан с ролью контроля и надзора в обеспечении стабильности правопорядка, защите прав и свобод граждан, а также содействию устойчивому экономическому развитию.

Диссертант крайне своевременно устанавливает закономерность – нестабильность, непредсказуемость и коррупционная составляющая контрольной деятельности напрямую влияют на инвестиционный климат, предпринимательскую активность и социальное самочувствие граждан. Избыточное или неэффективное регулирование, сопровождаемое жесткими формами надзора без учета реальных рисков, тормозит инновационное развитие и порождает теневую экономику. В то же время слабость контрольных механизмов приводит к росту правонарушений, несоблюдению экологических и санитарных норм, угрозам безопасности населения.

В условиях перехода к цифровой экономике и «умному» государственному управлению возникает необходимость переосмысления не только форм, но и целей контроля. Контроль и надзор должны быть не просто средствами выявления правонарушений и наказания виновных, но и инструментами проактивного предотвращения неблагоприятных последствий, поощрения добросовестного поведения и формирования культуры законопослушания.

Таким образом, предпринятая соискателем С. Г. Нистратовым попытка исследования контроля и надзора через призму инструментального подхода представляет собой ответ на вызовы времени, требующий синтеза теоретических достижений, практических потребностей и социально-экономических приоритетов. Только комплексный теоретико-правовой анализ позволяет выявить сущность и функциональное предназначение этих институтов не как формальных процедур, а как живых, динамичных механизмов обеспечения законности – основы правового государства и устойчивого развития общества. В условиях трансформации государственности и усложнения правовых связей между субъектами публичного и частного права работа С. Г. Нистратова приобретает не только научное, но и общественно значимое измерение.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации относительно контроля и надзора в механизме обеспечения законности, подтверждается верно избранной методологией исследования, глубокой проработкой теоретической, нормативной баз и эмпирической составляющей.

Диссертационное исследование Нистратова С. Г. характеризуется продуманной и логически выверенной структурой, которая обеспечивает системное изложение научного материала. Работа построена по классической концепции научного труда и включает в себя несколько ключевых компонентов: введение, основную часть, представленную двумя главами, заключение и список литературы.

Основная часть исследования состоит из семи параграфов, которые органично встроены в архитектуру двух глав. Такая организационная композиция материала позволяет автору последовательно и методично раскрыть все аспекты исследуемой проблематики.

Первая глава «Общетеоретические проблемы законности и ее гарантий: критический анализ и современные подходы» (с. 14–107) состоит из трех параграфов и посвящена общетеоретическим проблемам понятия и содержания законности и ее гарантий. Автором в первом и втором параграфе с учетом исторического ракурса делается акцент на понимании законности и ее гарантий, а также с позиции современных подходов к понятию правозаконности и конституционной законности дается весьма интересная интерпретация законности и специальных инструментов ее обеспечения (с. 19–22, 23–27, 36, 55). Диссертант справедливо отмечает влияние цифровизации на современные тенденции эволюционного развития пра-

вовых явлений в том числе и на законность (с. 38–40). В третьем параграфе первой главы предметом анализа становится контрольно-надзорная деятельность как особый инструментариий обеспечения законности. Соискателем обоснованно проведен сравнительный анализ контрольно-надзорной и правоохранительной деятельности, поскольку данные явления во многом схожи, однако имеют существенные отличия (с. 76–78). Значимым в работе С. Г. Нистратова являются выделенные характерные и отличительные признаки контроля и надзора, которые позволили исследователю сформулировать собственное определение контроля и надзора как специальных инструментов в механизме обеспечения законности (с. 86–89, 90–92). Логическое завершение третьего параграфа выражается в авторском определении контрольно-надзорной деятельности как инструментария обеспечения законности (с. 105).

Анализ указанного круга вопросов позволил диссертанту перейти к более конкретной проблематике, касающейся институциональных аспектов контроля и надзора как специальных инструментов в механизме обеспечения законности. С этой целью автор в первом параграфе второй главы выделяет и рассматривает принципы (с. 111–115), цели (с. 119–120) и функции (с. 123–126) системы контрольной деятельности в Российской Федерации. В научном плане представляет интерес проведенный диссертантом во втором параграфе второй главы анализ роли различных видов контроля в обеспечении законности через механизм правового регулирования (с. 131–150). С. Г. Нистратов формулирует немало интересных предложений, направленных на совершенствование контрольно-надзорного механизма в нашей стране. В творческом ключе рассмотрена проблема общественного контроля как гарантии законности, особенно актуально выглядят предложения автора по формированию и оптимизации общественного контроля в контексте формирования гражданского общества (с. 159–160). При этом в работе дана оценка современного состояния законодательства в области контрольно-надзорной деятельности. В результате этого выявлены недостатки правовой основы регулирования контроля и надзора и, прежде всего, отсутствие законодательного разграничения этих правовых категорий. В третьем параграфе второй главы автор особое внимание уделяет вопросу надзорной деятельности в механизме обеспечения законности. Диссертант выделяет и обосновывает мысль о том, что надзорная деятельность как специфичный инструмент в механизме обеспечения законности, осуществляется единственным, специальным органом государственной власти – прокуратурой (с. 163). Далее автором весьма успешно рассмотрены вопросы принципов, целей, функций и видов надзора, а также методов, средств, способов по установлению и обеспечению законности (с. 166–185). Диссертант справедливо отмечает, что для совершенствования контрольной деятельности необходим надзор за законностью, способствующий не только установлению режима законности в государстве и обществе, но и совершенствованию эффективности контроля как гарантии обеспечения законности (с. 168). В завершение исследуемого вопроса С. Г. Нистратовым высказан ряд весьма актуальных предложений по совершенствованию прокурорского надзора (с. 186–190).

Достоверность и новизна положений, выводов, рекомендаций, сформулированных в диссертации. В рамках проведенного исследования С. Г. Нистратов осуществляет фундаментальный теоретико-правовой анализ контроля и надзора как основных инструментов в механизме обеспечения законности.

Определенным новшеством в теории законности явилось рассмотрение автором международного контроля через призму гарантий обеспечения законности в национальной российской юридической практике. Диссертантом справедливо отмечено, что проблема международного контроля становится актуальной в современном мире с развитием глобальных торговых связей, ростом цифровизации в государственно-правовой сфере, стремительным научно-техническим прогрессом и формированием различных центров социально-культурного влияния, когда вопросы, стоящие перед мировым сообществом, не могут быть решены отдельными государствами. Более того, практика межгосударственных договоров и правовая реальность в России в определенной мере опережают теоретические переосмысления в связи с реакцией некоторых государств на проведение специальной военной операции (с. 196). Заслуживает внимания и поддержки авторское понимание международного контроля с учетом выделенных ранее признаков контроля как инструментария в механизме обеспечения законности (с. 201). Весьма интересен вывод исследователя о роли конституционного контроля в механизме обеспечения внутригосударственной законности и правопорядка в стране (с. 218–219).

Значение выводов и рекомендаций, полученных в диссертации, для науки и практики. Весомым вкладом в развитие теории права является разработанная автором основа для полноценного формирования концепции обеспечения законности через институциональные элементы, в первую очередь, контроль и надзор. В диссертации С. Г. Нистратова весьма своевременно предпринято исследование одной из наиболее актуальных и сложных юридических проблем – создания эффективно действующей контрольно-надзорной деятельности как специального инструментария в механизме обеспечения законности.

Очевидно, что значимость исследуемой темы для теории и практики периодически возрастает в условиях сложных переходных эпох государственно-правового развития. Как свидетельствует юридическая практика современной России, одним из показателей кризиса отечественной законности является недостаточно эффективная контрольно-надзорная деятельность.

Без сомнения, следует с положительной стороны отметить *личный вклад соискателя в разработку научной проблемы, репрезентативность эмпирического материала*, глубокую обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в представленном диссертационном исследовании. Автор, опираясь на существующий в отечественной и зарубежной литературе научный задел по проблемам законности и ее механизма обеспечения осуществил логически взаимосвязанную разработку концепции контроля и надзора как специфических инструментариев обеспечения законности. При этом диссертантом на основе современного понимания государственного управления с учетом тенденций международного и государственного развития создана основа для целостной инструментальной концепции контрольно-надзорной деятельности как гарантии законности.

Положительно следует оценить теоретическую и эмпирическую базу исследования, включающую в себя обширный перечень монографий, статей, диссертаций, нормативных правовых актов и других источников информации, судебную, прокурорскую практику, международно-правовые акты и т. д. (всего 316 позиций). Творчески используя инструментарий современной науки, философскую, политологическую, юридическую и другую литературу, диссертант обосновывает и формулирует ряд новых положений и выводов, которые обогащают и развивают отечественную теорию права.

Общая оценка содержания диссертации, ее завершенность. Выносимые соискателем положения на защиту аргументированы, доказательны. Применяя многообразие средств и способов познания, диссертанту удалось раскрыть объект и предмет исследования, достичь поставленной цели и решить задачи.

Материалы диссертации в достаточной мере изложены в 17 научных статьях автора, 8 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Содержание диссертации и автореферата соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней. Результаты исследования получили необходимую апробацию в ходе проведения научных конференций и иных мероприятий, внедрены в образовательный процесс.

Отмечая в целом высокий научный уровень проведенного диссертационного исследования, нельзя не указать, что, как всякого рода работа творческого характера, она содержит отдельные погрешности, некоторые неточности и противоречия, спорные моменты, которые дают основания для научной дискуссии.

Первое. Вынуждены обратить внимание на тривиальность первого выносимого на защиту положения. Констатация трансформации общественных отношений, реформирования их политического, экономического и иных сегментов – сама по себе вряд ли может выступать совокупностью научно-обоснованных, аргументированных и обладающих научной новизной выводов и результатов исследования, коими должны быть положения на защиту. Возможно, автор хотел продемонстрировать новизну методологического подхода, применяемого им в рамках познания теории законности и механизма ее обеспечения, однако сделал это весьма неудачно.

Второе. При ознакомлении с положениями, выносимыми на защиту, остается неясным взгляд соискателя на узловую для данного исследования связку – соотношение контроля и надзора. Немало исследователей дореволюционной эпохи, советского периода развития права и государства, а также наших современников пытались установить элементы их общего, особенного и единичного. В рамках рецензируемого исследования соискатель отчасти ушел от этого сложного вопроса. Автором лишь в пятом положении, выносимом на защиту, среди значимых различий между административным контролем (административным надзором) и прокурорским надзором упоминается целевая специфика исследуемых явлений (с. 10). При этом в тексте диссертационного исследования Нистратов С. Г. останавливается на отличительных признаках контроля и надзора как инструментариев в механизме обеспечения законности (с. 91, с. 99–100). Как думается, данное диалектическое соотношение могло быть развито, углублено и должно было найти отражение в положениях на защиту.

Третье. Несколько противоречивым представляется включение в авторскую концепцию законности терминологической единицы «режим». В частности, дистанцируясь от устоявшейся в науке точки зрения, что законность сама по себе представляет особый правовой режим (с. 25–26, 29–30 и др.), позиционируя свой подход познания законности как инновационный, соискатель на страницах диссертации все же сам неоднократно допускает смысловую и текстуальную связку «режим законности» (с. 120, 125, 157, 166 и др.). В заключение автор и вовсе формулирует становую опору исследования через данную связку: «Создание в России сильного правового государства – задача необыкновенно трудная. Но решить ее,

не установив режим законности, вообще невозможно» (стр. 224). В итоге не совсем понятно, является ли в авторской концепции законность режимом (реально существующим или тем, к которому нужно стремиться), либо режим выступает компонентом законности (что буквально следует из предлагаемой дефиниции на стр. 9, 36)? Если соискатель подтвердит последний вариант, хотелось бы в ходе публичной защиты услышать обоснование и примеры режимов, включаемых автором в категорию «законность».

Наконец, *четвертое*. Подтверждая комплиментарную оценку анализа целевого предназначения контроля и надзора, их характеристику как инструментов обеспечения законности, можно констатировать – исследование целей контроля и надзора и их позиционирование как средств проведено качественно, но только если эти два аспекта рассматривать по отдельности, в изоляции друг от друга. Между тем цель и средство нужно изучать во взаимосвязи. Парность данных категорий, о которой неоднократно упоминается в литературе и которую подтверждает сам автор (с. 33), обуславливает необходимость их комплексного рассмотрения, чего в диссертации не продемонстрировано. Если говорить конкретнее – диссертант должен был обозначить такую цель контроля и надзора, которую можно было бы достичь только за счет реализации их как средств. В то же время названные соискателем цели, стоящие, например, перед контролем: «охрана конституционного строя, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, повышение эффективности государственного управления, поддержание стабильности государственного устройства; выявление и предупреждение фактов нарушения законности» (с. 119–120), могут быть достижимы не только за счет контроля и надзора, а в совокупности с иными элементами механизма обеспечения законности. Полагаем, данный аспект исследования требует дополнительной аргументации.

Вместе с тем все замечания имеют исключительно рекомендательный характер и направлены на оптимизацию и совершенствование научного труда. Необходимо особо отметить, что высказанные пожелания не ставят под сомнение научную обоснованность и достоверность выводов, к которым пришел автор в результате проведенного исследования.

Диссертационное исследование является результатом самостоятельной и целенаправленной научной работы, в ходе которой успешно решена актуальная научная задача в области теоретико-исторических правовых наук. Автору удалось не только сформулировать научную проблему, но и предложить обоснованные пути ее решения, что свидетельствует о высоком уровне научной квалификации диссертанта.

Вывод. Диссертационное исследование Нистратова Сергея Геннадиевича «Теоретико-правовой анализ контроля и надзора в механизме обеспечения законности: инструментальный подход» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук абзацем 2 п. 9 и п. 10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, является единолично выполненной и завершенной научно-квалификационной работой, а ее автор Нистратов Сергей Геннадиевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

УДК 340.1(049.32)

Дмитрий Владимирович Бойко,
директор АНО «Правозащитный центр „Родина-Мать“»,
кандидат юридических наук

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ СЕРГЕЯ ГЕННАДИЕВИЧА НИСТРАТОВА
«ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ:
ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД» (ВОЛГОГРАД, 2025. 256 С.),
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

Диссертация С. Г. Нистратова посвящена актуальной теме, которая имеет большое теоретическое и практическое значение в правовой жизни российского общества. В условиях форматирования международных взаимоотношений, перехода нашей страны к цифровому правительству, совершенствования правового регулирования общественных отношений и государственного управления важен поиск действенных инструментов обеспечения законности и правопорядка. При этом возрастает потребность в оптимизации алгоритмов взаимодействия между всеми субъектами права для обеспечения достижения социально полезных целей. Навязываемая мораль представителями «западного мира», трансформируемая в нормы права, включая международно-правовые взаимоотношения, влечет за собой угрозу законности и правопорядку в стране, а также суверенитету и безопасности российского государства и общества. Принятые поправки в Конституцию РФ в 2020 г. и вступивший в законную силу Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» свидетельствуют о своевременном и важном преобразовании в правовом регулировании общественных отношений нашей страны. В этой связи деятельность по инновационным преобразованиям объективной действительности должна перерасти в общую идею, стать объектом заботы всех участников общественных отношений. По мнению автора, сегодня становится особенно очевидной потребность в действенном механизме обеспечения законности и рассмотрение понятия законности и ее обеспечения актуально с позиции новых методологических основ (с. 32, с. 41 дис.).

Диссертант вполне объективно отмечает, что в контексте переживаемого современным мировым сообществом геополитического кризиса, с проведением Российской Федерацией специальной военной операции уязвимыми и неэффективными оказались некоторые действующие инструменты в механизме обеспечения законности и правопорядка (с. 214–215 дис.). Законность, выступающая правовым средством образования и функционирования устойчивого правопорядка, имеет свою внутреннюю структуру. В данную структуру входят разнообразные правовые явления, выступающие в виде специальных (специально-юридических) инструментов. В этой связи в теории законности важную роль играют правовые инструменты, именуемые гарантиями законности, в том числе – контроль и надзор (с. 42 дис.). Проведение специальной военной операции обнажило многие внутренние проблемы государственного управления, включая и контрольно-надзорную деятельность. Неэффективная работа контрольно-надзорной деятельности и в целом государственного управления в сфере миграционных процессов – лишь одно из подтверждений существующей негативной ситуации, требующей кардинальных изменений в работе правоохранительной системы. Это, в свою очередь, показывает актуальность и востребованность проводимых исследований в области контрольно-надзорной деятельности как инструментов обеспечения законности и правопорядка.

В работе анализируется обширный круг философско-правовых источников и действующих международных нормативных актов, позволяющих автору скрупулезно разобраться в поставленной цели и обозначить круг проблемных вопросов, требующих самостоятельного теоретического осмысления. Выявляя степень научной разработанности изучаемой проблемы, автор справедливо отмечает, что, несмотря на имеющиеся публикации и диссертационные исследования, указанное направление остается одним из наиболее слабо разработанных в отечественной теоретико-правовой науке (с. 5–6 дис.).

Следует положительно оценить методологическую, теоретическую и нормативную базу исследования. Методологическую основу составили положения диалектического метода познания правовой действительности, а также частные научные методы: логический, сравнительно-правовой, исторический, классификационный, статистический, социологический, метод обобщения. Кроме того, в ходе исследования использован инструментальный подход, который ориентирован на праксиологическую составляющую проявления специальных инструментов (правовых средств) в процессе обеспечения законности и достижения устойчивого правопорядка. Совокупность методологических подходов в значительной мере предопределили обоснованность многих выдвигаемых автором предложений и выводов, а также правомерность основных положений, выносимых на защиту. Это, в свою очередь, дает нам повод признать результаты рассматриваемого исследования актуальными как для теоретической юриспруденции, так и для отраслевых наук.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что, несмотря на обилие общетеоретических и отраслевых разработок в этой сфере, впервые предпринята попытка комплексного теоретического осмысления целостной инструментальной концепции контрольно-надзорной деятельности как механизма обеспечения законности, учитывающей современные международные, национальные и технологические тенденции государственно-правового развития. Впервые рассмотрены новые явления политико-правовой жизни страны (цифровые инструменты обеспечения законности, цифровой правовой мониторинг, международный контроль) в качестве специально-технических и юридических инструментов, обеспечивающих (гарантирующих) режим законности.

Проведенный теоретико-правовой анализ представляется достаточно актуальным и, что немаловажно, своевременным, так как подобного рода исследования призваны подготовить и обеспечить Российское государство в его полемике с западными партнерами и при формировании внутренних реформ и преобразований.

Весьма импонирует попытка автора определить законность как инструмент (средство) достижения стабильного правопорядка как цели правового регулирования, состоящий из комплекса требований, принципов, режимов и механизмов, обеспечивающих права и свободы членов общества путем точного, строгого и неуклонного исполнения законов и иных правовых актов всеми субъектами права. При этом законность в теоретическом плане выступает связующим звеном, помогающим уяснить процесс действия права и перехода от одной категории «право» к другой категории «правопорядок», а в практическом плане законность выступает инструментом реализации права, когда нормативные предписания находят воплощение в действиях всех субъектов законности (с. 9 дис.).

Нельзя не согласиться с умозаключением диссертанта о том, что внедрение новых технологий, процессы цифровизации позволят законодателю и правоприменителю использовать весь ресурс и средства для установления законности и прогнозирования бесперебойного функционирования механизмов и средств (инструментов) ее обеспечения. Более того, к задачам и цели контрольно-надзорной деятельности как инструментарию законности добавляется управляющее воздействие, которое минимизирует человеческое участие в принятии решений и исключает необоснованное вмешательство в деятельность как субъектов законности, так и подконтрольных (поднадзорных) объектов (с. 12 дис., с. 106 дис.).

Апробация результатов исследования свидетельствует об известности идей диссертанта в научном сообществе. Несомненно, что результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений при изучении учебных курсов «Теория государства и права», «Конституционное право России», «Административное право», «Международное право». В научно-исследовательской деятельности при разработке общетеоретических и отраслевых проблем станут основой для дальнейшего изучения процессов правообразования, правовой и политической активности граждан, новых форм проявления демократического развития, инновационных преобразований общественных отношений.

Из содержания диссертации можно сделать вывод, что она представляет собой комплексное, логически завершённое монографическое исследование. В своей научной работе автор сумел достичь поставленных задач и цели исследования. Диссертация написана хорошим языком, юридически грамотно, оформлена в соответствии с установленными требованиями. Основные положения диссертации аргументированы, выводы вполне убедительны, с большей частью которых оппонент не только согласен, но и солидарен. Диссертация отличается завершённым характером и содержит в себе решение научной задачи, имеющей значение для развития в области теории права. В рамках работы изложены новые научно обоснованные теоретико-правовые решения, обладающие важным правовым, научным и практическим значением.

Оценивая в целом положительно работу С. Г. Нистратова, вместе с тем следует признать, что ей присущи некоторые положения дискуссионного характера, а также ряд утверждений, которые можно подвергнуть критике. Их можно свести к следующему:

1. Автор справедливо отмечает, что на современном этапе развития российской государственности многие средства обеспечения законности и стабильного правопорядка претерпевают существенные изменения, трансформируясь под воздействием цифровых и технологических процессов. Кроме того, диссертант уделяет указанным процессам достаточное внимание, полагая, что существующая модель обеспечения законности и правопорядка в недалеком будущем способна принять иные, чем сегодня, и еще неизвестные юридической науке и практике формы (с. 38). В этой связи несомненным плюсом работы могло бы стать мнение автора о возможности использования современных технических средств (инструментов) в механизме обеспечения законности. Стоит ли в принципе интегрировать в механизм обеспечения законности и правопорядка современные наработки в сфере искусственного интеллекта? Какие существующие наработки уже можно внедрить в практическую среду контроля и надзора? Какие критерии и границы использования программных алгоритмов в механизме обеспечения законности?

2. Некоторое возражение вызывает мнение автора об отнесении надзора как инструментария обеспечения законности только к деятельности органов прокуратуры, поскольку существующий и действующий судебный, а также административный надзор обладает рядом отличительных признаков от контрольной деятельности и схож в целом с характеристикой надзорной деятельности (с. 164 дис.).

3. Проводя критический анализ учений о гарантиях законности (с. 42–76 дис.), автор рассматривает систему общих и специально-юридических гарантий законности. На наш взгляд, недостаточно уделено внимания духовно-нравственной составляющей гарантированности законности и важности формирования у субъектов законности сознания нетерпимости к нарушениям правовых предписаний. Автором лишь вкратце перечислены духовные (идеологические) гарантии законности (с. 45).

Рассмотренные выше критические замечания не ставят под сомнение общий, безусловно, высокий уровень проведенного диссертационного исследования, так как носят дискуссионный или рекомендательный характер и преследуют одну цель – помочь автору в дальнейшем научном поиске при написании соответствующих монографических исследований.

В целом считаю необходимым констатировать, что диссертация на тему «Теоретико-правовой анализ контроля и надзора в механизме обеспечения законности: инструментальный подход» соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней и ученых званий, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Нистратов Сергей Геннадиевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

В ЖУРНАЛ «ТРАКТАТ ПРАВОВЫХ ИНИЦИАТИВ», ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ

Журнал является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Учредителем, редакцией, издателем, распространителем и собственником имущества редакции журнала является Волгоградская академия МВД России.

Наименование на русском языке – «Трактат правовых инициатив», на английском языке – Journal of Legal Initiatives, на латинском языке – Tractatus initiativarum legis. Все названия журнала равнозначны.

Журнал издается на русском языке. Периодичность издания – ежеквартально, 4 раза в год.

Основные тематические рубрики журнала:

1. Теоретико-исторические правовые науки.
2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
3. Правовая политика и право.
4. Место искусственного интеллекта в теории права.
5. Трибуна молодого ученого.
6. Рецензии, отзывы, обзоры научно-представительских мероприятий.

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований кандидатов и докторов наук, соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук, адъюнктов и аспирантов, а также практикующих юристов и государственных служащих.

Основными задачами журнала являются:

– публикация оригинальных материалов, в которых представлены результаты актуальных научных исследований по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;

– популяризация идей совершенствования административного и административно-процессуального законодательства, содействие развитию юридической науки, консолидация научного сообщества для выработки актуальных правовых инициатив и освещение новых научных идей, направленных на совершенствование правовой жизни Российской Федерации, развитие российской цивилизационной государственности;

– содействие в повышении научного потенциала профессорско-преподавательского состава Волгоградской академии МВД России и других образовательных организаций юридического профиля.

Основными целями Журнала являются:

– внесение значимого вклада в развитие отечественной юридической науки;

– создание площадки для открытой научной дискуссии по актуальным проблемам права, правовой политики, цифровизации права и внедрения искусственного интеллекта в систему права Российской Федерации;

– представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях системы МВД России и других образовательных организациях юридического профиля;

– информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

– обмен положительным опытом практической деятельности правоохранительных органов;

– поддержка и развитие научного потенциала молодых ученых;

– организация открытой научной полемики, способствующей повышению качества научной работы;

– информирование научного сообщества о ключевых событиях и публикациях в области права.

Электронная версия журнала после его выхода в свет размещается на официальном сайте журнала по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>, а также на электронных платформах библиотек и правовых систем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Направление автором рукописи статьи в редакцию журнала означает его согласие с правилами представления рукописей, ее опубликованием и размещением на официальном сайте журнала, а также на электронных платформах библиотек и правовых систем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Публикация статей бесплатная, гонорары авторам не выплачиваются.

В публикуемых материалах не должно содержаться сведений, относящихся к государственной тайне и к служебной информации ограниченного распространения.

Основной текст рукописей представляется на русском языке.

Представляемая к опубликованию рукопись должна по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала и научной специальности. Содержать развернутое обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, которая должна коррелироваться с наименованием статьи. Предлагать конкретные пути решения заявленной проблемы, имеющие значимость для практической деятельности правоохранительных органов, не носить описательный (информационный) характер. Рукопись должна иметь четкую структуру в соответствии с требованиями журнала.

Рубрика статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева. Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), ученая степень, ученое звание, должность, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника ORCID (при наличии). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами: введение; методы; результаты; обсуждение (при наличии); заключение.

При подготовке статей и иных материалов учитываются положения ГОСТ Р 7.0.110-2025.

Пристатейный затекстовый список библиографических ссылок, содержащий не более 25 источников (рекомендуемое количество 10–15 источников), с указанием цифрового идентификатора (DOI) цитируемой публикации (при его наличии в цитируемом источнике), и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, размещается в конце текста.

В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из списка библиографических ссылок, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (транслитерация русского алфавита латиницей). На все источники должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в список библиографических ссылок анонимных источников и правовых документов в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в списке библиографических ссылок труднодоступных, неопубликованных, а также локальных, популярных источников: газет, неопубликованных отчетов. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 сантиметра каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы представляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 10 страниц.

Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц (не включая обязательные атрибуты, список библиографических ссылок, таблицы, иллюстрации), рецензии и отзывы – не более 10 страниц, обзоры научно-представительских мероприятий – не более 2 страниц.

Плагиат в любых объемах и формах, в том числе неоформленные цитаты, а также присвоение прав на результаты чужих исследований недопустимы. Оригинальность текста рукописи (без наименования статьи, аннотации, ключевых слов, сведений об авторе и списка библиографических ссылок) должна составлять не менее 70 %. Обзоры и статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований и обращений к нормативным правовым актам, рассматриваются в индивидуальном порядке и по мотивированному решению редакции журнала могут иметь оригинальность менее 70 %. Ссылки на первоисточники заимствованных материалов обязательны.

В оригинальность статьи не входят самоцитирование и цитирование.

Использование автором своего ранее опубликованного текста должно сопровождаться соответствующими ссылками.

На последнем листе автор указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук, аспиранты и адъюнкты также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Количество авторов научной статьи не может превышать трех человек. По мотивированному решению редакции журнала возможно опубликование статьи с числом авторов более трех.

Если авторов несколько, они могут указать свой персональный вклад в создание статьи (например, «Авторы внесли равный вклад в создание статьи») или уточнить, какой персональный вклад в создание статьи внес каждый из них. Отсутствие в поступившей в журнал на опубликование статье указания о вкладе каждого автора рассматривается как внесение авторами равного вклада в создание статьи.

Автор может выразить благодарность лицам или организациям, оказавшим значительную помощь в проведении исследования (в том числе в случае субсидирования исследования). Благодарности и данные о финансировании размещаются кратко в конце статьи.

При обнаружении некорректного заимствования, попытки маскировки заимствования, генерирования текста при помощи искусственного интеллекта или факта размещения автором материала, предложенного журналу, в другом издании, автор уведомляется об этом, ему отказывается в публикации и новые варианты рукописи и другие исходящие от него публикационные предложения не рассматриваются.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты представляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Датой поступления статьи в редакцию считается день представления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

Материалы представляются в редакцию посредством сервиса российской научно-издательской системы Editorum в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>.

К представлению требуется следующий пакет документов:

- статья в формате .docx;
- статья с подписями авторов (при необходимости и научного руководителя) на последнем листе в формате .pdf;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявка на опубликование научной статьи в формате .pdf.

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи ответственный секретарь ведет переписку с автором посредством электронной почты, указанной в контактных данных, или посредством сервиса российской научно-издательской системы Editorum в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>.

К изданию не принимаются материалы, имеющие религиозно и политически тенденциозный характер, содержащие пристрастные, необоснованные и (или) стилистически некорректные оценки других научных работ и ученых, а также материалы автобиографии.

Редакция журнала использует ретракцию (отзыв статьи) в целях предупреждения читателей о недопустимости дублирующих публикаций (когда автор представляет одни и те же данные в нескольких публикациях), плагиата, сокрытия конфликтов интересов, представления недостоверных данных, которые могли повлиять на интерпретацию данных или рекомендации об их использовании.

Основаниями для отзыва статьи являются:

- некорректное (неоформленное) заимствование (плагиат) в опубликованной статье;
- дублирование статьи в нескольких изданиях;
- большой объем самоцитирования, выразившегося в повторяемости уже опубликованных в других изданиях результатов исследований;
- фальсификации или фабрикация результатов исследования (например, подтасовка экспериментальных данных);
- серьезные ошибки (например, неправильная интерпретация результатов исследования), которые ставят под сомнение научную ценность статьи;
- скрытый авторами конфликт интересов;
- статьи, не принятые к опубликованию, не хранятся и авторам не возвращаются.

Заявка

на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Трактат правовых инициатив» / Journal of Legal Initiatives / Tractatus initiatarum legis

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте научно-практического журнала «Трактат правовых инициатив» / «Journal of Legal Initiatives» / «Tractatus initiatarum legis» или на сайте Волгоградской академии МВД России в разделе научно-практического журнала в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом Редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

« _____ » _____ 20 ____ г.

подпись

И.О. Фамилия